
58
й номе
7–8'05
ANARCHY IN THE
UKR
фото | станислав волязловский
<NO FUTURE>

Информационно-развлекательный журнал "НАШ"
#7-8(июль-август)2005 года
Издатель и учредитель:
ООО Независимая издательская организация "Дива"
Адрес редакции и издателя:
49038 Днепропетровск,
пр-кт Карла Маркса, 98,
80562.32-25-80, 8056.370-42-68
Журнал отпечатан в типографии "Украина":
Днепропетровск, ул. Комиссара Крылова, 7а, 0562.347711
Главный редактор – А.В.Бухман
Тираж[25000]экз.
Цена договорная
Индекс подписки в УКРПОЧТЕ: 22927
Свидетельство о регистрации кв#3605 от 24.12.1998

фото макс афанасьев & елена афанасьева
<totem@public.kherson.ua>

издатель и главный редактор **антон бухман**
коммерческий директор **виктория никитина**
редактор **макс шевцов**
редактор **владушка оладушка**
менеджер по распространению **виктория заворотняя**
цветоделение и pre-press **андрей давыдов**
цветокоррекция&активное вмешательство в творческий процесс **олег кравчук**
дизайнер **вадим ганненко**
арт-директор-дизайнер-и-всё-такое **игорь николаенко**

этот номер создан совместно с центром ТОТЕМ,

при активном участии **елены афанасьевой, макса афанасьева, стаса волязловского, юлии волязловской, славы машницкого, андрея луста** (фамилия не склоняется!) и **резинового крокодила**

а также неутомимого человеко-аппарата **александра кадникова**

Организации, занимающиеся реализацией журнала "НАШ" по Украине:

Днепропетровск: ООО "СВ", т. 323993; ООО "Реал -Собор", т. 321661; ЧП Тишкина , т. 7786642; ЧП Чуйкова, т. 361195; ЧП Голубницкая, т. 342244;
Харьков: Книжный рынок "Райский уголок", ЧП Погорелая, т. (0572)942374;
Крым: ООО "Крымторгпресс", т. (0652)248073; СПД Василевич, т. (0652)277832; ЧП Бучко, т. (0652) 517055;
Одесса: ЧП "Пресслужба Одессы", т. (0482) 344600;
Запорожье: КП "Пресса", т. (0612) 637473;
Львов: "Пресса Плюс", (0322) 634163
Донецк: ЧП Лобачева, т. (062) 3384137, 3811765;

Кременчуг: Агентство подписки "Приватна доставка", т. (05366) 25 833;
Ивано-Франковск: ООО "ЗПС", т. (0342) 556514, 552181.
Представитель в Киеве: т. (044) 5673644.
Представитель в Одессе: т. (0482) 614137.

два
фото:bochick <master_bo@pisem.net>
66 ÷ 3

фото:елена афанасьева,
<totem@public.kherson.ua>

6664

EDIT

(от редакции)

дукціонныя Пилюли
ОЖИРѢНІЯ
100 РУБ
въ мѣсяцъ каждый може
посторонняго дѣла, не за
Условіе высылается за 7
ОТЪ ЗАПОЯ
пьянства пастила-
трезвость,
МОРЩИНЫ
сглаживаетъ и удаляетъ быстро съ лица „Восточное желе". Банка 3 руб.
продается вездѣ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ „ВОСТОЧНОЕ ЖЕЛЕ" въ продажѣ не имѣется, просятъ обращаться съ требованіями въ МОСКВУ, въ Главн. Складъ „ВОСТОЧНАГО ЖЕЛЕ" Мыльниковъ пер., № 11. Иллюстр. проспекты высылаются безплатно.
Остерегайтесь поддѣлокъ!
Свѣжесть, бѣлизна лица, сглаживаніе морщинъ и предупрежденіе появленія таковыхъ безъ употребленія косметиковъ достигаются въ настоящее время массажемъ лица посредствомъ особыхъ аппаратовъ по предварительномъ смягченіи кожи спеціальною паровою ванною. Изобрѣтатель Генрихъ Симонсъ въ Берлинѣ. Единственные представители для всей Россіи
Т-во А. РАЛЛЕ и К°.
Опасность
грозитъ волосамъ, когда начинаетъ появляться перхоть, а слѣдомъ за ней идетъ выпаденіе волосъ, но бороться съ этимъ зломъ не такъ трудно, если только регулярно употреблять
ПЕРУИН-ПЕТО
единственное средство, не содержащее въ себѣ вредныхъ веществъ.
Флаконъ вездѣ—1 руб. 75 коп.
CONSTIPATION
PILULES DE
CASCARA
MIDY
Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
ОБЫЧН. ЗАПОРА
СЧАСТЛИВЫЯ
КРАСАВИЦЫ!
Ихъ ЛИЦО и ШЕЯ
чисты и нѣжны только благодаря употребленію УГРИНА, который скоро и радикально уничтожаетъ всякіе прыщи, экзему, угри, лишаи и пр. болѣзни кожи.
УГРИН вездѣ 1 р. 90 к. банка.
СПБ., РИЧ. ПЕТО, Караванная, 16.
УГРИН
НЕ ПАДАЙТ
Электро-поясъ,
НѢТЪ
В. Муза
W. MUSAL
ИНТЕРЕ
12 карточе
и др. костюм.
интересн. в
ются по получ.
ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ
СТРОГАТЕЛЬНЫЕ

666

фото:александр кадников-таврический
<kodak67@mail.ru>

Благодарим за помощь в подготовке номера 7-8'2005(в беспорядке): Егора Ковальчука, Алексея Цветкова, Николая Троха, Дмитрия Десятерика, Брэка, Женю Белентьева, Александра Кадникова, Елену Афанасьеву, ТОТЕМ, художника

фото макс афанасьев
<totem@public.kherson.ua>

фото djorrj <ftodjo@ua.fm>

Журнал НА!!! всегда рад откликнуться на предложения о творческом сотрудничестве. Главным критерием при отборе работ служат не подлежащие критике вкусы редакции. Публикации интервью, фото- и арт-проектов, информация о концертах, выставках и других культурных событиях не носят коммерческого характера; продукты и ценные подарки направлять на адрес редакции, алкогольные напитки просьба в посылки не вкладывать, потому что уже не лезет.

*арт- и фотопроекты – Игорь Николаенко, арт-директор
art@nash.org.ua
Т.(056)3704268

**тексты – Макс Шевцов, редактор
text@nash.org.ua
Т.(056)3704268

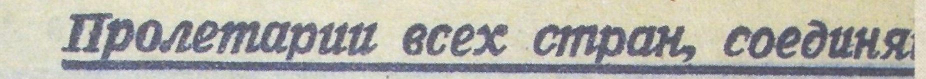
***реклама – Виктория Никитина, коммерческий директор
money@nash.org.ua
Т.(0562)322580

незбиране згущене
з цукром
МОЛОКО
цельное сгущенное
с сахаром
ГОСТ 2903-78
МАСА НЕТТО 400г
МАССА НЕТТО 400г
(04148) 3-33-70

живопись:александр гнилицкий
фото:александр кадников-таврический<kodak67@mail.ru>

фото:богдан rize
спасибо:djorrj
6669
welcome

Пролетарии всех стран, соединя

Коммунистическая партия Советского Со

ПРАВД

Орган Центрального Комит
Коммунистической партии Советского С

дания 49-й
9 (15589)

Воскресенье, 19 апреля 1961 года

Цена

УЮТ: НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТ АГРЕССИЮ ПРОТИВ КУБЬ

убинцы слушают голос Москвы

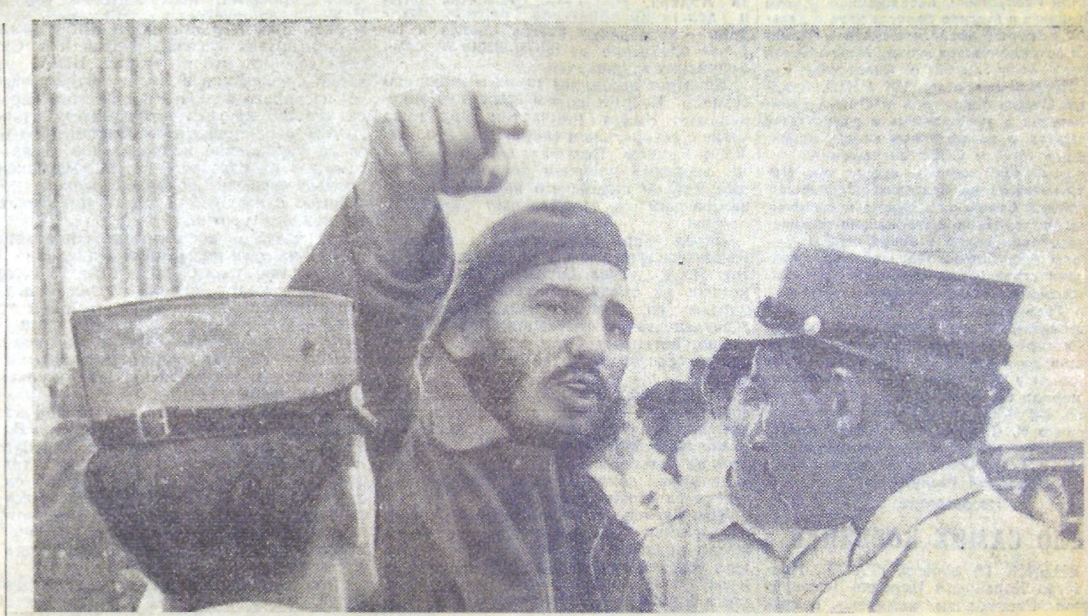
НА, 18 апреля. (ТАСС). В 10 часов 18 часов по московскому време- диостанции Кубы прервали обыч- редачи и включились в единую ля трансляции специального выпу- иогазеты «Венсеремос». Вся стра- шала полученные в Гаване агент- Пренса Латина сообщения о заяв- Советского правительства и посла- С. Хрущева президенту США и.

огучая поддержка

Кубинской Республики в СССР Чомон сделал следующее заявле- «Правды»:

этот трудный для Кубы час, когда волюционные силы, организованные овленные американскими империа- , совершили нападение на нашу на весь мир прозвучал могучий го- ветского Союза. Заявление Совет- равительства, разоблачившее агрес- еред всеми народами, предостере- ответственные за агрессию круги имеет огромное значение для Кубы, ла мира.

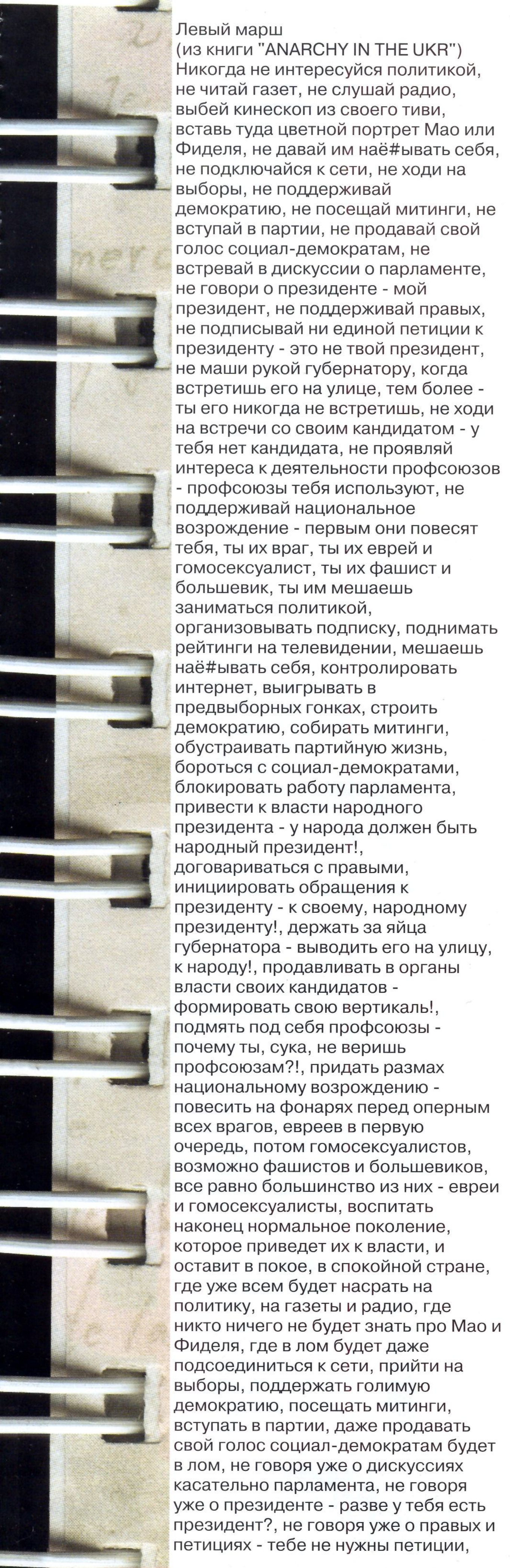
ый своей миролюбивой политике Со-

На снимке: **Фидель Кастро** среди солдат революционной армии. Фото В. Володкина.

Быть коммунистом

Быть коммунистом -
Любить Вагинова и Мандельштама,
Дюшана, Бретона, Годара, фон
Триера, Ханса Хааке,
И многих других,
Известных настолько меньше,
Что называть их здесь это уж явно
"слишком".
Драться с милицией в толпе "не
стильных" пенсионеров.
Внимательно слушать рабочих,
какую бы х#йню они не советовали.
Неделями жить в лондонском
сквоте на мексиканских грибах,
Считая их партизанами,
отменяющими имущество.
Задавать идиотские и
некультурные вопросы из зала.
Знакомиться с бывалыми
людьми в камерах ночных
отделений.
Трахаться так, чтобы
идеология распространялась
половым путем.
Повесить на стену портрет
Гудрун Энслин.
- Какая-то кинозвезда, из 60-
ых? - спрашивают все.
На другой стороне листа, если
перевернуть
(Никто этого так и не сделал)
Другая Гудрун, прижатая
проводом к сетчатому окну
камеры 720.
Ноги, не трогающие пола,
напоминают о преодолении
притяжения.
Не понимать "очевидного",
считая его противником.
Укрывать у себя разыскиваемого
по обвинению в бескровном
теракте.
Обсуждать рекламу, забыв о её
условности.
Прочесть Писание, как будто к
нему нет комментариев.
Расстраивать женщин, готовых
на всё это в артистических
дозах.
Отказывать мужчинам, если им
не до коммунизма.
Играть со своим ребенком в
умную обезьяну, придумавшую
огонь.
Ехать на поезде без билета
туда, где началась революция.
Совсем не та революция, в
которой ты обязан участвовать.
Быть коммунистом -
Писать на стене очень крупно и
очень просто
Организовать забастовку в своем
офисе.
Ходить в посольства проклятых
стран
Не интересоваться концом света
и клубной жизнью.
Быть коммунистом -
Ради более важных дел вовремя
прервать этот текст.

Алексей Цветков

Левый марш
(из книги "ANARCHY IN THE UKR")

Никогда не интересуйся политикой, не читай газет, не слушай радио, выбей кинескоп из своего тиви, вставь туда цветной портрет Мао или Фиделя, не давай им наё#ывать себя, не подключайся к сети, не ходи на выборы, не поддерживай демократию, не посещай митинги, не вступай в партии, не продавай свой голос социал-демократам, не встревай в дискуссии о парламенте, не говори о президенте - мой президент, не поддерживай правых, не подписывай ни единой петиции к президенту - это не твой президент, не маши рукой губернатору, когда встретишь его на улице, тем более - ты его никогда не встретишь, не ходи на встречи со своим кандидатом - у тебя нет кандидата, не проявляй интереса к деятельности профсоюзов - профсоюзы тебя используют, не поддерживай национальное возрождение - первым они повесят тебя, ты их враг, ты их еврей и гомосексуалист, ты их фашист и большевик, ты им мешаешь заниматься политикой, организовывать подписку, поднимать рейтинги на телевидении, мешаешь наё#ывать себя, контролировать интернет, выигрывать в предвыборных гонках, строить демократию, собирать митинги, обустраивать партийную жизнь, бороться с социал-демократами, блокировать работу парламента, привести к власти народного президента - у народа должен быть народный президент!, договариваться с правыми, инициировать обращения к президенту - к своему, народному президенту!, держать за яйца губернатора - выводить его на улицу, к народу!, продавливать в органы власти своих кандидатов - формировать свою вертикаль!, подмять под себя профсоюзы - почему ты, сука, не веришь профсоюзам?!, придать размах национальному возрождению - повесить на фонарях перед оперным всех врагов, евреев в первую очередь, потом гомосексуалистов, возможно фашистов и большевиков, все равно большинство из них - евреи и гомосексуалисты, воспитать наконец нормальное поколение, которое приведет их к власти, и оставит в покое, в спокойной стране, где уже всем будет насрать на политику, на газеты и радио, где никто ничего не будет знать про Мао и Фиделя, где в лом будет даже подсоединиться к сети, прийти на выборы, поддержать голимую демократию, посещать митинги, вступать в партии, даже продавать свой голос социал-демократам будет в лом, не говоря уже о дискуссиях касательно парламента, не говоря уже о президенте - разве у тебя есть президент?, не говоря уже о правых и петициях - тебе не нужны петиции, тебе не нужен губернатор, ты не знаешь своего кандидата, тебе насрать, в каком именно профсоюзе ты состоишь - профсоюз платит за все; точно так же не говоря о национальном возрождении - первым повесили твоего соседа, следующим будешь ты.

Политика куплена, газеты и радио куплены, тиви - ты сам знаешь всю правду о тиви!, Мао мёртв, Фидель мёртв, не давай себя наё#ывать!, сеть контролируется, выборы куплены, демократия мертва, парламент куплен, президент куплен - у тебя нет президента!, правые куплены - в стране нет нормальных правых!, петиции проплачены, губернатор куплен, твой кандидат куплен - ты знаешь, кому продался твой кандидат?!, профсоюзы куплены, все профсоюзы куплены, давно и полностью, все-все лидеры профсоюзов давно куплены или мертвы!, национального возрождения не бывает! им просто хочется тебя повесить! им обязательно нужно тебя повесить! повесить тебя за ноги на фонаре перед оперным! намотать тебе петлю на шею и выбить из-под ног старый конторский стул! так, чтобы все видели! чтоб никто не мог пройти мимо твоей беззащитной туши! чтобы все наблюдали, как тебя болтает свежий августовский ветер! они только об этом и думают, суки! суки! они думают о тебе! они только о тебе и думают! не думай о политике! в газетах - суки! на радио - суки! в телевизоре - суки! Мао, сука, Фидель, бл@дь, сука! в сети одни суки и пидары! на выборах - суки! демократия ссучилась, парламент ссучился! президент - сука, это не твой президент! правые, губернатор, кандидат - суууууууки!!! какие петиции??? какие профсоюзы??? какое возрождение??? суки!!!!!!!!!!!

И попробуй после всего этого не продаться.

Я люблю читать военные мемуары, независимо от того, в каком звании и на чьей стороне воевал автор - был ли он офицером вермахта или петлюровским старшиной, остается ли он по-прежнему лидером мексиканских партизан, или его и по сей день считают чеченским полевым командиром - в описаниях боевых действий время от времени проступает тот нарратив, который лично мне представляется чрезвычайно честным и симпатичным - если уж тебе довелось собственными руками править контуры истории и географии, ты вряд ли начнёшь заниматься морализаторством и дидактикой, вся твоя агитация в этом случае никого не будет интересовать, потому что за тобой будет стоять нечто, куда более важное - твоя биография, твоя причастность к настоящей, непосредственной жизни, к живой истории, к реальной политике, такой, какой она и должна быть - уличной, массовой и несправедливой. Во всяком случае, тогда к ней не может быть никаких претензий. Меня никогда не интересовала политика, за исключением тех случаев, когда она проползала под дверьми моей квартиры и начинала вонять прямо у меня на кухне, тогда я ею начинал интересоваться, точнее я интересовался тем, как от нее избавиться. Попробуй как-нибудь - избавься от политики в своей жизни, увидишь, удастся ли это тебе, насколько у тебя хватит сил и терпения, она чрезвычайно прилипчива, эта курва, она будет заползать в поры и трещины, будет манипулировать тобой, обязательно будет, ты, сам того не желая, начнешь принимать участие в этой игре, устроенной для тебя, но только попробуй играть в эту игру по своим правилам и сразу же получишь по рукам, попробуй, скажи ей - ок, я хочу заниматься политикой, я хочу вступить в нормальную коммунистическую партию, где в этой стране нормальные коммунисты? почему все они ездят на мерсах? я хочу, чтобы у меня был нормальный парламент, который легализовал бы гашиш, я не хочу, чтобы моими депутатами были эти жирные свиньи, я не хочу, чтобы моим губернатором был банкир, а моим кандидатом - какой-нибудь мажор, которому насрать на права трудящихся, я хочу состоять в профсоюзе, но я хочу, чтобы это был нормальный профсоюз, с пулеметами и фугасами, петиции мне не нужны, спасибо. Я действительно хотел бы интересоваться политикой, я хотел бы, чтобы молодежь в моей стране интересовалась политикой, занималась ею, чтобы политика не принадлежала этим старым перепуганным мудакам, говорящим на митингах о национальном возрождении, но я хочу, чтобы она - эта молодежь - боролась не за власть, я хочу, чтобы она боролась с властью, чтобы она захватывала банки и блокировала обладминистрацию, чтобы она контролировала бюджет и выкидывала клерков из окон их кабинетов, чтобы она выходила на субботники под черными флагами, флагами цвета черного женского белья, давайте договоримся о таких методах национального возрождения, в другом виде политика меня действительно не интересует, да и я для нее едва ли представляю особенный интерес. Поэтому, ладно - каждый остается при своем - вы со своими бабками, я со своим каннабисом, на самом деле я живу с вами в одной стране, я люблю эту страну, я не уеду из нее, даже если вы начнете репрессии, всё нормально - вы мне не мешаете, у меня, так же как и у вас, дома есть радио и телевидение. Просто я смотрю другие каналы.

Сергей Жадан (Перевод с украинского – НАШ)

freie Wille

BER LIN. БУНКЕР

Редакция НА!!!его поручила мне написать статью о берлинском Бункере. То, что я пишу, обусловлено генетической памятью предков-антифашистов, моими субъективными представлениями о современном искусстве и симпатиями к сексуальным меньшинствам и, увы, мало отвечает моим представлениям об исполнении редакционного задания. Однако генетическая память подсказывает мне, что конфликт вполне можно уладить с помощью контрибуции. Но это уже читателя не касается.

все фото: елена афанасьева & макс афанасьев
<totem@public.kherson.ua>

6673
non grata(пярну,эстония)
искусство невидимостей
Untergrund arbeiten

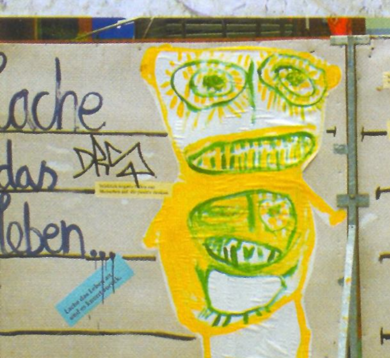
прежнему нанесена Стена, хотя её ошмётки очень невелики, и те отстояли именно художники (жители уж очень хотели под корень разобрать и забыть). Художники сказали - нет, давайте оставим, символ же и всё такое. А почему на карте оставили? А для туристов, им прикольно. Бизнес же... Расписные - кусочки берлинской стены в целлофановых пакетиках - отличный сувенир с прекрасной себестоимостью (т.е. кто успел сообразить - запасся дармовщинкой). Кусочек поменьше - 2,60 евро, побольше - 5 евро. В подлинности можно не сомневаться: во-первых, немцы патологически честные (наверное, со времён, когда были расстреляны все нечестные), а во-вторых, запасы этих сувениров ещё не исчерпаны. Хотя наших в Берлине становится всё больше, а идея бизнеса лежит слишком на поверхности...

После генеральной уборки

Veteranen Strasse плавно переходит в Invaliden Strasse... Иду и думаю - я вообще зачем в Берлине-то? Не статью же писать, и не инсталляцию делать. О! Я же чашки собираю! Вот так просто и тупо собираю чашки из разных городов, где бываю. А из Берлина у меня чашки ещё нет. Вот и всё. А чашка должна быть такая, чтоб сразу видно - немецкая, и чтоб пить приятно. Значит, что-то про войну, про великую победу, про подвиг советского народа, про задавленную фашистскую гадину... И вот тут-то начинается. То ли Германия на себя какие-то обязательства взяла, то ли пакт какой подписала про неиспользование фашистской и советской атрибутики, а только не купишь в Берлине сувенира ни с какой поверженной гадиной. Даже в музее под стеклянным куполом Рейхстага одна-единственная фотка с фашистами подписана: "Съезд национал-социалистской партии Германии". Обычная себе партия, типа у нас много таких...

Похоже, только художники и рефлексируют на фашистское прошлое. Только в галереях и нашлась пара работ со свастиками и с детства знакомым жестом. А всё почему? Потому что художники - совесть нации. А сама нация сделала генеральную уборку, всё прибрала-почистила и расслабилась. Вычистили, блин, даже магазины супер-гипер-радикальных панков-металлистов! Правда, говорят, так чисто только в Берлине, а уже в окрестностях - по-другому. Накануне Бункера экс-русского художника Алексея Кострому в Бранденбурге поймали неофашисты и поломали ему нос. Во, сувенир: фото Костромы с перебитым носом. Генеральных уборок, судя по всему, было две. И если первая отчётливо отдаёт попытками заначковаться ("я не я, и корова не моя"), то вторая пахнет уже нормальным капитализмом. То есть - деньгами. На всех картах Берлина по

6675

jacob kreutzfeldt
(германия)

БУНКЕР

А под поверхностью - бункер. И не один. Стараниями двух художников - Нины и Торстена Рёмер, - родился и уже в седьмой раз процвёл под землёй арт-проект (см. НА!!!, №10-2001). Как супружеская пара, экс-москвичка Нина и коренной немец Торстен сознательно и демонстративно символизируют собой примирение русского и немецкого народов после всех исторических недоразумений. Одной из их первых совместных акций была выставка фотографий, на которых они (Она - в красном платье, Он - в красной будулайской рубахе и белых (!) брюках), целовались на фоне памятников Великой Отечественной войны - например, лёжа в Трептов-парке на плите с именами погибших солдат.

В прошлом году Бункер прогремел под Александр-плац. В этом своё бомбоубежище отдала на растерзание художникам "ARENA" - один из крупнейших берлинских культурных комплексов. А поскольку ARENA ещё и денег отвалила, пришлось устраивать отбор, и из более чем 380 поданных заявок из 27 стран жюри отобрало 30 инсталляций и 16 перфомансов. А чтоб совсем запонтоваться, темой для Бункера в этом году было заявлено "Der Freier Wille", что вначале пробовали перевести как "Свобода Волеизъявления" и вписать в дату "Двадцать лет Гласности". В таком контексте свадебным генералом ARENA пригласила, конечно, Михаила Горбачёва.

сергей воронцов
центр тяжести

ГОРБАЧЁВ

Если бы мы были жёлтая пресса, мы бы написали: "Переход Горбачёва через яйца Костромы не состоялся". Но мы не жёлтая пресса, и поэтому напишем: "Горбачёв спасовал перед яйцами Костромы". Алексей Кострома - теперь уже немецкий художник, хороший, жёлтыми яйцами среди белых выложил в одном из коридоров Бункера слова "FREE WILL". Задачей зрителей было пройти над этими яйцами по тонким натянутым проволокам под прицелом его фотокамеры. Задача, в принципе, выполнимая, но Михал Сергеич почему-то перед ней очканул. Сказал: "Ну, я слишком тяжёлый, наверное..." А Кострома давай ещё подначивать - ну да, прям двести килограмм! А Горбачёв - ну, не двести, а, может, сто есть... И обиделся так, надулся... И тут ему секьюрити: "Михал Сергеич, может, выйдем, хватит?" А тот и рад. Шасть из Бункера - и пошёл свои лекции про перестройку читать (за немалое бабло, кстати). Так и не досмотрел выставку. А ещё демократ. И кстати, водка "Gorbatchow", которую рекламируют в Берлине на каждом шагу - дорогая и плохая. Вот. Но если честно - старика накололи. Сказали, что тема выставки - "Free will" в смысле гласность, а потом сказали, что это, ну, типа "свобода волеизъявления художника". А под такую тему, понятное дело, что угодно можно показывать - хоть Кострому, хоть яйца. На открытии Михал Сергеич сказал (интонации не изменились с перестроечных времён): "Мне сказали, шо меня ведут в бункер. Я сказал - зачем? Ядерной войны же нет... А потом мне объяснили, что это про свободу самовыражения художников. Ну, знаете, полная свобода - без морали, без норм, без бога - этого не должно быть...".

алексей кострома
игры доброй воли

михаил горбачев
(ссср) водка

clemens krauss
(германия)

susanne husemann
(германия)

ГАЛЕРЕИ

А что должно быть? В попытках разобраться брожу по галереям. Сначала вообще кажется, что галереи в Берлине не имеют смысла, потому что их там - шо грязи (если бы один художник захотел сделать свои выставки во всех галереях Берлина, то это был бы проект длиной в его жизнь, жизнь его детей и внуков, которых у него не было бы - просто некогда было бы их настругать). И только через неделю понимаешь: нет, смысл есть. Он состоит в том, что за счёт поднимаемого и удерживаемого (в том числе - с помощью галерей и музеев) культурного уровня даже самый распоследний панк (см. ПАНКИ) не мочится мимо унитаза и выращивает на окне захудалый аспарагус.
Картины стоят от 600 до 3000 евро. Небольшую мазню Йоко Оно можно купить за 1500. Но галереи почти всегда закрыты - никто вообще не встаёт раньше 11-ти, и если на дверях написано, что откроют в час - не верь. Не раньше чем в пять. И вообще - если к вечеру попадёшь на какую-нибудь галерейную презентацию и увидишь, чего презентуют - считай,

повезло, потому что назавтра всё опять будет закрыто. Поэтому часто приходилось разглядывать экспозиции сквозь стёкла, что не очень и напрягало - в махоньких галерейках помещается-то всего 3-4 картины.
Галереи, расположенные на одной улице, ведут себя порядочно, т.е. стараются не конкурировать, сужая свой профиль - от полной абстракции (чёрточки-полосочки на бумажке в клеточку) до фотореализма. Почти везде вход бесплатный. Как им удаётся свои чёрточки-полосочки продавать - загадка... Вообще, при виде такого количества культурных центров с офигенной архитектурой сам собой вылазит вопрос: "Откуда бабло?" Сам собой напрашивается ответ: "В то время как вся страна в поте лица занимается тяжёлым машиностроением, производит и впаривает всему миру фольксвагены, бээмвэ, ауди, опели, мэрсэдесы-бэнцы,- в это самое время... берлинская богема..."

СНОВА БУНКЕР

Увидев в галереях картины одного художника в размере и цвете 1:1 как в Бункере, задумалась. Выходит, Бункер - это всё то же продвинутое берлинское галерейное искусство, только спущенное под землю. Есть ли в этом смысл? Есть. Но только с точки зрения генетической памяти предков-антифашистов. Иначе приятнее топтать ковролин в чистеньких галереях. А в Бункере капает на голову, пыль под ногами, которую самим художникам приходится и нюхать, и убирать. Правда, у немцев для этого есть гипер-швабра и мешки с какой-то гипер-зелёной хренью, которой засыпают пол перед уборкой. Но всё это появляется в последний день, когда пыль военного времени уже осела в лёгких.
В Бункере есть то, что отличает его от других фестивалей и приближает к своего рода коммуне или сквоту (см. СКВОТ) - это совместное обживание пространства. Это environment-art, т.е. искусство, имеющее значение именно в этом месте и в это время. В остальном же художники и их работы действительно мало отличались от того, что экспонируется в коммерческих галереях и официальных культурных центрах. Пример: в одной галерее я надолго зависла над

martina lunzer brem
(германия)

non grata(эстония)
искусство невидимостей

Впрочем, были и милые-добрые работы. Звездила, конечно, чета Рёмеров - обклеили стены Бункера фотообоями с русскими берёзами, а в стенах продолбили дыры. Дыры оформили в рамы. И в раме можно было увидеть прекрасную немецкую действительность - речку Шпрее, лодочки, берлинцев в шезлонгах... Другой немец Эдгар L., на прошлом Бункере сделавший гениальную работу "Гитлер, сведённый к одной точке" (увеличенный один пиксел из портрета Гитлера - такая большая и ни в чём не виноватая розовая точка на полстены), в этот раз развесил свежевырезанные сердца со смыслом "Красота - это Свобода Созерцания. Свобода - это Красота Волеизъявления". Ничё не понятно, но понятно, что красоты в человеке много, даже там, где её не ждёшь. А ещё молодой звёзд Доминик Шумахер красивую штуку придумал: стоит себе в закутке полено, ничего особенного вроде. А как подходишь да рукой тронешь - голоса слышать начинаешь. Трогаешь древесные кольца на спиле ближе к центру - слышишь голоса детей, к середине - взрослых, а к краю - стариков. И все эти голоса рассказывают о своих мечтах-чаяниях. Красиво, что тут скажешь. Душевно. И опять же, медиа-арт - модно. Перечислять немецких художников больше не имеет смысла, их было много, разве что ещё вспомнить Лотара, который стал нам второй родиной, потому что мы у него жили (см. ГЕИ), с его эстетскими клетками, в которые

brigitte waldach
(германия)

roland fuhrmann
(германия)

инсталляцией - лампы дневного света, погнутые и сваленные в кучу. А зависла потому, что накануне обнаружила, что в Бункере лампы дневного света над входом висят не просто так, не чтоб входить было светло и на лестнице не падать. После прочтения каталога оказалось - инсталляция архикрутого чувака из Англии.

jose luis anzizar
(аргентина)

dominik schumacher
(германия)

nina und torsten romer
(германия)

загонялись зрители. А в клетках - наушники с дискотечным саундом про счастье и свободу делать всё, что хочешь...

Иностранцы. Всё аргентинское обаяние (а страна немаленькая) очевидно сосредоточилось в Хосе Луисе Анзизаре, который рефлексировал на визовый режим, переодевшись стюардессой и проводя опрос "Как часто вы посещаете страны Третьего мира?" Говорю - да я ЖИВУ в стране третьего мира! "Ааа, banana country!" - "No, Ukraine! Tomato country!" Был ещё какой-то заумный итальянец Ясон Хорнкасл, развесивший на берёзах грибы-паразиты и написавший в концепции, что это новые русские в условиях здоровой рыночной экономики... Была инсталляция из двух почти одинаковых комнаток времён Стены, но одна вроде как из Западного Берлина, а другая - из Восточного, почувствуй разницу... Приехала целая труппа акробатов, назвались "CosmicArtists", пообещали "упражнения в 4-м измерении". На открытии запустили видео своих прыжков на двух проекторах, посередине надули подушку-батут, долго отгоняли от неё желающих посидеть, а потом подушка сдулась, и прыжков в космос не произошло... Не зажглись и фонарики на инсталляции, которая должна была разлагать изображение входящего в неё человека на пикселы с помощью цепей диодов, которые художники паяли как проклятые две недели... Не обрадовались зрители и одной из лучших, на мой взгляд, инсталляций - работе Мартины Лунзер Брэм (Австрия). Вокруг Бункера она насыпала кучи земли - такие гигантские отходы жизнедеятельности кротов-землероек. Потому что есть вещи, которые не спрячешь. Вот так и Бункер проявляет себя снаружи, сигналит нам, что он ЕСТЬ. Только уж очень много на открытии было русских, для которых кучи земли на дороге или газоне - вовсе никакое не искусство, а суровая правда жизни... Сергей Воронцов - эмигрант из России (ныне немец, что ли). Бетонной плитой придавил много ног в домашних тапочках и процитировал Пастернаковского "Доктора Живаго" - про мужиков, которым дали слишком много свободы, и они покрошили друг друга ("If you give the mushikes (louts) too much freedom, they will crush one another" - почему-то в английском варианте мне эта цитата и запомнилась).

Да, вот ещё хорошая инсталляция. Именно она настрополила Михал Сергеича (см. ГОРБАЧЁВ) перед тем, как его доконали яйца Костромы. Бельгиец Якоб Крейцфельд вдоль стен поставил жидкокристаллические мониторы, а на них мерцали овчарки. А пол вымостил оранжевыми тарелочками, по которым учатся стрелять охотники, т.е. разлетаются эти штуки легко и непринуждённо, и так же легко они трескаются под ногами. Перед открытием, понятно, Якоб грудью стал в проходе и никого в свою инсталляцию не пустил. А другого-то прохода нет! Ну и тут идёт открывать Бункер Михал Сергеич. Ему-то, конечно, все пути открыты, welcome и всё такое. Но только идти пришлось по тарелочкам, а они в полной тишине среди бетонных стен (с акустикой-то Бункера) так ХРУСЬ-ХРУСЬ! А жидкокристаллические овчарки по стенам так БЛЫМ-БЛЫМ! И страшно так стало... А тут ещё Кострома со своими яйцами...

ЭМИГРАНТСКИЙ БИЛЬЯРД-КЛУБ

Со своей инсталляцией мы напарились, скажу честно. Надо-то было всего - старых досок и ржавых гвоздей. А где возьмёт немец старые доски? А ржавые гвозди? Да нигде. Я бы вообще делала инсталляции на основе инструментария немецкого художника: если он делает электрику - это супер-гипер-чемодан с отвёртками-прищепками. Если сверлит дырку - супер-гипер-

j.herberstein und
r.von kaufmann
(германия)
здесь как там,
два мира –
два детства, якобы
мы разницу
не особо поняли,
стыдно, господа,
материал изучать
надо лучше

чемодан с бошевской дрелью и её причиндалами. Гвозди, купленные для нашей инсталляции в ближайшем магазине за 4 евро, можно экспонировать отдельно - они ИДЕАЛЬНЫЕ. Привезли показать друзьям.

Чтобы найти старые доски, пришлось завести роман в местной столярке. Так я узнала, что в Берлине даже крайний с конца подмастерье столяра говорит на отличном английском. Мой Йохан не только показал мне кучу отличных старых досок (а меня - всему дружному коллективу столярки), но и подробно расспросил об инсталляции - чего значит да как называется. Клялся прийти на открытие.

Но на открытии меня поражало уже не знание немцами английского, а знание ими советских эмигрантов - бильярдные шары с их портретами надо было загонять в лузы с флажками Германии, США, Франции, Израиля... Знают Набокова, Солженицына, Бродского, Тарковского, меньше - Довлатова, Шаляпина, Неизвестного, Ростроповича, ещё меньше - Кабакова, выставка которого начиналась в Берлине через неделю после открытия Бункера... Ну, немцы, кто и не знал who is who - просто катали шары. А вот "наши" реагировали на эмигрантский бильярд болезненно, обходили. Ещё бы. Да ещё вдруг кто-то заметил, что на одном из бильярдных шаров гимнастка Ольга Корбут очень похожа на куратора Бункера Нину Рёмер...

НАШИ В БЕРЛИНЕ

Да нет, я не против эмиграции. Я вообще космополит. Хай живуть, дэ хочуть. Хай розповзаються по свиту. Наших должно быть везде много, потому что диаспора - это хорошо, это дым отечества, который всегда с тобой. Самый богатый район Берлина Шарлоттэнбург застроен НАШИМИ коттеджами. Выйдя вечером на свою Brunnenstrasse, наткнулась на режиссёра Андрея Жолдака, который не режиссирует, а просто прогуливается с дамой, обсуждая сексуальную ориентацию членов своей труппы (извините, совсем случайно подслушала). Здесь это уместно, как и само творчество Жолдака. Гордость за нацию. А вот два хлопца в метро. Мат, пиво, клетчатые сумки-баулы, разговоры "сходил на два-три дела - надо менять хазу". Стыдно за нацию. Берлин - город контрастов.

елена афанасьева & макс афанасьев(херсон)
эмигрантский бильярд-клуб

HAPPY NATIONS

Нет, я даже ЗА эмиграцию. Это визуально интересно. Если сидеть на любом перекрёстке Берлина в течение 20 минут, то на велосипедах проедут представители всех наций и народностей. Я перестала считать, когда мимо промчался тибетец в жёлто-красном одеянии... А вот проститутки в большинстве своём славянки - гламурные настолько, что так даже не бывает. Объединяет их униформа (брюки, корсаж, туфли на платформе, залакированная высокая причёска, сумочка-пояс для денег), фиксированная дистанция (стоят вдоль центральных улиц на расстоянии 20-30 метров друг от друга) и коммуникабельность - можно просто подойти поболтать (правда, под присмотром двух типов метрах в 20-ти), а там как пойдёт... Однако, вступая в коммуникацию, надо помнить, что к девушкам прилагается чёткая инструкция по эксплуатации. Сцена: возле одной из девушек останавливается авто, двое мужчин пытаются вступить с ней в диалог и красиво вокруг неё закомпоноваться, третий бегает вокруг с фотоаппаратом и криками: "No fuck! Only photo!" А в инструкции-то написано "No photo! Only fuck..." У девушки ступор - третий закон робототехники вступает в противоречие со вторым.

ПАНКИ

Вот уж это точно настоящие берлинцы, без всякой эмиграции. Никто их сюда не звал. И сами они ниоткуда не пришли. Они тут выросли, у них тут гнездо. У всех панков есть собаки. Вернее, если на улице ты видишь панка, то он обязательно или идёт с собакой, или целенаправленно её выгуливает. На самом деле, это не совсем панки - это люди, переодетые в панков. Собаки у них колеблются от нормально-больших до "бабушкиной радости" - блошиного размера зачуханых шавок. Чувак с зелёным (малиновым) ирокезом в цепях и с шавкой - вот типичный образ молодого берлинца.

Сцена первая: два панка в магазине зоотоваров счастливо наблюдают, как их овчарка кушает собачий корм, не отходя от кассы. Идиллия.

Сцена вторая: четыре панка сидят на лавочке на любимой улице Гитлера Unter der Linder. Один выходит на край дороги, демонстративно мочится на проезжую часть, потом швыряет пустую банку из-под пива в урну. Промахивается. Кряхтя, идёт и поднимает банку, аккуратно кладёт в урну.

TACHELES

Один из самых значительных арт-сквотов Европы - это Тахелес. Достоин отдельной статьи, но пойдёт оптом по причинам, указанным ниже. Великолепное здание в центре Берлина, захваченное ещё детьми цветов и героически обороняемое ими от властей. Настоящая территория свободы! Победа искусства над расчётливостью!! Остров независимости художников от капитализма!!!.. Ага, щас. Так было ещё лет десять назад, может - шесть, когда арт-проекты перетекали с этажа на этаж, вход зрителей был свободный, а жизнь художников - спонтанной и прекрасной. Сегодня Тахелес поделен на мастерские заматеревших хиппи. Кое-куда вход ещё свободный, но чувства, что ты здесь свой и никому ничего не должен - нету. На доске объявлений висит расписание концертов (вход минимум 8 евро), рядом на стене - старый телевизор, на котором по кольцу гоняют кадры бульдозеров, когда-то атаковавших Тахелес. Вот, мол, какое у нас героического прошлое... Это тоже хорошо продаётся. Хуже продаются сувениры, лениво производимые нынешними обитателями Тахелеса и выставляемые на торговой площадке с ним рядом - всякое фэншуйное барахло, фенечки, старые пластинки (даже не редкие), поделки... Жалкое зрелище. Несколько скульпторов, правда, оказались реально востребованы обществом: огромные буквы, когда-то сваренные одним из художников из ржавых металлических листов и сложенные во дворе здания в слова, сегодня превратились в успешный городской проект к какому-то юбилею Эйнштейна. По всему городу стоят точно такие же буквы, с небольшими поправками - теперь это только буква Е, отличного качества, красного цвета со знаменитой формулой или менее знаменитыми высказываниями. Каждая буква Е очень пахнет большими деньгами и смертью Тахелеса. Хотя такова судьба любого альтернативного искусства - рано или поздно оно будет съедено массовой культурой, переварено и выдано "на гора" в виде удобоваримого продукта второй свежести. Вот так и весь Тахелес, уже давно перестав быть островком борьбы за свободу художников, стал полноценным туристическим объектом. И всё-таки меня мучает один вопрос: во дворе Тахелеса какие-то ямайцы построили соломенные юрты и живут там, и кто-то оградил их красно-белой лентой - это сделали городские власти или сами ямайцы?..

ГЕИ

Благодаря нежной заботе берлинских кураторов Бункера мы были избавлены от сухостей и формальностей гостиничного сервиса. Первую неделю нас приютили в коммуналке у берлинских геев. И знаете, что я вам скажу? Красота и эстетика, в своё время попытавшиеся угнездиться в арийцах и потерпевшие поражение по причине притянутости за уши к этой самой арийскости, сегодня прекрасно абсорбируются именно в геях. Что это - кармическое отмщение или наконец-то обретённое счастье и гармония (если смотреть с точки зрения генетической памяти предков-антифашистов)? Ну, это кому как...
Геи занимали 3-х комнатную квартиру в (естественно!) гейском районе Берлина, хотя улица почему-то называлась Petersburg-Strasse. Патрик выращивал на окне орхидеи и подолгу стоял, обнявшись со своим другом в коридоре, загораживая мне проход из кухни. На кухне лежали каталоги латексной продукции для геев, по сравнению с которыми каталоги современного искусства - "Работница" рядом с "Hustler". Приютивший нас очаровательно-мужественный Лотар входил в состав жюри Бункера, хотя был социологом, зарабатывал лекциями для призывников (!!!) и всячески открещивался от искусства, участвуя в Бункере под псевдонимом Eddicted Spass и снявшись для каталога в латексной маске. Ещё Лотар издал книжку-путеводитель "Берлин для геев", вёл ночной образ жизни, потрясающе красиво стонал во время утреннего секса с партнёром (а может, это и не он, а партнёр), просыпался не раньше 12-ти часов дня, постоянно приглашал нас в гей-клубы, где надо был играть в какой-то особый вид пинг-понга. Лотар снабдил нас матрасами и полотенцами с рюшами, прекрасно готовил с помощью десятка поваренных книг и сотни баночек с приправами, всё время искренне удивлялся, почему я ем тосты с нутеллой.

СКВОТЕРЫ

Вторую неделю мы жили в бывшем аргентинском сквоте. В сквоте тосты с нутеллой ели все.

6685
FORDERT

Когда, обвешанные цивильными чемоданами, мы вошли во двор сквота, то сразу оказались в толпе бритоголовых амбалов. Одни грузили в грузовик колонки, а которые не грузили - просто тупили. Двое стояли с бензопилами - причём не бошевскими, а аутентичными, типа "техасская резня". На робкие вопросы, где здесь подъезд "B", парни с бензопилами не отвечали, потому что тупили... На самом деле, тупили мы, потому что сразу не догадались, что ночью в сквоте нас ждёт real hard-core концерт, в котором финальную партию в 4 утра будут исполнять как раз этими инструментами...
Подъезд нашёлся между мусорных баков прямо за кожаными спинами музыкантов. Дальше надо было найти справа от подъезда синюю верёвочку и до неприличия традиционно за неё дёрнуть. Верёвочка нашлась на уровне второго этажа, и добираться до неё пришлось по стремянке. Забренчала высоко в небе конструкция из звоночков и сковородочек. Из окна на пятом этаже (это оказалась кухня, в которой всегда кто-то тусуется, потому там и звонок) высунулась вся в дрэдах голова. Затем мы долго ждали, пока Родриго (наш новый хозяин) спустится на первый этаж, откроет дверь подъезда и даст нам от неё ключ. Ключ от комнаты нам не понадобился, потому что в сквоте действует принцип "коммуна без коммунизма", что и было сформулировано на дверях душа (кажется, на испанском). New-коммунары собирают в общий котёл по 15 евро с носа в неделю, из этих денег платят аренду и покупают кофе и хавку, которую по вечерам готовят в огромных тазиках на кухне. Тем не менее, в сквоте есть всё. У каждого обитателя по компу. На лестничной клетке приходится переступать через хаббы-модемы. Тостеры-миксеры-стиральные машины. Даже коту в его тазик-тубзик насыпают не песок, а специально купленный в магазине гравий. Поэтому кот не воняет и всех игнорирует.
В дни открытия Бункера берлинская полиция (которую, кстати, мы видели только возле центральной синагоги и еврейского ресторана) и пресса были охвачена радостным возбуждением: проходило выселение молодёжи из одного из сквотов по требованию владельца дома. Пятьсот полицейских стройными рядами защищали принципы развитого капитализма от сквотеров, отказывающихся платить арендную плату. И то правда - чего её платить, если в Берлине полно пустующих домов? Построит богатей в расчёте на арендаторов, а город-то богемный, все спят, никому не надо, вот и пустует дом год-два-три, а потом тихонько приходят люди и начинают жить...
В нашем сквоте хозяину удалось договориться с оккупантами по-хорошему. Чтобы окончательно их приручить, он даже сделал ремонт и нанял (за деньги!) одного из испанских художников-сквотеров, чтобы расписать внутренние стены. Росписи вышли очень профессиональные. Но сюрные. Одна девушка сильно жаловалась, что всё время чувствует на себе взгляд чудовища с глазом на груди... А в моё окно каждое утро смотрел заяц в красном плаще и противогазе.

Однажды утром (к этому моменту мы уже жили в берлинском режиме, т.е. был полдень), когда я поднялась на кухню за чашкой кофе, ко мне обратился удивительно похожий на доброго клоуна Куклачёва аргентинец с двумя дрэдами в жидких волосах. Оказалось - антиглобалист и борец против захоронений ядерных отходов в Аргентине, потому что у них там землетрясения и существует большая угроза, что всё это смоет в мировой океан, и человечество неминуемо погибнет... "Вы же с Украины, да? Это у вас Чернобыль? А сколько людей было заражено на самом деле? А какой был уровень радиации в реках? А вы поможете нам найти про это правдивую информацию, а то мы не читаем по-украински..." Не помочь было нельзя... Так я поняла, что пора ехать домой. Потому что ещё день-два - и я буду вместе с аргентино-испанскими антиглобалистами бороться с ядерными отходами в странах третьего мира, попивая кофе в берлинском сквоте, буду ходить по городу без карты, буду покупать булочки только у русской продавщицы в кондитерской напротив, идейно поддерживая бизнес диаспоры, в обед буду бегать к китайцу Феню, который улыбается до ушей так, что косые глазки совсем скрываются среди морщин, и каждый раз спрашивает: "Скусно?", а за кебабом - к симпатичному турку, который считает меня полячкой, и я не собираюсь его разубеждать... За две недели Берлин становится понятным и дружественным универсумом, как Вавилон до смешения языков.
Бежать! Бежать!!!..
На родине, увидев на обложке НА!!! слоган "DRANG NACH OSTEN!", я опять задумалась...

Елена Афанасьева-Сиамская

P.S. А купить пришлось чашку с фоткой американских танков, покидающих американский же сектор Берлина в 1961 году. Найти аналогичную штуку с чем-то советским не удалось. А я очень хорошо искала...

все фото: елена афанасьева & макс афанасьев
<totem@public.kherson.ua>

Спасибо: Нине и Торстену Ремер, Лотару, Родриго, Вольфгангу, Штефану и всем пушистым немецким людям

Пп

СРСР ГОЛОВПЛОДВИНПРОМ УРСР
ОДЕСЬКИЙ РАДГОСПВИНТРЕСТ

ПОРТВЕЙН

Українською це буде так: Малюнок у твоїй абетці. Від етикетки до часопису НА!!!. Повний комплекс поліграфічних послуг.

МІЦН. 17,5 об %
ГОСТ 7208-70

ЦУКР. 6 %
МІСТК. 0,5 Л
ОКФ

КАРТИНКА
В ТВОЁМ БУКВАРЕ

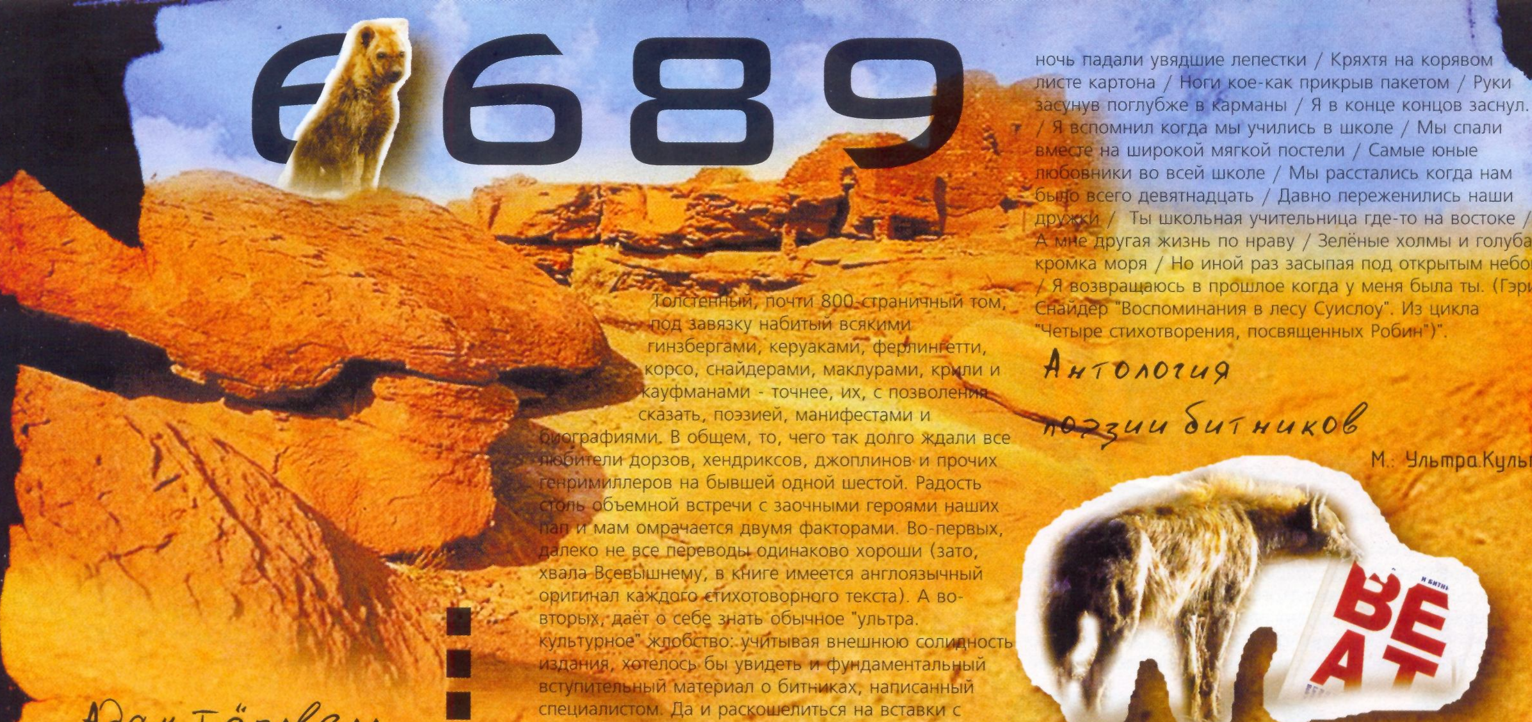
От этикетки до журнала НА!!!. Полный комплекс полиграфических услуг.
056.7294200;
0562.347711

фото:макс афанасьев & елена афанасьева
<totem@public.kherson.ua>

фото:александр кадников-таврический
<kodak67@mail.ru>

буквы

Толстенный, почти 800-страничный том, под завязку набитый всякими гинзбергами, керуаками, ферлингетти, корсо, снайдерами, маклурами, крили и кауфманами - точнее, их, с позволения сказать, поэзией, манифестами и биографиями. В общем, то, чего так долго ждали все любители дорзов, хендриксов, джоплинов и прочих генримиллеров на бывшей одной шестой. Радость столь объемной встречи с заочными героями наших пап и мам омрачается двумя факторами. Во-первых, далеко не все переводы одинаково хороши (зато, хвала Всевышнему, в книге имеется англоязычный оригинал каждого стихотворного текста). А во-вторых, даёт о себе знать обычное "ультра. культурное" жлобство: учитывая внешнюю солидность издания, хотелось бы увидеть и фундаментальный вступительный материал о битниках, написанный специалистом. Да и раскошелиться на вставки с фотоматериалами о буднях и праздниках "движения", было бы неплохо. Но и на том спасибо, господин-товарищ-барин Илья Кормильцев.

Цитата: "Я спал под рододендроном на меня / Всю ночь падали увядшие лепестки / Кряхтя на корявом листе картона / Ноги кое-как прикрыв пакетом / Руки засунув поглубже в карманы / Я в конце концов заснул. / Я вспомнил когда мы учились в школе / Мы спали вместе на широкой мягкой постели / Самые юные любовники во всей школе / Мы расстались когда нам было всего девятнадцать / Давно переженились наши дружки / Ты школьная учительница где-то на востоке / А мне другая жизнь по нраву / Зелёные холмы и голубая кромка моря / Но иной раз засыпая под открытым небом / Я возвращаюсь в прошлое когда у меня была ты. (Гэри Снайдер "Воспоминания в лесу Суислоу". Из цикла "Четыре стихотворения, посвященных Робин")".

Антология поэзии битников

М.: Ультра.Культура

Адам Тёрлвелл Политика

М.: Эксмо

Если вы сомневаетесь, что книга, начинающаяся 18-страничной сценой анального секса, может оказаться максимально целомудренной, по-домашнему уютной и даже немножко застенчивой, try this one. Несмотря на название и наличие в тексте всяческих феляций, кунилингусов и вагинальных фистингов, в дебютном романе англичанина Адама Тёрлвелла, речь идет в первую очередь не о сексе или политике. Анализируя тончайшие нюансы отношений двух молодых жителей современного Лондона, анонимный рассказчик то и дело погружается в историю XX века, вспоминая о половой жизни Мао Цзэдуна и французских сюрреалистов и об отношениях Булгакова, Кундеры и Гавела с властью и собственной совестью. Но, как и всюду, на страницах этой ироничной и глубокой книги "всё движется любовью", как написал поэт, ставший одним из ее персонажей.

Цитата: "Однажды вечером Моше сидел у Наны на животе. Он согнул ноги в коленях по обе стороны от ее грудной клетки с проступавшими ребрами. Еще он тихонько посмеивался. Он пытался уговорить себя, что самое важное - оставаться спокойным. Он смотрел на свой член. Член был красный.

Нана разглядывала пурпурный член Моше. Она думала о том, как печальна смерть.

Эта глава короткая, но очень важная. Боюсь, нам понадобится еще один взгляд на сексуальную жизнь Наны и Моше. Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что вы уже достаточно знаете об их половой жизни. Вам хочется совсем другого. Вам хочется читать о жизни горняков на Сахалине. Или прогуляться по магазинам. Что ж, простите. Половая жизнь Наны и Моше для нас очень важна".

В Киеве: - магазин "Книжный дом "Орфей" на Московском пр. 6 (м. Петровка), тел. (044) 490-74-56 **В Днепропетровске** - магазин "КС" на Театральном бульваре 3, тел. (056) 778-5984 **В Николаеве** - магазин "Кобзарь" на пр. Ленина, 122, тел. (0512) 55-20-51 **В Одессе**: - магазин "КС" на ул. Преображенской, 35 тел. (0482) 37-39-04 - магазин" Детский мир" на ул. Ришельевской, 14 тел. (0482) 34-45-81 - магазин "Дом книги" на ул. Бунина, 33 тел. (0482) 32-17-97 **В Бердянске** - магазин "КС" на ул. Ленина, 28/16, тел. (06153) 42-92-4

Открыв в прошлом году серию "Парад уродов" книгой "самого смешного писателя Канады" Уилла Фергюсона, редакторы "Эксмо" преподнесли небольшой подарок себе любимым: этот лёгкий и остроумный юмористический триллер рассказывает о буднях вымышленного нью-йоркского издательства "Сутенир". Точнее, речь в книге идет о выпущенном "Сутениром" новейшем руководстве по самосовершенстованию. И о локальном конце света, случившемся по причине всеобщего счастья. Но специфика мира книжного бизнеса, издевательски воспроизведенная на страницах "Счастья™", узнаваема настолько, что сотрудники "Эксмо" вероятно не раз хлопали себя по бедрам, восклицая: "Ну вот, всё прям как у нас!".

Цитата: " - Мистер де Вальв, из-за вашей книги некоторые люди понесли огромные убытки. Упали продажи сигарет. Алкоголь больше не покупают. Резко сократилось потребление наркотиков. Каждый из этих джентльменов пострадал из-за ваших действий. Позвольте, я их представлю. Слева направо: мистер Дэвис из Центра изучения табакокурения, мистер Бротман из Комиссии по вопросам спиртных напитков, мистер Ортега представляет Колумбийский картель и Программу по культурному обмену.

- А тот... последний джентльмен?

- О, это мистер Вентворт. Возглавляет сеть реабилитационных центров для наркоманов и алкоголиков. Сами понимаете, ему так же, как и остальным, необходимы человеческие пороки. Мистер де Вальв, вы должны возместить этим джентльменам многомиллионные убытки.

- Еще не поздно принести свои искренние извинения?"

Уилл Фергюсон Счастье™

М.: Эксмо

МАГАЗИНЫ СЕТИ

Пол Остер
Нью-йоркская трилогия

М.: Эксмо; СПб.: Домино

С книжками замечательного американского писателя и режиссера Пола Остера, автора интеллектуального (сорри...) и при этом ничуть не занудного, нас знакомят как-то по-странному: сначала перевели произведения, написанные им в 1990-х, потом переключились на свежачок (2000-е), и только теперь дошла очередь до самой знаменитой остеровской книги, принесшей ему заслуженную известность ещё в середине 80-х. Три повести, составившие "Нью-йоркскую трилогию" - уже выходивший по-русски "Стеклянный город" плюс "свежие" "Призраки" и "Запертая комната" - это Борхес вперемешку с Реймондом Чандлером: писатели и частные детективы, двойники и однофамильцы, Вавилонская библиотека и узкие улочки Большого Яблока, "новая техника повествования" и "краеугольный камень современного постмодернизма с человеческим лицом".

Цитата: "Шёл тринадцатый день слежки. В этот вечер Квинн вернулся домой мрачнее тучи. Он потерял всякую надежду на успех и был близок к тому, чтобы выбросить белый флаг. Он долгое время обманывал себя, всеми силами старался себя увлечь, подбодрить, однако теперь пришел к выводу, что дело, за которое взялся, того не стоит. Стиллмен - сумасшедший старик, он давным-давно забыл про своего сына. Ходить за ним по пятам можно до скончания века, и это всё ни к чему ни приведёт. Квинн снял трубку и набрал номер Вирджинии Стиллмен.

- По-моему, пора сворачиваться, - сказал он.
- Питеру, судя по всему, ничего не угрожает.
- К этой мысли он нас и подталкивает, - возразила Вирджиния. - Вы даже себе не представляете, насколько он умён. И терпелив".

6690

Джеймс Патрик Данливи - гений. Для тех, кто понимает. Живой американо-ирландский классик. Прозаик, драматург и художник. Один из основоположников послевоенной "школы черного юмора" (наряду с Бартом, Бартелми и Хоуксом). Принципиальный противник вопросительных и восклицательных знаков и большой любитель назывных предложений. А его "Лукоеды" (1971) - это непристойная сюрреалистическая фантасмагория, в которой присутствуют древний замок, его новоиспечённый хозяин, его непрошенные гости, пёс размером с телёнка и много-много ядовитых змей. "Горменгаст", пересказанный Рабле. Дико смешная книга. Опять таки - для тех, кто понимает.

Цитата: " - И ещё, сэр, раз уж мы здесь одни, хотел бы вам сказать, что этот мистер Эрконвальд отвёл меня в сторону и поставил в известность, что почти все они, кроме женщины, - вегетарианцы и строгие приверженцы метрической системы, опять-таки, кроме женщины. А после этого, вы бы видели, сэр, он вынул из кармана луковицу размером с редьку, отхватил от неё кусман размером с ваш кулак и сжевал, как будто это было самое сладкое яблочко из райского сада.

На массивный сервант из красного дерева в столовой выставили иеровоам шампанского, который Персиваль принес из катакомб вместе с позолоченными бокалами и соусницами. Сервант без предупреждения рухнул. Пробка шампанского вырвалась из проволочной оплётки. Обратив моё внимание на прекрасное качество канделябра, в который она попала, выбив хрусталик, шлёпнувшийся в мой суп. Обильно забрызгав мой галстук и смокинг. Роза, сидевшая недалеко от меня справа, быстро погасила сатанинскую улыбку, промелькнувшую у неё на лице".

Дж. П. Данливи
Лукоеды

М.: Эксмо

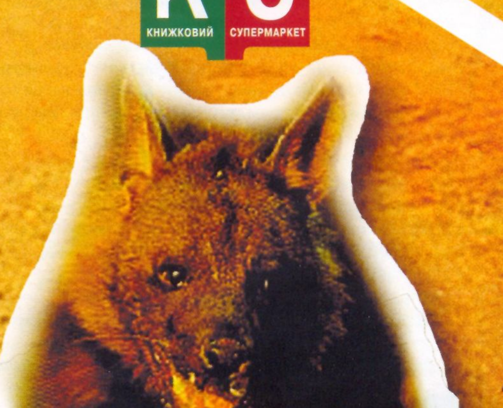
Паскаль Киньяр
Секс и страх

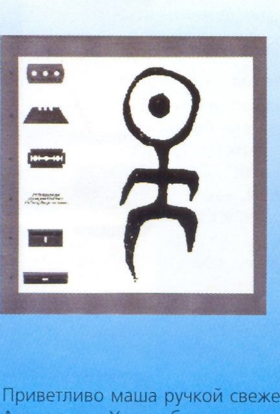
СПб.: Азбука-классика

Автор романов "Лестницы Шамбора", "Все утра мира" и "Терраса в Риме" Паскаль Киньяр - лауреат Гонкуровской премии и Гран При Французской Академии, знаток античной культуры и музыки эпохи барокко, блестящий стилист и оригинальный мыслитель. В философском эссе "Секс и страх", посвященном исследованию роли эроса в культурах Древней Греции и Рима, Киньяр рассуждает о генеалогии современной европейской сексуальности, пытаясь найти ответ на вопрос: как и почему на рубеже двух эпох "радостная, точная эротика греков превратилась в испуганную меланхолию римлян"?

Цитата: "Пассивность в любви со стороны патриция считалась таким же тяжким преступлением, как любовное чувство или супружеская измена со стороны матроны. Однако мужская активная гомосексуальность или мастурбация, сделанная рукою матроны своему любовнику, воспринимается как нечто вполне невинное. Любой гражданин может делать все, что пожелает, с незамужней женщиной, с наложницей, с вольноотпущенником и рабом. Отсюда сосуществование в римском обществе самых шокирующих актов и самой жесткой ограниченной морали. Добродетель (virtus) означает сексуальную мощь. Мужественность (virtus), будучи долгом свободнорожденного человека, отмечает его сексуальной силой; фиаско расценивается как позор или козни демонов. Единственной моделью римской сексуальности является владычество (dominatio) властелина (dominus) над всем остальным. Насилие над тем, кто обладает низшим статусом, есть норма поведения. Наслаждение не должно разделяться с объектом наслаждения, лишь тогда оно - добродетель".

САША

С УРАЛМАША*

(* – литературный перевод псевдонима Alexander von Borsig)

МОНОЛОГИ КРЕАТИВНОГО ДЕСТРУКТОРА

Приветливо маша ручкой свежему альбому Александра Хакке, бывшего гитариста и нынешнего басиста группы "Einsturzende Neubauten", журнал НАШ решил рассказать поподробнее об этом во всех отношениях уважаемом представителе современной немецкой культуры. Но не тут-то было... Первый автор, получивший соответствующее редакционное задание, стал козырять собственной музыкальной эрудицией, после чего был расстрелян по общему решению обидевшегося коллектива (формулировка приговора: "за многословие и непозволительную буйность синтаксиса"). Из его "статьи" было решено опубликовать лишь следующий фрагмент (читать не обязательно! - просто гонорар за эту публикацию придется перечислить родным и близким покойного):

"Термин industrial, если честно - один из самых мылких и многозначительных во всем классификационном созвездии околомузыкальных терминологий, помогающем разноязыким астрономам всего мира разгребать завалы звуковой информации и пояснять публике, на какой полке что лежит и как его искать. В этом отделе всемирного аудио-супермаркета неудивительным будет обнаружить как какой-нибудь без пяти минут диско-опус от "Cat Rapes Dog", так и нечто радикальное и практически

несъедобное, вроде "Metal Machine Music" Лу Рида. Если озадачиться и постараться посмотреть на объект более широко, то, в первую очередь, возникает мысль о какой-то фоновой звукозарисовке заводского шума и гула проезжающих сквозь ворота проходной фур со щебнем. Как вариант, приемлемы ж/д составы с трубами или углем. Ритмично и шумно. Но, простите, эта ниша уже застолблена музыкой под названием noise... Как показывает опыт, industrial - это нечто более изысканное, чем просто констатация наличия в арсенале звуковоспроизводящих материалов инструментария, символизирующего научно-технический прогресс (а, вместе с этим, и экологическую катастрофу)..."

Наученный горьким опытом своего предшественника, второй автор-претендент решил задобрить нас шуточками и красочными метафорами: *"Первый альбом "Neubauten" "Kollaps" (1981) артистический Берлин съел, как диковинное блюдо, вроде мозгов обезьяны - кто-то поморщился, скромно, отвернувшись, но слова плохого не сказал. Это же было богемно! (...) Химический состав организмов участников "Рушащихся новостроек" в начале 80-х напоминал таблицу Менделеева в процессе создания - клетки с названиями известных элементов перемежевывались с пустующими, требующими детального изучения пытливыми умами органических и неорганических химиков..."*

Но было поздно: мы уже почувствовали вкус крови!

Третий горе-эксперт оказался кандидатом в мастера спорта по легкой атлетике. Со статьёй опять не задалось...

В общем, пришлось самим взять нетленку, не ищучи для себя особо трудных путей: скоренько надергали из Интернета разных англоязычных интервью г-на А.Х. да и перевели из них самые любопытные кусочки. Вот и читайте, как "neubauten" Александр Хакке объясняет вам, что такое...

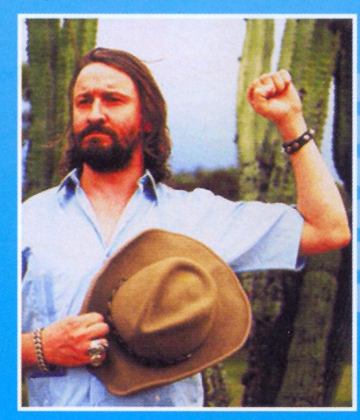
Восьмидесятые

Фалько однажды сказал замечательную фразу: "Если вы помните 80-е, то, на самом деле, вас там не было". Это были мои дни испытаний и бунтарства. Это было время, которое сформировало меня и мои взгляды на жизнь. 80-е были очень креативными, но одновременно и очень саморазрушительными. Я вряд ли захочу снова проверять пределы своих возможностей, как в те дни.

Экстрим

В начале 80-х жить на грани собственных возможностей было нашим кредо. Мы экспериментировали со всем, что только могло подлежать проверке. Например, можно ли не спать на протяжении недели? Проверили - можно. Более того, опыт показал, что это можно практиковать довольно часто, поскольку в те времена многим из нас 24-х часов

было слишком мало, чтобы почувствовать - сутки прожиты и запланированные на них дела сделаны. Аналогичным образом я убедился, что можно прожить несколько лет подряд, практически не видя дневного света. Клубы идеально подходили для такого образа жизни: если ты заходил в 5 утра в "Risiko", то практически всегда видел там переполненный зал. Все это было своего рода проверкой. Я не исповедую правильный образ жизни, но сегодня жизнь в стиле "хардкор" уже не для меня. Дело не в том, что я уже многого не смогу повторить (хотя кто знает - я не проверял), а, скорее, в том, что мне это уже давно не интересно. Тестирование возможностей организма со временем трансформировалось в нечто более тонкое, имеющее больше точек соприкосновения с творчеством. Деструктивность уступила креации, если можно так выразиться.

Образ жизни

Все, на самом деле, диктовала молодость. Как и во всех других случаях, описанных в рок-энциклопедиях, основной мотивировкой наших поведения и действий было желание нравиться девушкам - от либидо никуда не денешься. А если девушки не реагировали на обычные сигналы, нужно было посылать сигналы необычные. Любопытно, что можно сигнализировать в сексуальном смысле даже если ты выглядишь отвратительно и одет в немыслимое тряпье. Иногда мы одевались в какую-то вонючую рвань исключительно с целью перещеголять друг друга в своем отрицании потребительского общества - дух соперничества, знаете ли, весьма заразителен. Выбривание хаотических проплешин на голове в знак отрицания самого понятия прически было из той же обоймы. Дело доходило даже до таких перегибов, когда ты самопозиционировался, как противник всех тех, кто самопозиционировался, как противник всего на свете. Весь вопрос упирался в то, кто же тут самый главный эстремал?

Это настроение мы переносили и в нашу музыку. Мы хотели тревожить, раздражать и причинять боль. В период самых первых интервью, когда Эндрю Унруха спросили о его музыкальных вкусах, он ответил: "Музыка меня не интересует. Меня интересует эффект раздражения слушателя".

Кто-то может сказать, что именно так зарождался миф о богемной заносчивости и запредельной непонятности, но я могу со всей ответственностью заявить: все это было игрой. Либо ты играешь в нее, либо нет. Никакой непонятности тут быть не могло - просто не было сути, которую нужно было понять. Элемент недоступности был всего лишь формой самозащиты, способом скрыть собственные недостатки. Плюс такой лицедейский подход снижал элемент агрессии - не зря кто-то сказал: "Если ты делаешь что-то для того, чтобы развлечь других людей, ты на самом деле этого не делаешь". Это было нужно понимать, поскольку все наши действия носили ярко выраженный конфронтационный характер. А момент заносчивости являлся для нас просто очередным колесиком в машине создания и развития мифа. Все, абсолютно все, меняли свои имена, создавая себе легенды, которые им нравились - кто ты, откуда и зачем живешь.

Сам я представлялся тогда, как Александр фон Борсиг, аристократ, которого засосала клубная жизнь. Люди хихикали надо мной, называя "мальчиком из колледжа" и "интеллектуалом", хотя, на самом деле, я бросил школу в 15 лет без всяких табелей и аттестатов на руках. Скорее всего, дело было в моих очках и интересе к электронной музыке, в те дни еще не очень популярной. Фон Борсиг также звучало веско - эдакий хайлайф-мальчик из шикарной закрытой школы с немыслимым уровнем преподавания. На самом деле, мой псевдоним появился только благодаря тому, что мой отец тогда работал на заводе "Borsig Werke"...

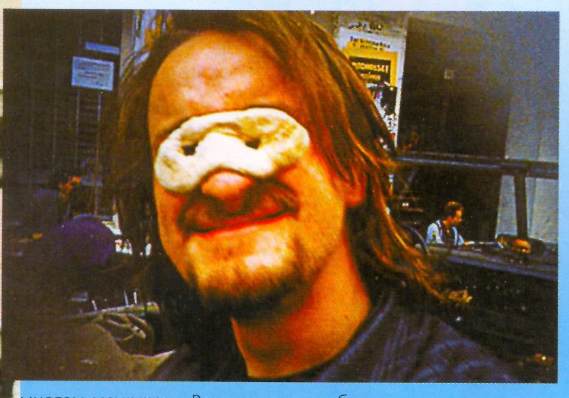
Все вокруг было вымыслом, но каждый день тебе приходилось по-настоящему жить жизнью того, кем ты себя вообразил, а это накладывало на тебя определенные обязательства. Для некоторых актерствовать подобным образом было значительно проще, чем жить своей собственной жизнью.

Берлинская стена

Каждый раз, когда мне напоминают о тех днях, когда стена была сломана, у меня по спине пробегает легкий холодок. Сегодня я даже улыбаюсь подобной реакции, но тогда мне было не до смеха. В те дни я был абсолютно дезориентирован, сбит с толка и, можно даже сказать, потерян. Дело не в том, что у тебя вдруг появилась возможность абсолютно спокойно прогуляться и рассмотреть доселе закрытую и неизвестную половину города (хотя, признайтесь, понятие "закрытой половины города" - уже довольно дикое само по себе). Меня больше пугал эмоциональный фон улиц. Это не было ощущением бунта или революции, это больше походило на массовую истерию. Шквал неуправляемых эмоций, эти безумные глаза людей на улицах - из домов вышло столько народу, что я не верил себе, "неужели в Берлине может быть ТАКОЕ количество жителей?" Когда мне начали звонить друзья, рассказывая, какой бедлам происходит в городе, я просто закрылся в квартире и не выходил на протяжении целых пяти дней. За всеми событиями я следил по телевизору - в основном, наверное, потому, что меня даже в обычные дни пугают люди на улице. А в те дни испуг вырос кратно этим сотням тысяч стенооломов.

Последний альбом "Einsturzende Neubauten" "Perpetuum Mobile"

В текстах "Neubauten" всегда присутствовала стихия огня. До сих пор за нами держится репутация "поджигателей сцены", хотя уже много лет ничего подобного мы не делали. Но в текстах огонь оставался всегда. Сегодня многое изменилось, мы взрослеем, наша жизнь во

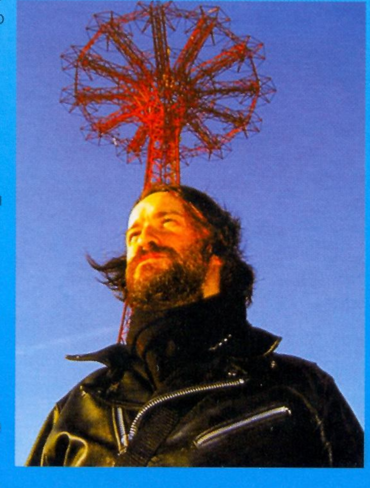
многом меняется... В последнем альбоме на первый план вышла стихия воздуха. Здесь присутствуют разнообразные штормы, дыхание, названия ветров. Сегодня многие инструменты, которые мы используем, так или иначе имеют отношение в воздуху. На сцене обязательно должны быть воздушные компрессоры. Мы даже придумали собственную версию органа, в котором заменили все обычные трубы на пластиковые... Поэтому, когда мне приходится говорить о "Perpetuum Mobile", я, в первую очередь, упоминаю о воздухе. Учитывая перемену в нас самих, расширение кругозора и момент взросления, можно говорить о смене перспектив мировосприятия, которые так или иначе просочились в содержимое диска. Это больше похоже на птичью перспективу. Это подчеркивает атмосферу постоянного перемещения, субъективного движения от точки А к точке Б. Для меня это стало уже очевидным. Посмотрим, что скажут слушатели. На новом альбоме нет никаких интроверсий и раскопок внутренних конфликтов, здесь есть взгляд со стороны. Скорее даже - откуда-то сверху. Даже эта негромкая автобиографичность, которую вы сможете здесь заметить, больше похожа на констатацию фактов и перемен в нашей жизни.

Мы жили в Западном Берлине, как в каком-то отдельном маленьком мирке. "Neubauten" всегда были западноберлинской группой. Это было уединенное, псевдо-богемное комьюнити, островок, который однажды затонул. Попросту исчез. Теперь у нас есть пригород, шквал информации извне... Все это очень необычно и многие глупые люди этого просто боятся, не в силах изменить сложившиеся за полвека жизненные устои. Перемены также отражены на альбоме. Бликса теперь большую часть времени проводит в Штатах. Я очень много путешествую... Все это очень изменило наше мировоззрение, многое стало более прозрачным и понятным. Насколько получилось, мы постарались отразить это на "Perpetuum".

Работа вне группы

Я всегда любил писать музыку на заказ. Такая работа предполагает интересный способ сотрудничества: мне приносят какие-то определенные идеи, которые я должен отфильтровать, пропустив через свои собственные. Для меня это - особенное развлечение. Больше всего мне нравится писать музыку к фильмам. Здесь присутствует очень любопытный момент: изображение создает одну картинку, музыка - вторую, а вместе они подразумевают еще и третью, абсолютно неожиданную. Этот нюанс меня просто завораживает - это почти волшебство. Я никогда не могу предсказать, что я в итоге почувствую, когда наконец-то посмотрю законченный материал, невзирая на то, что сотню раз читал сценарий, просмотрел практически смонтированный фильм и, естественно, заслушал до дыр собственные треки.

Конечно, здесь присутствует и коммерческий интерес заработать деньги на нашу размеренную и респектабельную артистическую жизнь. До 84 года "Neubauten" ни разу не получили денег за выступление! Сегодня дела обстоят получше, но все равно одними дисками и концертами мы не в состоянии себя прокормить. Поэтому мы регулярно сотрудничаем с кинематографистами, которые предлагают нам вполне конкретные суммы за музыку к их фильмам. Творчески, работа на стороне - еще одна причина, почему "Einsturzende Neubauten" до сих пор существует. Все музыканты постоянно что-то делают вне группы. Есть определенная музыка, которую можно играть только в "Neubauten", и, аналогично, есть музыка, которая в рамки "Neubauten" не вписывается никаким образом. У меня очень широкий круг интересов. Я, например, люблю металл. Представьте, как звучал бы "Neubauten" со всем этим рыком и гитарным ревом! Кошмар... То же самое можно сказать и про кантри. Поэтому у меня для души существовал проект "Jever Mountain Boys", где мы с Роландом Вольфом из группы Ника Кейва "The Bad Seeds" (к сожалению, ныне покойным) играли кавер-версии наших любимых кантри-песен.

По той же причине Бликса играл с Ником в тех же "The Bad Seeds", а я, после ухода из "Crime & The City Solution" Роланда Говарда, стал у них почти штатным гитаристом. В 2001 я написал звуковое сопровождение к стихам Клауса Кински... Все из "Neubauten", кроме Эндрю, когда-то где-то играли с кем-то на стороне. Случается, что нас приглашают не как музыкантов, а как продюсеров: F.M. Einheit работал над звуком у "KMFDM", "Die Krupps" и "Pig", но сам я вообще-то стараюсь не допускать, чтобы мою музыку к общему знаменателю приводил кто-то другой.

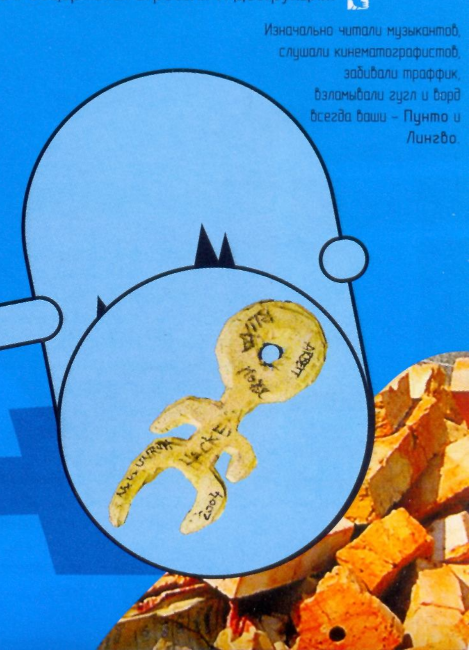
Последний сольный альбом "SANCTUARY"

В общей сложности, над этой пластинкой я работал больше трех лет. Это мой первый по-настоящему сольный альбом - "Filmarbeiten" 1993 вряд ли можно считать полноценным сольником, поскольку в него вошли мои треки для разных кинопроектов. "Sanctuary" по своей сути - road-music пластинка, записанная в том же ключе, как режиссер снимает road-movie. Все песни, вошедшие в него - это результат каких-то встреч, впечатления от мест, в которые я попадал, фиксация некоторых мыслей и идей... Собственно, это можно назвать "записками путешественника", музыкально отражающими все мои перемещения по планете за последние 3 года. Никаких заготовок для альбома у меня не было. Просто в любую поездку я беру с собой некоторое количество аппаратуры, обычно достаточное для того, чтобы худо-бедно записать любую идею, пришедшую ко мне в голову вне студии. Уровень качества, предлагаемый современной полупрофессиональной (и даже бытовой) техникой, вполне приемлем для набросков, а иногда - и для более серьезной записи. Например, мой мультитрековый рекордер - он элементарно помещается в обычную сумку. В самолете или в автобусе я всегда имею к нему доступ и регулярно что-то делаю. Но даже при таком подходе ничего не фиксировалось намертво - все идеи были в постоянном процессе развития. То, что я задумывал, как готовый трек, со временем выростало в нечто абсолютно иное, не имевшее с первоначальной заготовкой ничего общего. Во многом здесь - заслуга друзей и знакомых, всех, кого мне посчастливилось повстречать за эти три года катаний по свету. Чтобы прояснить ситуацию, приведу банальный пример: сегодня я в Чикаго записываю великолепную хардкоровую группу "Trailer Hitch", потом еду к своему другу Дэвиду Йо из "Jesus Lizard", который поверх записанного материала накладывает свои потусторонние всхлипы, а на третий день я уже в Нью-Йорке, где записываю какой-нибудь фри-джазовый коллектив на очередную дорожку мультитрека... Таким образом, я получаю прекрасный микс из разных стилей музыки от людей, которые не то, что не встречались и не играли вместе, но, более того, даже никогда не были знакомы. Это очень интересный аспект подобного подхода к созданию новой музыки.

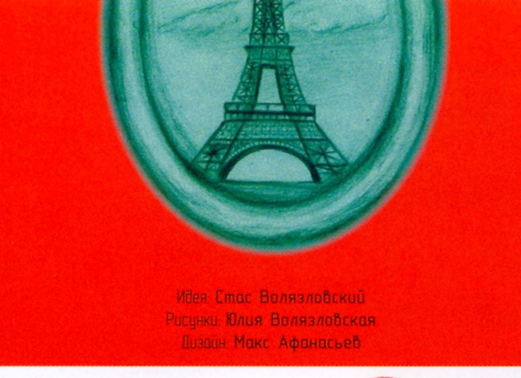
Моя собственная роль на этом альбоме весьма скромная - я отыграл на нескольких инструментах и немного попел. Основную работу выполняли Algis Kizys из "Swans", Vinnie Signorelli из "Unsane", David Yow из "Jesus Lizard", Sugarpie Jones из "The Cramps", Larry Mullins, работавший с "The Residents" и Игги Попом, Larry 7 из "The Analog Society"... На самом деле, их было довольно много, всех перечислять не буду - они указаны на пластинке. Себя я могу назвать скорее продюсером, чем музыкантом. Я всегда тяготел к эклектике, мне нравится собирать в одно целое абсолютно разноплановые, на первый взгляд, вещи - результат от своей непредсказуемости чаще всего оказывается весьма впечатляющим...

На этом прямая речь герра Хакке начала искривляться, он стал использовать все более непонятные термины, то и дело срываясь на немецкий язык, тогда как манипулирование именами собственными приняло совершенно негуманный характер. Вследствие всех вышеупомянутых причин компьютер, на котором склеивалась "статья", впал в кому и был изъят системными реаниматорами... Вот и публикуй тексты про индустриальных музыкантов - кругом воцаряются агрессия и деструкция!

Изначально читали музыкантов, слушали кинематографистов, забивали траффик, взламывали гугл и ворд всегда ваши - Пунто и Лингво.

Иные красоты

Идея Стас Волязловский
Рисунки Юлия Волязловская
Дизайн Макс Афанасьев

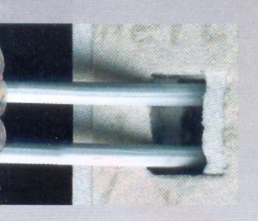

Когда у художника Волязловского случился приступ паранойи, он пошёл к ларингологу. Потому что думал про рак горла. Ларинголог рака не нашёл, а нашёл диагноз, что надо меньше курить и пососать леденцы. Проходив неделю в странном неудовлетворённом состоянии, Волязловский опять к себе прислушался. Неудавшийся рак горла отрикошетил на выходе.
Так ещё через неделю состоялся визит художника Волязловского к проктологу. Плача и матерясь, Волязловский прошёл обследование при помощи 50-сантиметровой металлической трубки и палочки с лампочкой на конце. Но, будучи натурой тонкой и художественной, он переживал не столько за себя, сколько за проктолога, который вот так каждый день на своём рабочем месте видит только такое, и никакое другое. А Волязловскому очень хотелось, чтобы хотя бы в нём доктор увидел что-то необъяснимо прекрасное... Алые паруса... Цветущую сливу на склонах Фудзи... Лица родных и близких... Нет, лиц, пожалуй, не надо.
Придя домой, Волязловский открыл Большую Советскую Энциклопедию и почитал всё о проктологах. Всю ночь он думал, как им помочь. А утром попросил жену Юлю нарисовать для проктологов красивые картинки. Жена Юля по этому поводу сказала:
"В человеке все должно быть прекрасно, даже если красота эта не сразу доступна визуальному наблюдению, даже если она спрятана глубоко внутри, где не каждый догадается ее искать.
Иные красоты способен обнаружить и оценить лишь узкий специалист, посвятивший свою жизнь исследованию потаенных закоулков и недр человеческого организма.
Красота внутренних поверхностей, богатство фактур, парадоксальность содержания внутренних пространств - об этом может рассказать миру незавидная на первый взгляд профессия простого проктолога.
Разумеется, не всякий проктолог, проводящий процедуру ректораманоскопии, которую большинство сочтет банальной, рутинной, а кто-то даже унизительной и болезненной, видит в своей работе миссию по обнаружению и изучению внутренней красоты пациента. Такое обнаружение требует не только зоркости, но и своего рода таланта, особого видения и веры в то, что любая, даже самая бесперспективная, на первый взгляд, сигмовидная кишка, рано или поздно раскроет свои тайны. Лишь упорный труд в сочетании с творческим подходом, только чуткость, граничащая с ясновидением, только настойчивость, умноженная на преданность своему делу, почти влюбленность в свою работу, позволяют проктологу добраться до того, что скрыто во мраке заботливой природой.
Пройдя путь от первых шаманов, пытавшихся исследовать внутреннее пространство своих соплеменников при помощи примитивнейших приспособлений (берестяных и глиняных, позже - бронзовых) до века высоких технологий, профессия проктолога стала легче, но в то же время, увы, утратила ореол таинственности. Рядовой рабочий ректоскопа, такой же человек, как и все мы, смертный и не лишенный слабостей, но наделенный стремлением и способностью проникать в тайну и освещать ее для нас - вот кто такой специалист-проктолог."

За всем этим цирком уже который год наблюдает **Елена Афанасьева-Сиамская**, но меня здесь можно и не упоминать.

В СССР нормальных людей от буржуазного искусства оберегали. И правильно делали. Потому что оно злобное и безысходное. Шедевры морально разложившихся западных мастеров в наших музеях не вешали и в кинотеатрах не крутили. Зато было много критических книжек, где их описывали – образно и подробно. А мы читали и представляли. Да так ярко, что когда через годы увидели оригиналы – сильно разочаровались, настолько они бледнели перед нафантазированным. Поэтому вот тебе, читатель, Венецианская Биеннале без картинок. Читай, смотри на пустую страничку, развивай воображение. Мало ли что. А вдруг еще пригодится.

смотреть сюда

×

Крупным планом, на экране, повисшем в пространстве: хлещет кровь. Сшивают. Долго. Суровой иглой. Девственную плеву. Так, как это делали 500 лет назад, о чем узнаем из "Назидательных новелл" Сервантеса.

Это не хоррор, но арт-проект - один из нескольких сотен на празднике искусств в Городе святого Марка. Современное искусство, привечаемое здесь, порой мрачно, жестоко, кроваво.

Видеофильм Регины Хосе Галиндо, совсем младой гватемальской девчИны - пример, может, не самый типичный. Однако, и не аутсайдерский - наряду с ее еще двумя артефактами удостоился он венецианского "золота". Первая постъюбилейная Биеннале (50+1=51) охотно использует шоковую терапию, причудливо сочетая ее с красотой и даже гламуром.

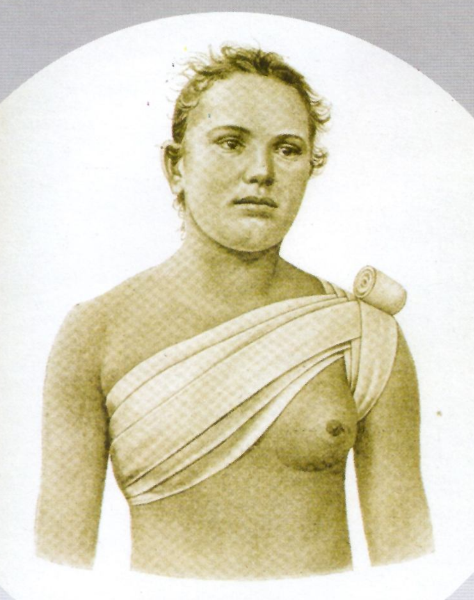
С легкой руки Томаса Манна и Лукино Висконти в умах масс воцарился образ Венеции как Города Смерти - будто бы в Кейптауне, Белграде или Акапулько умирают меньше... Впрочем, этот город считался предельно опасным - и предельно манящим - еще со времен Ренессанса. "Я уехал туда и до половины августа пробыл в Венеции, где не преминул вести себя так, что меня едва не убили. Забавы ради я приволокнулся за

Binoculus.

Вены Венеции,

ДРАЙВ ПО-БЬЕННАЛЬСКИ...

Altes, aber unpraktisches Suspensorium mammae.

Вендраниной, благородной венецианкой и одной из самых хорошеньких на свете женщин", читаем в мемуарах Жана Франсуа Поля де Гонди, будущего кардинала де Реца, героя Фронды.

Сегодня снова правят бал жестокосердные женщины, обожающие неортодоксальный экстрим. Когда кураторами 51-й Венецианской Биеннале были назначены испанки Мария де Корраль и Роза Мартинез, многие ожидали, что следствием этого выбора будет пропаганда идей феминизма, и не ошиблись. Однако не менее существенной чертой созданного ими "образа мира" оказался причудливый сплав красоты и жестокости.

В полной мере это воплотилось в посмертной демонстрации произведений Лэя Бовери - последнего гаера Новеченто, короля лондонской арт-моды 1980-90-х. Его перформансы - раскрашенные тела, огромные шляпы салатового цвета и маски с доподлинными черепами - поражают воображение зрителя десять лет спустя его гибели в возрасте Христа. Будучи последовательным, Бовери продолжил эксперименты на собственной плоти, для чего прибегнул к публичной кастрации...

"Body Attack" - так весьма красноречиво называется одна из биеннальских выставок, размещенных на территории Арсенала - кирпичного ангара, в старину используемого для ремонта и постройки кораблей, и менее десяти лет эксплуатируемого с экспозиционной целью. (Ранее для демонстрации независимых проектов хватало площадей Итальянского павильона). В данном случае название несколько обманчиво - агрессия скорее декларативна и сведена к хореографии нагишом. Однако "направление главного удара" угадано верно.

Драйв XXI века не знает ограничений, но основная его арена - сам человек, а точнее - художник, не могущий дистанцироваться от зрителя посредством картинной плоскости либо скульптурного болвана. Ибо, хоть не бог, но жаждет публика жертвоприношений. Персональных. Искренних. Как сказал бы

Tuchverband für die Stirn und den Hals.

Funda nasi.

Пастернак - "гибели всерьез".

Причудливые телесные трансформации возникали в самом неожиданном месте, как, например, в афишах Сантьяго Поля из Венесуэлы. В объекте Мандамы Мохаддам из Тегерана, выставившей огромный бетонный блок, крепящийся к потолку посредством девичьих кос. Или мрачноватом исландском видео на тему жестоких языческих культов, демонстрируемом на мониторах, погруженных в подобия гнезд: персонаж - автор? - влачащийся в какой-то слизи, неистово при том блюющий и плюющийся.

Не больше отрады принес павильон России. На втором этаже старорежимного дома (построенного в 1914 г. на средства известного украинского сахарозаводчика) зритель попадал в длинный серый коридор, сужающийся к концу. По мере продвижения в уши врывался вихрь непонятного происхождения, наверное, поэтому и названный Галиной Мызноковой и Сергеем Проворовым "Idiot Wind". Да что там говорить, если на самой набережной, обрамляющей сады-Джардини на излете Большого Канала, традиционном полигоне для проектов более, чем 30-ти стран, всем желающим раздавали черные флаги с черепом и костями. Сувениры Биеннале, но - другой: Биеннале Ужаса...

Однако шок под небом Италии, а особенно - Венеции, отнюдь не равнозначен депрессии. Нас пугают, но одновременно - изумляют. Страшное порой облекается в неподдельно красивые, завораживающие формы. Либо же используют ужас в качестве трамплина, впоследствии изживая его. Всего забавного, кудрявого, причудливо-капризного - также в Венеции не счесть. И тогда уже оно не ограничивается пределами выставочных павильонов, посягая на территорию собственно туристических угодий... Биеннале - это также красные надувные пингвины на балконах древних

II. Tour des Desault'schen Verbandes.

Capitium triangulare.

Capitium qua

Mitella parva und Tuchverband für die Wange und das Ohr.

палаццо. Древесные сваи, раскрашенные разноцветными полосами - оттого приобретшие сходство с палочками для мороженого (впрочем, их ведь, кажется, не красят?). Или желтолицые джоконды, возникающие в самом неожиданном месте, хоть у остановки речного трамвайчика, на котором (а не на гондолах: это для скучных толстосумов из Японии) все и передвигаются по Венеции.

Страх, как и удача, равно заразительны. Им все возрасты покорны. И если "Малого Золотого льва" получила 31-летняя чувиха, то Лев "ну о-о-очень большой" достался живому классику французского искусства, 62-х годов от роду, неподражаемой Аннет Мессанже - автору проекта "Казино", сочетающего внешнюю лепоту и внутренний трепет.

К самому проекту, между прочем, надо было выстоять не менее часа под палящим венецианским солнцем. И прохладительных напитков никто вам не предлагал... А увиденное того стоило: великолепно-мрачная инсталляция на тему Буратино.

Может, и впрямь: в бой идут одни старики? В 2005-м они выложились, как никогда, на славу. Покуражилась на цветастых, светящихся панно самая знаменитая голубая арт-пара в мире, Гилберт и Джордж. (Сегодня - лысоватые дядьки, они разом "вспомнили свое детство золотое", чего в юности себе отнюдь не позволяли). А седовласая Луиз Буржуа? Возможно ль забыть ее "башню шепота"? (Входящий туда погружался в звуковое пространство взаимонаслаиваю-щихся колыбельных).

В 1918 г. Владислав Ходасевич написал о "певучих шагах венецианок". Сегодня трудно проверить его наблюдение: Город Святого Марка топчут не аборигенки (они, как правило, стоят за прилавками кафешек), но туристки, искусствоведки, журналистки. Художницы, наконец. Упомянутая выше лауреатка Регина Галиндо и здесь "наследила", показав два своих видеоперформанса, в одном из которых она, босая, шествует по улицам. Нюанс: время от времени окуная стопы в тазик с кровью...

Отсюда вывод: в Венеции "крики" трудноотделимы от "шепотов", как робкие шаги от бурного топота. И предпочтение тем или другим отдается лишь по мере их убедительности. Главное - чтобы "вставило".

Tuchverband für das Auge und die weibliche Brust.

Писал Олег Сидор-Гибелинда, специально для журнала НАШ

Портреты нездоровых мастеров и мастериц культуры прислал Стас Волязловский

фото kirgiz.smeta@online.ru

вячеслав машницкий
из серии [картины на память]
1995

Mashnahata

Вот над чем, читатель, онанируешь ты? А художник Вячеслав Машницкий однажды увидел закат солнца и возбудился от его немыслимой красоты. А история эта всплыла, когда вспомнили про одного ниггера, который на Бродвее доводил себя до оргазма без рук. И тут-то Слава и раскололся про закат. "И что, тоже без рук?" - ахнули все. "Нет. С руками..." - засмущался Слава, но размер его подвига от этого в наших глазах не уменьшился.

У Славы есть редкой красоты жена Аня. На второй день свадьбы к Славе пришли гости, а он - голый. Так к ним и вышел. Молодая жена говорит - оденься! Слава оделся. И вышел к гостям в невестином подъюбнике. Это одна из лучших фотографий Славы. На другой лучшей фотографии работа студентов киевской Академии искусств Вячеслава Машницкого и Олега Голосия - одна картина на двоих. А история такая: пока Слава ходил какать, Голосий нарисовал работу. Слава пришёл и дописал поверху текст: "Эта картина не называется "Без названия", потому что у неё нет названия, и не потому, что её можно так назвать. Просто она является совместным актом. Актом продолжительностью 3 минуты 40 секунд, причём один из актовщиков не имеет к ней никакого отношения, впрочем, как и другой, так как картина является копией. Но, всё же, она исполнена ими, потому что один писал, а другой как..." И подписал двумя фамилиями. Ещё на тысяче-другой-третьей фоток запечатлена жизнь музея современного искусства, который Слава создал у себя в обычной херсонской квартире, сломав перегородки в двух комнатах и переехав с женой и вещами жить в спальню. Точнее, сначала это называлось "Галерея СС-02", что надо было понимать как Союз Спадкоємців. Союз состоял из Славы и художника

вячеслав машницкий
из серии [негатив]

Платонова - детей маститых членов Союза художников. Первую экспозицию они нарисовали прямо на стенах поверх штукатурки и через месяц без сожаления закрасили.
Гордостью музея современного искусства и его хозяина является туалет в тысячу долларов. Потому что в Одессе, когда Слава учился в Грековке и жил в её общаге, из тамошнего туалета выскакивали крысы, смотрели, как люди какают, и неприятно тыкались носиками в попу. Иногда в очко туалета кидали зажжённую расчёску-"шепотуху", которая жутко воняла, и тогда крысы лезли из женского туалета. Мужская половина веселилась.
А ещё Слава очень добрый. Он помогает другим художникам. Покупает красочки аутсайдерам (см.предыдущие номера "НАШего"), делает выставки бабушкам и дедушкам. Славу не любить нельзя, любить Славу даже банально. Зато не банальна любовь к Славе его тёщи. У них связь на каком-то высшем астральном уровне. Например, захотел как-то Слава купить книгу "Всемирная история эротики". А денег с собой не оказалось. Приходит домой - а там уже тёща с этой книгой. Хотя не всегда тёща попадает в десятку. А другой раз сидит Слава в мастерской с художником Старенковым, хорошо так сидят, уже пятый час, уже много тары освободилось. И тут прибегает тёща с дозиметром, говорит: "Я тебе, Славочка, сейчас радиацию буду измерять". А радиация-то, она хорошо спиртом выводится, и никакой радиации в организме уже давно

вячеслав машницкий
из серии [гербалайф]

вячеслав машницкий
из серии [негатив]

6700

нет, и для измерений уже совсем другой прибор нужен...
Славу застать дома, т.е. в музее, сложно. Он может зимой среди ночи уехать кормить голодных чаек в Скадовск. Слава вообще лёгок на подъём. Десять лет своей жизни он скитался по мегаполисам. Три раза женился. В Москве был крутым начальником в рекламной фирме, которая занималась до фига чем. Там же снял видеоарт "Московский дворик" с целью "доказать, что креативом можно заниматься в офисных условиях" (цитата из концепта) - 50 часов съемки двора через камеру слежения, которую для этого и потребовал поставить. Самую интересную часть видеоарта забрали менты в качестве вещдока, потому что в кадр попал угон машины. А до этого был видеоарт "Огни большого города" - в детскую колясочку положили видеокамеру, к которой приваяли прибор ночного видения. Пили и катали коляску. Всё размытое и зелёное. Потом прокатили по галереям на радость искусствоведам.
В Киеве в 93-м, когда акционистское искусство ещё только поднимало голову, Слава включился в выставку-акцию "Далёкое-близкое", имитируя раскопки и создавая новую "культурную карту" города. Конечно, не докопались ни до чего существенного, но арт-

вячеслав машницкий
и картины

критик А.Соловьёв написал в аннотации к проекту гениальную фразу, которая стоит того, чтобы её здесь упомянуть: "Историческое всё же в ненавязчивой, эмбриональной форме, избежавшей, что называется, "дурной музеефикации", то там, то здесь проступало и в акции осуществлённой - лунки заглядывания, змеиный мотив, персонаж макетного археолога, то удаляющийся, то приближающийся блеск куполов...".
Вернувшись из мегаполисов, Слава обрёл своё херсонское счастье. Вход в его музей современного искусства бесплатный, но по предварительной договорённости.

макс афанасьев&жанна возбранная

МУЗЫКА-ЭТО УДИВИТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ!!! ВЯЧЕСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАШНИЦКИЙ

вячеслав машницкий
и закат

Можно посмотреть Голосия, Соломко, Гнилицкого, на открытии был Мамсиков, всегда есть много местной экзотики. А если вы понравитесь хозяину, вас угостят самым лучшим чаем из заваренных херсонских травок. Чай подаётся в пиалах. После третьей пиалы понимаешь, что тут с тобой поделились не чаем. И не искусством. И не счастьем. Тут тебе просто дали немножко посидеть в Земном Пупке.

Елена Афанасьева-Сиамская

материал украшен фрагментами работы станислава волязловского [mashnahata]

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПЕЧАТИ

выставка студии "Тотем" в галерее "СС/02"

Шешори зараз – найжирніше збіговиско в Україні, єке маї потенцію стати одним з центральних у Східній Єропи.
Чому? Бо є горрри + тенденція розвитку!
(Зі слів одного аборигена)

Фестиваль случился, слава горам. Спустя 3-4 дня после его окончания гости и участники добрались-таки до дому до хати, пришли в себя, включили модемы и выплеснули в многострадальный WWW такое количество рецензий и фотоотчетов, что ни один полиграфический центр не взялся бы публиковать этот стихийный дайджест - по объему вышла бы если не Британика, то Большая Советская Энциклопедия, не иначе. Естественная позитивная реакция городских "детей асфальта", за весь год раз или два выбирающихся на лоно природы для причащения вечному (методы и степень причащения варьируются), изящно оттеняется взмахами сабель и пулеметными очередями тех, кто в Шешорах узрел лишь отсутствие мусорных баков, 1 туалет на всю фестивальную площадку и обилие "кочующих бездельников и полухиппи", ввергнувших тихое карпатское село и гостеприимных местных жителей в "хаос и фрустрацию". Следует признать, что и то, и другое имело место быть, но не следует забывать о том, что фестиваль изначально некоммерческий, и организаторы с трудом обеспечивали приезжих тем скромным, что позволил бюджет фестиваля. Спасибо можно было сказать даже за это. Вышеупомянутые минусы экологического мероприятия с лихвой перечеркивались - превращаясь в плюсы - мудрыми поступками тех, кто понимал, куда и зачем он приехал: неорганические отходы гостей фестиваля торжественно упаковывались ими в пакеты и транспортировались в конкретные места, органические - заботливо закапывались в карпатскую землю, превращаясь в удобрения. Возмущенных обилием пост-фестивального срача на территории благословенной гуцульской земли хочется спросить: "а что для Гуцулии сделал ТЫ?"
Касаемо музыки... Вечное, как вегетарианство, правило "не нравится - не ешь!" можно было вытатуировать в виде альтернативного слогана на сопутствующей продукции с символикой фестиваля и распространять среди недовольных. Три дня с музпрограммами с 6 вечера до 3 утра с таким свистом шептали в уши об аудиофильских разносолах, что не услышать и не внять было просто нельзя. Мое личное впечатление оставлю собственным детям, замечу только, что хотя и мне не все понравилось, однако даже с сильным прищуром разглядеть здесь поводов для говнометания не могу. Неинтересные сценические мероприятия всегда можно было заменить на более радостные коммуникативные, благо вокруг шаталось, валялось и плясало довольно много людей, достойных внимания. Но, справедливости ради, надо сказать, что скучно под сценой было редко. Самый неадекватный наезд фестиваля - "где вы тут этнику увидели?" Особо буйных ортодоксов хотелось спросить об энциклопедическом значении слова "этнос" и о теории "носителей этноса" в их понимании. При желании можно порвать, как тузик грелку, то и се, но желание отсутствует напрочь, а смысла в оскорблении лучших, хочется верить, порывов музыкантов еще меньше, чем в приезде на Шешоры с подобным настроением. Люди приехали для вас играть, человеки! Для вас, а не для себя. Хотя, если вам это не понятно... Вибачайте.
Перечислить все приятные происшествия не представляется возможным. Количество неожиданных встреч перевалило за полночь - под сценой и рядом в различных позах и степенях адекватности обнаруживались персоналии, мелькавшие в жизни вашего покорного на протяжении последних 10 лет. Как полузабытые и считавшиеся "условно утерянными", так и свежепойманные, но ни разу до сих пор в лицо не виденные. Физкультурные стычки с местным населением можно списать на эксцессы: с трудом припоминаю более-менее крупные мероприятия, обошедшиеся без такого рода "культурного контакта". Более того, объединенная радостью музыки и трех суток отвязки в горах, 5-тысячная орава гостей фестиваля отнюдь не исключала вероятности аналогичного поведения. Порадовали волонтеры-секьюрити, происходившие родом, по словам одного из сведущих журналистов, из львовских наци-скинов. Ну и что? Кроме пресловутого "синдрома вахтера", ничего сверхосудительного за ними отметить не удалось. Эз фо ми, фестиваль продемонстрировал внятное соответствие объемов предложения и спроса. С вечным нюансом: на другом берегу трава всегда убойнее. Но вина в этом не организаторская. Избалованная Интернетом и близкой, как завтра, но от этого не более досягаемой интеграцией в Эуропу, потребительская душа алкает большего. Большее будет, ребятки, обязательно будет. Вы с тем, что у вас есть, справьтесь.

ПАССИОНАРИИ ВСЕХ ЭТНОСОВ, НАПРЯГАЙТЕСЬ!

PS: Точки над ё (или многоточия?) хочется расставить послефестивальным письмом от пресс-атташе Шешор-2005:

"Привет! Насчет post factum: кажется, все удалось. Наш дикий, но позитивный фестиваль состоялся в третий раз. Самым большим промахом организаторов местные жители посчитали группу "...", которые купались в Пистыньке голыми. А журналисты - неудобное расположение лендарт-объектов (следовательно, сообразить, что такое лендарт, не получилось). Публика сетовала на "очень длинные концерты", хотя в прошлом году они были "очень короткими". Т.е., все в порядке. Что касается музыкантов, почти все, кто обещал доехать, доехали и, похоже, остались довольны (во всяком случае, так они нам сказали после). К тому же, слушателей оказалось даже больше, чем предполагали.

Из самой последней информации - Шешоры в следующем году опять произойдут. Собираемся пригласить к участию новые страны - фестиваль-то международный. Надеемся-таки воплотить тихую, небольшую и, конечно, загадочную ночную сцену... Возможно, не одну. Туалетов больше вытребовать у властей. Договориться с мольфарами о хорошей погоде. Подумаем, что еще.

Всего наилучшего!"

Идею этноса обсасывала Озадаченная Афро-Обезьяна. Животные благодарности отправляются в с. Шешоры (Косивского р-на), в Полесье (бабушкам-"вдовушкам"), в Киев (Мирославе, Виктории и Паше), в Станислав (гостпріімному та скаженому гурту "Пе"), в Черновцы (всем-всем-всем), в Файне Місто ТМ (Зоряну сотоварищи), а также носительнице русского этноса из города Казань (республика Татарстан) Наталье Павловне.

Уан лав, уан пис! Пипл, гет реди.

фото:александр кадников-таврический
<kodak67@mail.ru>

СПб.: Лимбус Пресс

Помнится, в хоре рецензентов, обсасывавших косточки двух последних пелевинских книжек, несколько раз была озвучена мысль, что тексты эти имеют особенную ценность еще и по той причине, что Виктор Олегович владеет неким сокровенным знанием о том, что происходит в современном российском обществе, и способен доходчиво разъяснить своим соотечественникам то, до чего они без него никогда бы не докумекали. Если даже это и правда, то всё равно как-то несправедливо получается: Пелевина народ читает и не нарадуется (а даже если кто не читает, то хотя бы имя слышал), а вот замечательного питерского прозаика Сергея Носова подавляющее большинство опрошенных неминуемо спутает с автором "Незнайки в Солнечном городе". И это более чем обидно, потому что любая носовская книжка ("Член общества", "Хозяйка истории", "Дайте мне обезьяну") - это потенциальный бестселлер. Мало того, что автор - тонкий стилист и умелый рассказчик, так он ещё и обладает редкостным чутьём лозоходца, всякий раз отыскивая ту точку современного социума, копнув в которой можно будет выпустить наружу фонтан из подземных вод нашей недавней истории. В своём новом романе о трагикомических похождениях трёх 40-летних лузеров, потерявшихся между двумя эпохами, ироничный Носов предлагает трактовать повседневную жизнь советского человека как изощренный перформанс, место которому в энциклопедиях современного искусства. Метафора эта не то чтобы очень свежа, но буквальное воплощение её на страницах книги приближается к совершенству: динамичный полуавантюрный сюжет разворачивается на фоне мрачноватых индустриальных окраин, словесные портреты которых так и просятся на страницы ЖЖ-коммьюнити "urban_decay", а точные психологические портреты персонажей перемежаются с меткими наблюдениями за положением дел в современной арт-тусовке. Вкупе всё это даёт один из лучших русских текстов последних пяти лет, обязательное чтение для всех любителей весёлой и умной прозы и актуального искусства.

Сергей Носов
Грачи улетели

Михаил Елизаров
Красная плёнка

М.: Ad Marginem

Оголтелая медиа-шумиха и неприкрытый интернет-пиар, сопровождавшие публикацию ревазовского "Одиночества-12", отвлекли определенную часть читающей публики от другой новой книги, выпущенной почти в то же время тем же орденоносным издательством. А зря: продукт этот куда более яркий, штучный, а местами даже и взрывоопасный. Хотя и не без недостатков, о которых и поговорим. Непонятка номер один: зачем в якобы свежей книге переиздавать пусть и замечательные, но старые тексты, служившие в предыдущем елизаровском романе вставными новеллами? Есть в этом что-то от ремесла напёрсточников. Следующий облом: парочка других рассказов очень смахивают на наброски к тому же "Pasternak'у". Но главное разочарование: после крепкого и забойного романа, позволявшего надеяться на качественно иной уровень следующей книги украино-немецкого писателя, она, напротив, обозначила возвращение на рубежи, отвоёванные ещё дебютными "Ногтями". Да, "афтар жжот", причем жжот мастерски и вдохновенно - здесь можно подолгу смаковать буквально каждую фразу. (А особо приглянувшийся рассказ "Я вернусь" мы с разрешения издательства решили воспроизвести целиком - вместо дежурной цитаты.) Но похоже, что сегодня вариации на темы "русских цветов зла" 20-летней давности (правда, теперь к сорокинским, мамлеевским и вик.ерофеевским темам в потрясающей повести "Госпиталь" добавились мотивы еще одного ad-marginem'овского автора - Владимира Козлова), пусть и выполненные с формальным совершенством, устарели концептуально. Старые поклонники подобного дискурса книжку заглотят, не задумываясь, а вот остальные, вероятнее всего, даже не заметят.

Эх, придётся всё-таки написать про книжку, автоматически назначенную умелой рекламной кампанией главным бестселлером этого лета; не слишком хочется, но придётся - типа событие, блин! Десятитысячный тираж романа автора-дебютанта расходится за месяц, второй тираж тоже уже почти продан, а читатели по-прежнему разметают с прилавков 500-страничный кирпич "русского Дэна Брауна" - конспирологический триллер о поединке троицы москвичей самого что ни на есть карлсоновского возраста с адептами древней и могучей зловещей секты, которое тысячелетие тайно сеющей Зло во всем мире. После шквала родственных отзывов в печатной и сетевой прессе (самым точным из них стал, на наш взгляд, следующий: "В принципе, книга эта имеет примерно такой же смысл для русской масс-литературы, как "Ночной дозор" для кинематографа"), сказать об "Одиночестве-12" что-то новое не представляется возможным, поэтому ограничимся субъективным ощущением: после прочтения этого "романа-fusion" вспомнился феномен, который можно назвать "синдромом Москвича". Наверное, каждому из нас - особенно в нежном возрасте - доводилось пересекаться в новой замкнутой компании (будь то крымский пляж или купе поезда) с Москвичом - человеком, живущем в таком плотном информационном потоке, что часть этой информации обязательно оседает мёртвым грузом в его мозгах и просится наружу. Поэтому встретив подходящих с его точки зрения "провинциалов", Москвич начинает грузить их фактами, историями из жизни, телегами, прогонами, вызывая у собеседников искреннее восхищение: какой крутой и умный чувак, сколько знает, где только не побывал! А спустя какое-то время - особенно, повзрослев, - задумываешься: тьфу ты, и нафига я тратил время на его пустую болтовню? Он же из себя ровным счётом ничего не представляет. Вот так и с ревазовской книжкой - беллетристика она и есть беллетристика.

Арсен Ревазов
Одиночество-12

М.: Ad Marginem

неизв.худ.XX в.

Дэниел Уоллес
Рэй задним ходом

Цитата: " - Это, - говорил дедушка, показывая коробочку с монеткой Рэю, сидевшему у него на коленях, - подлинный цент "ВДБ-К" тысяча девятьсот девятого года выпуска... Я не знаю точно, сколько всего выпустили таких монеток, но с уверенностью могу сказать, что очень, очень мало. И это одна из них! Вещь, которую ты держишь сейчас в руке, является почти такой же редкостью, как кость динозавра. Просто она гораздо меньше. Цент - один из самых маленьких предметов на свете. Поэтому люди поговаривают о том, чтобы избавиться от них. Округлить. Но по-моему, глупо избавляться от вещи только потому, что она маленькая, верно?"

Второй роман Дэниела Уоллеса, автора знаменитой "Крупной рыбы", экранизированной пару лет назад Тимом Бёртоном, как раз таки и рассказывает о неповторимости и уникальности каждой "маленькой вещи" - в особенности, если посмотреть на неё под другим, неожиданным углом. Например, ужать всю человеческую жизнь до 14 кусочков киноплёнки, запечатлевших ее ключевые моменты, а потом склеить их друг с другом "задним ходом" - от смерти к рождению. В таком разобранном виде предстаёт перед читателем портрет Рэя Уильямса, умершего от рака и попавшего на Небеса - в группу поддержки "Последние слова", где разбираются с психологическими проблемами "новоприбывших", категорически не довольных своими прощальными устными заявлениями. Последними словами Рэя стали "Как жаль...", и теперь он начинает прокручивать в памяти лучшие и худшие события собственной жизни, пытаясь сообразить, о чём же он всё-таки тогда сожалел... Этот временной "паззл" становится иллюстрацией нескольких избитых истин (при затёртости отнюдь не утративших своей справедливости): мы никогда не сможем полностью познать другого человека; хорошего в людях больше, чем плохого; каждый человек заслуживает прощения и др. Но составлена картинка-коллаж с такими теплом и душевностью, что по итогам двух переведенных романов Дэниел Уоллес вполне заслуживает лавры самого доброго и оптимистичного из современных американских сказочников.

СПб.: Азбука-классика

прочел много книжек, а умнее не стал
макс шевцов

фото:макс бугаёв

ГАНЬБА,

или
как москВали опять облажались

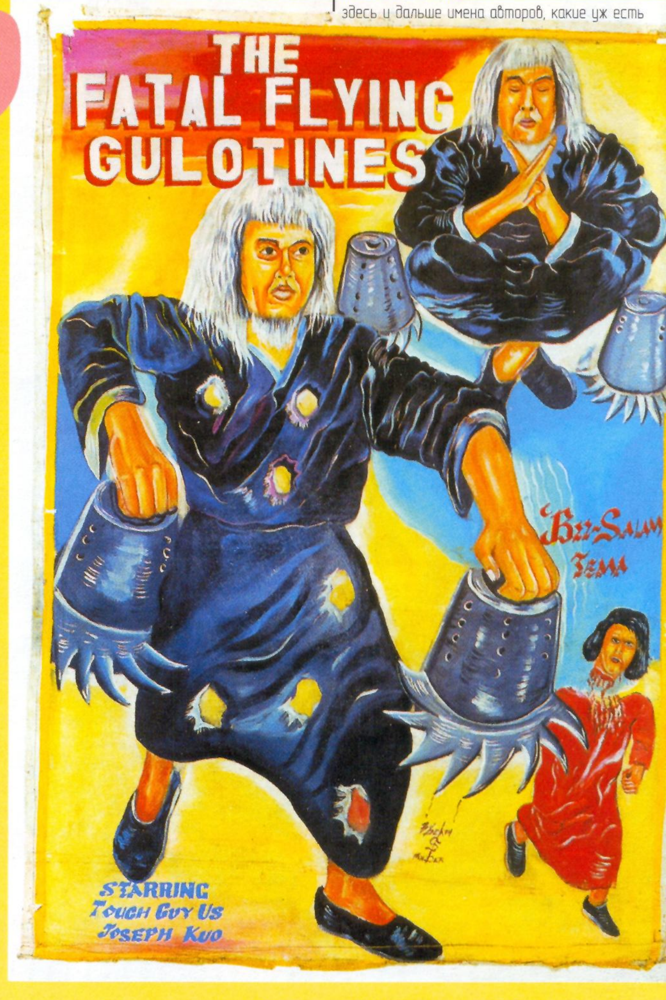

благодарим за неоценимую помощь
в оформлении
Елену Афанасьеву и Андрея Луста

6709

death is wonder –
здесь и дальше имена авторов, какие уж есть

Предисловие редакции.
Однажды простой украинский парень Дм.Десятерик получил Письмо Счастья, противно засмеялся, потоптал его ногой и поехал на поезде в город Москву поплевать на ихний кацапский кинофестиваль, а в это время непростой человек по имени Ernie Wolfe III переписал Письмо 40 раз красивым почерком, разослал по разным вымышленным адресам и пошел пешком за правдой в далёкую африканскую страну Гана. До него уже туда ходили папа Эрни Вольф II и дедушка Эрни Вольф I, но оба сгинули без следа среди барханов, носорогов и голодных ветеранов апартеида.
Дм.Десятерик привёз из славной поездки блеклый черно-белый каталог с мерзкими невыразительными фотографиями.
А Ernie Wolfe III натырил в Гане киноафиш местных гениальных художников, издал толстый красивый альбом и теперь катается с элитными тёлками на новом дорогом автомобиле, не называем марку, а то будет реклама.
Мораль: за чем пойдёшь, с тем и воротишься.

А теперь – статья с картинками.

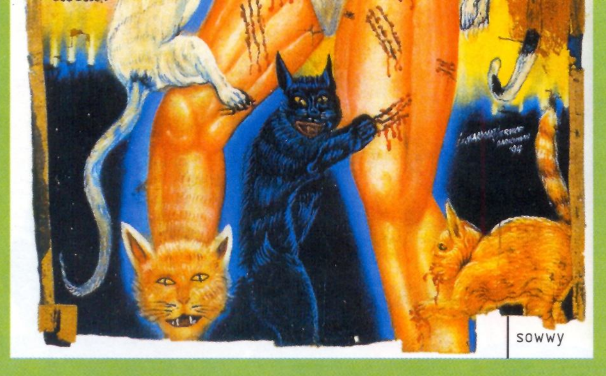

Да я бы, собственно, и не писал, как москВали (москвали - от слов поэта "Не Москваль за нами?!") опять облажались, подумаешь, эка невидаль: Москва ль без лажи - что лошадь без уздечки, последние лет пятнадцать только то и делают, что лажаются, но ведь за искусство обидно! Искусство, великое искусство кино, литературы, театра, живописи, стихосложения, ваяния, зодчества, фотографирования, танца, пения, выпиливания, лобзика, дизайнера, рейсфедера и кульмана, но в первую очередь, несомненно, кино, - оно-то тут при чем? Почему оно должно страдать, и я, нежный, вместе с ним, кто даст ответ?
Не дает ответа.
Мчится, закусив удила, взмыленная Москва, и расступаются народы в ужасе и удивлении - Москва взмыленная, куда мчишься, смотри, уже и Русь давно не скачет, не мелет, а если и скачет, то в совсем другом направлении, да все никак не удумает, попутно чертыхаясь, кто ж тебя, Москву, изобрел-то?!
Уж и не доищешься, кто. По общераспространенной версии, изобрели Москву коммуняки, чтобы полоскать свои кумачовые валенки в мировом кино. Но коммуняк вроде и нет уже давно, а последствия налицо. И, не дождавшись ответа, почему кино страдать должно, на свой страх и риск отвечаем - потому что кинофестиваль московский, а не какой другой. Был бы другой - был бы венецианский или жмеринский. А так московский. Ну и понятно, что за последствия в таком случае ждут всякого, кто туда попадает. А попадает конкретно, и постоянно, и всякий. И ни за что, ни про что. Одним словом, наблюдается постоянно действующий московский закон Н[Э]адекватного Попадалова (НЭП).

В соответствии с таковым НЭПом, теперь надо бы перейти к злорадному описанию фильмов, то есть картин, произведений киноискусства, целлулоидных лент, экранных образов, но это ж сколько усилий надо предпринять, это же какую гору надо внутри себя преодолеть, а?! Даже чувство злорадства от того, что москвали опять облажались, помогает плохонько...
Ну, хорошо, начнем с жарких поцелуйчиков и ангельских крылышек. На каждой Москве есть такая особая внеконкурсная часть, которая называется Канны. Если вам на голубом москвальском глазу будут отрицать существование таковой, смело плюньте в этот глаз. Желательно - девятью граммами свинца. Таки есть Канны в Москве. Потому что как раз к Москве подоспевают покупки, которые оборотистые кинодеятели совершают в тех же Каннах на фестивале, на котором, кстати, кино отнюдь не страдает, а очень даже наоборот, процветает с нездешней силой. Покупают, как правило, самое известное, а уж призеров, отхвативших каннское пальмовое золото - тем паче. Вот и на сей раз было так - осведомленные представители разных сословий злобно, радостно, ласково и целеустремленно стремились, ломились, шли, бежали на показы всякого лазурнобережного свежака, даже невзирая на то, что все это в ближайшие полгода пойдет в прокат, а конкурсную программу, про которую надувшийся до размеров небольшого монгольфьера Михалков Никита Сергеевич сказал, что она лучшая из всех, что он видел за последние годы (включая Канны, вочевидячки), так вот, конкурс этот сословия видали преимущественно в гробу. В полутемном гробу утреннего

leonardo

sowwy

забвения, насыщенном выхлопными газами с трудом проснувшейся Москвы. Господи, какие громоздкие велеречивые фразы.
Так что мы, если угодно, вначале о поцелуйчиках и крылышках. О приятном, иными словами.
Вот взять, например, Триера, Ларса фон. Триер хорош, и его "Мандерлей" хорош. Ничем не хуже "Догвилля". Можно даже так сказать: "Догвилль" и "Мандерлей" взаимодоплняются абсолютно, как белое и черное на шахматной доске, как левое и правое на человеческом теле. Например, так - "Догвилль" - о свободе и любви, породивших рабство, "Мандерлей" - о рабстве, захлебнувшемся свободой. То же - насчет контраста и взаимодополнения - касается Николь Кидман и Брайс Даллас Ховард, исполнивших переходящую из фильма в фильм главную роль Грейс. Тут отдельные нЭпманы-триерофобы расшумелись на тему того, что новая рыженькая девочка не тянет, особенно по сравнению с Кидман. Сравнивать - абсолютно нЭпманское занятие, но ладно, побъем врагов их же оружьем. Ховард умеет то, что не умеет Кидман, а Кидман (приготовьте носовые платки) не умеет многого. Здесь очень уместны слова Годара, сказанные в другое время и по другому поводу, но очень метко: "Именно потому, что Катрин Денев не умеет сказать "я тебя люблю", снимаются порнофильмы, которые тоже этого не умеют сказать".
Вот этого "я тебя люблю", и также - ненавижу, уважаю, презираю и прочее - Кидман не умеет. Ховард же прекрасно сыграла как минимум то, что требовалось в "Мандерлее" - самоотверженное хождение в народ. Она смогла убедительно есть грязь, страстно совокупляться с чернокожим красавчиком-пижоном, потом того же пижона лупить плетью - одним словом, делать то, что та же Кидман, конечно, делала бы, но оставалась бы при этом такой же Кидман, все с теми же золотыми кудрями и малоподвижным лицом. А надо бы вообще-то быть Грейс - ангелом милосердия и возмездия в женском обличии. До такового Кидман дотягивает далеко не всегда, ибо для этого достаточно всего лишь быть человеком, слишком человеком, - что получается у Ховард и не выходит у Кидман, которая всегда слишком Кидман (и никогда не забывает о том, что она - Кидман), немножко женщина и очень изредка - человек. Так что вопрос с исполнительницей роли Грейс решен удачно, уже потому и "Мандерлей" в целом можно считать удавшимся фильмом. А там ведь есть еще много иных высококлассных находок, но если начать по полному формату анализировать, то тогда получится не Ганьба! (москвалям), а слава! (Триеру), а мы ж с москвалями сейчас разбираемся, разве не так? Остальные куски Канн были, увы, не столь хороши. В Москву подвезли еще "Дитя" бельгийских братьев

6/10

Дарденн ("Золотая пальмовая ветвь", причем уже во второй раз они там разжились, впервые было за их же "Розетту" стараниями сердитого канадца Кроненберга, на сей раз был в Каннах Кустурица, но тоже, видать, проникся, жизнелюб неумытый), "Скрытое" австрийца Михаэля Ханеке (приз за режиссуру), "Последние дни" Гаса Ван Сэнта, которые все теперь будут вынуждены смотреть, потому что про Кобейна, хотя чем интересен Кобейн, хоть убей не пойму.
Наконец-то показали на большом экране впервые в России-Украине канадца Гая Мэддина, "Самую печальную музыку на свете", я уже писал о ней в отчете о позапрошлогодней Венеции - очень изящное кино, хорошо что до русскоязычной аудитории дошло.
Дарденны - нэпманы известные. "Дитя" - их очередное социальное истязание про в буквальном смысле слова подонков общества. Главный герой, блондинчик, пройдоха и жулик, а чего еще ждать от блондина, дабы легко заработать, продает собственного ребенка, что приводит, ну конечно же, к скверным последствиям. Молодые, малоизвестные, но классные актеры, ручная камера, детективная фабула, чтобы зритель не сдох на полпути - все дарденновские радости налицо. Есть место и морализаторству, и пафосу, и раскаянию в финале, обильно политом слезами и соплями.

d.a.jasper

Умеют, умеют нэпманы нравиться всем - вот же, сострадают отверженным, кино умеренно элитарное, в профессионализме не откажешь. А лажа в том, что не веришь им, дорогим и хорошим, ни на один кадр. Врут они виртуозно и изощренно. Не волнует их реализм, их герои и их нищета; собственно, они и похожи на профессиональных нищих, т.е. квалифицированных правдолюбов - может, и подал бы копеечку, да только ведь осознание того, что имеешь дело с ассами, почему-то останавливает.
У Михаэля Ханеке вообще беда. Такое ощущение, что на "Пианистке" его непревзойденное умение пугать и нервировать зрителя окончилось. Он - прямо как Дарденны - полез... морализаторствовать. Можете себе представить, господа страдальцы? Ханеке - морализатор! Воистину, конец света не за горами! В "Скрытом" на самом деле ничего скрытого нет, все до унылой зевоты ясно и понятно, и конкретно, одним словом, тоже по-нЭпмански!!! Да они что там все, с ума посходили?! И ничего же не скрыл, все обвинения в лицо бросил сытым буржуазным соотечественникам, четко расставил правых и виноватых по полочкам. Ужасно. Скучно. Провально. И все это подглядывание, когда не поймешь, то ли это события с героями, то ли это тайком отснятая про них видеокассета, из которого мог бы получиться жутчайший фильм, - оборачивается пшиком. Кучей социальных, психологических, политических и прочих не слишком интересных мелочей.
В случае с Ван Сэнтом вообще комедия. То есть, предполагаю, что будет комедия - потому что все станут друг другу многозначительно передавать, что, мол, вот фильмец, который про Кобейна сделан, и побегут смотреть кто во что горазд, и елея нальют выше крыши, считая это сильно продвинутым кино. А кино так себе, и Ван Сэнт - не так чтобы совсем великий режиссер. Талантлив - несомненно, но ведь и тот

anonym

ridwaas arts

же "Слон", который так его прославил, со второго просмотра оказывается таки "Забавными играми" Ханеке, уже упомянутого. Но Ханеке может сколько угодно проваливаться и заваливаться, потому что у него хотя бы эти самые "Игры" есть, а Ван Сэнту и проваливаться особо некуда, кроме как в свои гомоэротические комплексы - но кому и когда были интересны чужие комплексы и фантазмы? Фантазм Ван Сэнта в данном случае - это вяло выполненная история умирания некой рок-звезды, где ни остроты жизни, ни остроты смерти, ничего вообще нет, даже энтропии нет, сплошные режиссерские самовыражения, выглядящие по большей части шаблонами и самоповторами. Собственно, самовыражение обычно и приводит к такому результату - много раз повторенное выражение становится сначала мантрой, а потом общим местом. Собственно, "Последние дни" и оказались одним сплошным общим местом...

Так и выходит, что опять Триер оказался весь в белом и на коне, а остальные современные фильморобы с именами, репутациями и т.п. (не показали, правда, последнего, тоже каннского, Джармуша - да может это и к лучшему) - в других, не столь лучезарных местах. И как у него это получается? Наверно, потому, что не в Москве живет, молодчина.

Кстати, о Москве. В ней тоже не живет Евгений Юфит, потому что в другом месте размещается, в Петербурге. Его новый фильм поместили также во внеконкурс, в программу "Российская альтернатива". Его "Прямохождение" (сделано в сотрудничестве с Нидерландами) - очередной виток борьбы с теорией эволюции. Впрочем, к Юфиту автор этих строк испытывает не слишком сильную, но перманентную привязанность - возможно, потому, что во всем русском кино у него одного есть хоть какая-то эстетическая бескомпромиссность и лица необщее выраженье. Потому заложу-ка я прямо в текст отдельную рецензию на последний Юфильм.

Итак:

Эксперимент.

Основатель некрореализма, священное чудовище параллельного кино, Евгений Юфит продолжает борьбу с теорией эволюции. Началось это у него достаточно давно, на пленке запечатлелось в предыдущем фильме "Убитые молнией" (2002 г.), теперь вот настал черед "Прямохождения".

Есть три принципиальных момента, по которым этот фильм можно считать переломным для режиссера. Во-первых, здесь нет "некрореализма" как такового. Нет ни мертвой плоти, ни плоти истязаемой, нет и, соответственно, пристального всматривания в процессы умерщвления и разложения.

Вторая особенность в определенном смысле вытекает из первой: это - наличие четкого линейного сюжета, нормальной драматургии, с довольно пространными связными диалогами (что для молчаливейшего Юфита - настоящая революция). Фабула скрепляется, как и в "Убитых молнией", закадровым комментарием героини. На сей раз, правда, - не ученого-эволюциониста, а жены художника-анималиста, в свою очередь, озабоченного тайной своего происхождения.

И третье, самое невероятное: у героев появляется... рефлексия по поводу моральности происходящего (!)

Для Юфита все это - довольно рискованный эксперимент. Конечно, родовых черт некрореалистического стиля в "Прямохождении" достаточно. Это и зловещий полусумасшедший старик (прямиком из "Деревянной комнаты" 1995 года), и человекообразные субъекты с походкой питекантропов (жертвы и результаты некоего генетического эксперимента, последствия которого тяготят и главного

EATEN ALIVE

joe mensah

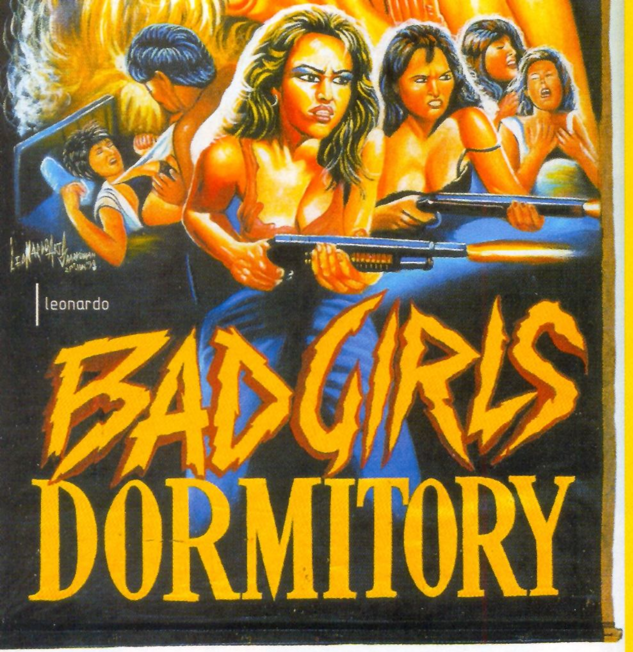
героя-художника), и шумные, работающие как бы сами по себе механизмы, и медлительное движение камеры "под Тарковского", и кладбищенская ирония реплик, персонажей и ситуаций. Но, при всем этом, совершенно очевидно тяготение режиссера к жанровому, внятному кино. Большую часть картины Юфит пытается нагнетать напряжение, устроить нечто вроде саспенса, отчего "Прямохождение" чем далее, тем больше напоминает малобюджетный черно-белый триллер. Впрочем, актерам здесь играть по-прежнему особо нечего - они нужны как маски в экранном анатомическом театре, на который столь падок бывший некрореалист.

Тем не менее, герой-художник совершает свой подвиг искупления, и, счастливый, подобно первобытному существу, мчится по чистому полю, на ходу избавляясь от одежды. Справедливость, как и положено, восстановлена. Сырое сумеречное некроподполье, через фундамент жанра, взошло коллизией вполне в духе русской классики.

Однако эксперимент Юфита продолжается. И не факт, что этот опыт над самим собой закончится для его автора хорошо.

///

Ну, а теперь, как ни пытался уклониться, придется перейти к ганьбе. То есть, к конкурсу. В соответствии с традициями ММКФ последних лет, конкурсов два - основной и "Перспективы". Что такое последние,

leonardo

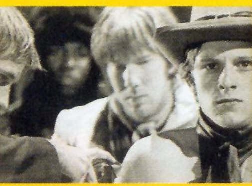

e.a.heavy jeaurs

зачем они нужны, кто их смотрит и кому оно надо - тайна тайн, секрет серкетов, халтура халтур. Перспектив там точно никаких нет и близко ни у кого.

В основном конкурсе было неофициальное, но ощущаемое разделение по принципу Восток-Запад, или, точнее, между старыми, солидными, уважаемыми кинематографиями, и региональными школами помоложе и повосточней (южней). Старым и солидным с большим удовольствием отдали призы кинокритики и зрители - заметьте, редкий случай, обычно эти две категории оценщиков ну совсем никак не дружат. Но на сей раз показалось, что они точно оказались по одну сторону баррикад. Так самый продвинутый приз - ФИПРЕССИ - дали шведской ленте "Гитара-монголоид" - дебюту молодого Рубена Остлунда, который, если судить по его биографии, первый фильм вообще не увидел в 17 лет. Картина странная, сделана в полудокументальном стиле. Целостного сюжета нет, он заменен цепочкой почти не связанных сцен, в которых действуют не вполне адекватные персонажи - чудаки, маргиналы, очумевшие от безделья подростки. Рядовые ситуации взрываются агрессией, а то и откровенным насилием, одичание в городских джунглях касается всех. Остлунд создает кошмар ежедневного существования в типичном североевропейском городишке с такой наигранной, полудетской непосредственностью. Главный герой и есть 12-летний неприкаянный пацан, который слоняется по городу со своей гитарой и наблюдает за жизнью таких же, как он, балбесов помоложе и постарше. И бомжи, и самовлюбленная успешная молодежь, и тупые юные гопники, и урлабаны постарше - все здесь приметны нефиг делать. Но у пацана кое-что получается - взять сотню пакетов из-под мусора, надуть их гелием и запустить. И летит в блеклом скандинавском небе огромное черное полотнище, приводя в изумление весь город. Значит, не так уж все плохо, и все эти мелкие двуногие твари, вероятно, таки будут прощены. В целом - похоже на "Собачью жару", уникальную фильму австрийского умного человека Ульриха фон Зайдля - он, кстати, был членом основного жюри.

Лучше б он не был. Не состоял. Не участвовал.

Такого рода фильмы - когда показывают без всяких затей обыденную жизнь, и в ней-то как раз и находят неисчерпаемые залежи абсурда, ужаса и систематического бреда - являлись настоящим украшением нынешней Москвы. Неведомо уж, кто там из отборщиков так постарался, но спасибо ему за это отдельное и огромное. В этом смысле не было равных "Хроникам обыкновенного безумия" Петра Зеленки, которого считают одним из наиболее одаренных чешских режиссеров последнего десятилетия. Здесь тоже полным-полно нелепых персонажей. И, хотя все вроде социально благополучны, в том, что касается семейных отношений, у каждого свой цирк. Главный герой никак не может забыть свою подружку и делает массу эксцентричных поступков - от попыток черной магии до катания по автобанам в электротележке; его начальник составляет реестр вещей,

которыми в него за годы супружеской жизни бросила жена; отец годами медитирует на пивные пузыри, мать добродушно сходит с ума и т.д. Фильм снят легко и ярко, но за этой легкостью - воистину невыносимой - вечная европейская горечь, что и оценило своим призом Жюри российской кинокритики.

Самым веселым фильмом конкурса, вне сомнений, надо признать итало-македоно-британский "Балканкан" Дарко Митревски (диплом российской кинокритики); надеюсь, мы его еще посмотрим. Веселье это густо-черного, можно сказать, блестяще антрацитового цвета, - по-балкански неотразимо и столь же мрачно. Начать уже хотя бы с того, что весь сюжет - это посмертная (ага!) исповедь умершего итальянца-раздолбая. В фильме действует множество по-славянски колоритных типов, постоянно попадающих в идиотские ситуации, в которых даже смерть выглядит клоунским трюком. Эффект уникальный - на экране стреляют и убивают друг друга пачками, а в зале стоит непрекращающийся хохот. Но ведь жуть нынешней балканской жизни только так и можно донести до далекого зрителя. Пугалками уже не получится, потому что все и без того уже напуганы до такой степени, что... хоть не пиши...

А вот и очарование зрителей - американский дебютант Арье Посин. Публику он сразу купил тем, что рожден от российских эмигрантов и прекрасно владеет русским языком. В Москву он привез ленту с вот таким названием:

"Чамскраббер".

Каков!

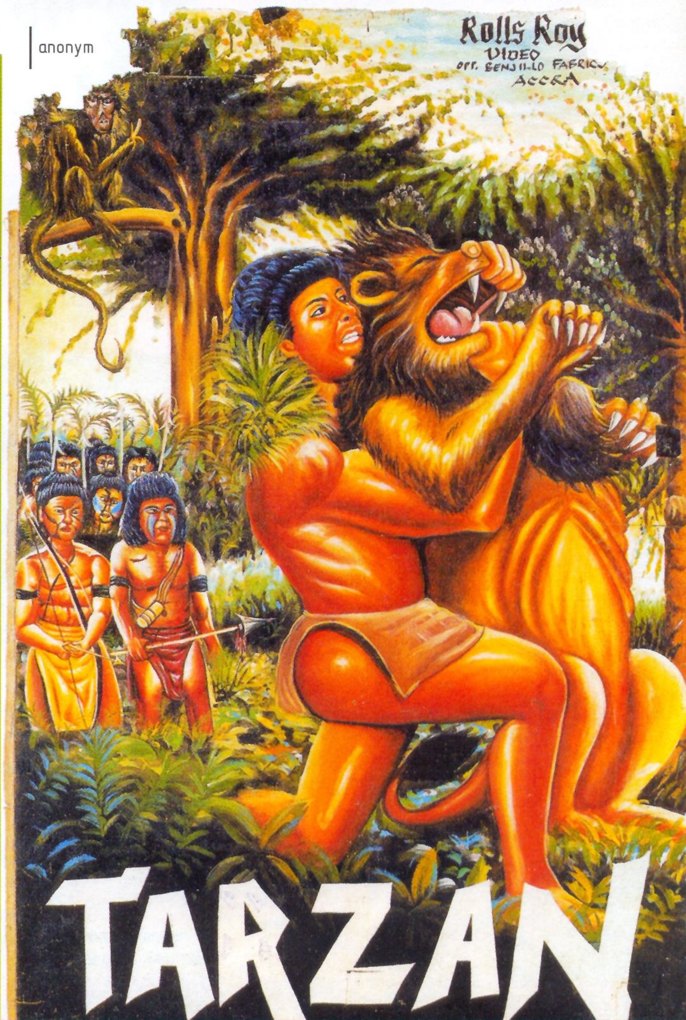
Это в принципе тот же "Балканкан-монголоид обыкновенного безумия". Только декорации поменяли - сделали одноэтажную Америку. Ну а какие демоны в ней водятся, еще Дэвид Линч показал. Посин звезднополосатых земляков тоже не жалует. Каждый ненавидит соседа, взрослым наплевать на детей, детям наплевать на жизнь и на смерть, потому и развлекаются соответственно -

death is wonder

anonym

торгуют дурью, вешаются и захватывают друг друга в заложники. Фильм не выдающийся, но выгодно отличается фирменным голливудским качеством; из Посина получится или отличный постановщик триллеров, или варщик накроманского клубно-психоделического кино. Зрители это учуяли и набросали баллов через рейтинговое голосование, в результате чего Посин увез с родины предков приз Федерации киноклубов России.
Собственно, эта шведо-чехо-балкано-американская четверка - как раз та часть конкурса, на которую не стыдно расходовать бумагу. Дальше уже - чисто москвальские радости, цену которым исчислить сложно - нет таких цифр, б...
"Вечная мерзлота" финна Аку Лоухимиеса. Герои фильма - типичные неудачники, пытающиеся свести концы с концами, порой прибегая к бессмысленному насилию. Через одного - пьянство, наркотики, конфликты с законом. Иногда даже смешно, но чаще - абсолютно, удушливо безвыходно. Старт злоключениям дает фальшивая купюра (фильм сделан по рассказу Льва Толстого "Фальшивый купон"), и далее число несчастий на каждую отдельно взятую голову нарастает лавинообразно - тишайшие финны, простые работяги или вовсе лузеры-безработные, оказываются способны на страсти-мордасти. Был бы Аку как Аки (Каурисмяки), да таланта не хвата. И связанного с тем юмора, философского отношения к материалу, ну и прочая, и прочая.
Как самого крутого нэпмана в конкурсе просто-таки весь фестиваль раскручивали Томаса Винтерберга с его "Дорогой Венди". Уже с самого начала было ясно, что обязательно что-нибудь получит. А як же, друг Ларса, сценарий "Венди" - Ларса, свое "Торжество" снимал тоже у Ларса. При этом, похоже, бедняга не понимает, что, в общем, и живет он как недорогое ходячее приложение к Ларсу. А если понимает, так ему же хуже, и тогда его вообще жаль - ему тогда каждый божий день небо в овчинку должно казаться; ну только вообразить себе - каково с таким осознанием жить? Но, судя по тому, что он говорит в своих интервью - ничего он не понимает, плейбой социалистический. Ну и буй с ним.
Триер написал очередной "Догвилль" - имеем опять убогий шахтерский городок. Опять городская площадь, нарисованная на полу павильона, здания возведены как явные декорации. Действует среди всего этого группа молодых людей, такая себе коллективная Грейс, обремененная общими идеалами. Идеалы странноватые - любовь к оружию. Не оружие как самосовершенствование - тогда хоть на какое-то местечковое самурайство бы выгребли - а просто не наигравшиеся в пистолетики детки. Естественно, заканчивается все очень-очень плохо, под грохот выстрелов хор ревет пафосное "Глори, глори, халлилуйя!" и хочется сразу же бежать бить стекла и морды в

anonym

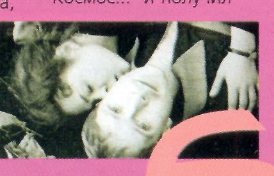

американском консульстве. Но переживаний никаких. Все безобразия из-за того, что несколько молодых бездельников решили коллекционировать пистолеты, и бездельникам этим, никогда до того в руках оружия не державшим, оказывается очень просто выстрелить в живого человека. У Триера герои гибнут не просто так, а по очень серьезным и разрушительным причинам, а здесь - детсад какой-то. Шел бы ты, Винтерберг, в песочницу. Продолжать подробный разбор других фуфлыжников нет особых сил. "Левой, левой, левой!" (Иран, реж. Казем Маасуми) - окопная азиатская правда. Знаменитой поэтики персидского кино - ноль. Ни операторских радостей, ни актерских, ни сценарных, никаких. Общий уровень - студенческая работа, этюд про войну, профинансированный до полного метра. "Украденные глаза" (Болгария, реж. Радослав Спасов) - политическая лирика о страданиях влюбленных под гнетом коммунизма. Попытки шутить на тему обрезания, различия в национальных традициях, ха-ха-ха, как смешно. Фильм от России...

А вот с этого места подробнее.

Итак, от хозяев в конкурсе был "Космос как предчувствие" Алексея Учителя. Учитель, бывший документалист, из года в год, с редкостным упорством доказывает, что он - режиссер-игровик, более того, что он - модный, актуальный и востребованный режиссер-игровик, снимая фильм за фильмом в самых разных манерах, по самым разным сценариям. Русскую литературную эмиграцию в "Дневнике его жены" он уже отобразил, с молодежью и прыгающей камерой в "Прогулке" поиграл. Теперь вот пришло время тоже очень модной темы - советского прошлого. Конец 1950-х, спутник, "голоса", Хрущев, Юрий Гагарин и прочее, в нынешней России, очевидно, любимое. Одним словом, четко в ряду других ретроградных киноупражнений на тему "какую страну потеряли!" И стадионы белые, и стяги алые, и советские люди прекрасные, и Гагарин с развязанными шнурками в плацкартном вагоне несет пирожки. Ура, товарищи! Но шутки и лишний смех неуместны, все очень серьезно, потому как тот, кто хочет смыться в Америку, будет смыт набежавшею волной, а тот, кто Родину любит (в исполнении Евгения Миронова, не всегда способного играть плохо) - карьеру дипломата сделает. И кто кого любит, и кто зачем живет, и сколько раз уже такое кино снято - не суть важно, главное, держать нос по ветру. А ветер нынче треплет стяги, и умным людям надо от него не щитами закрываться, а строить мельницы. Вот Учитель и строит очередную мельницу, точнее, спекуляцию, вторичную от первого до последнего кадра, как и все спекуляции. Завтра, быть может, он сделает что-нибудь про борьбу с антинародным режимом - и можно быть уверенным, что актеров (к их несчастью) найдет классных, и название будет столь же глупое и претенциозное, и пиар-кампанию в СМИ организуют не хуже.

В любом случае, нет смысла тянуть Путина за фалды, и так уже известно: именно "Космос..." и получил

"Золотого Георгия" как лучший фильм. Обсуждать решения жюри - последнее дело, но, все же, есть любопытная деталь. Так вот, поговаривают, что члены жюри - режиссеры Ульрих фон Зайдль (Австрия) и Клер Дени (Франция) - были обеими руками за "Космос..." Их голоса, вероятно, стали решающими. Зайдль - талантище, Дени - настоящий мастер. Это надо переварить. Ведь и Зайдль, и Дени - как и положено западным интеллектуалам, являются левыми радикалами; тот же Зайдль, к примеру, после поездки по Украине - представьте себе, заглядывал он к нам инкогнито и совсем недавно, и даже заскочил в Днепропетровск, удивительно, как только редакцию НАШего миновал; так вот, Днепропетровск он очень нахваливал, поскольку тот менее буржуазный и западный, чем Москва. Одним словом, логика мышления - не эстетическая, не художественная, а политическая, идеологическая. Москвальская логика. Потому и лучшая мужская роль - Хамид Фаренджад из "Левой, левой, левой!" производства главного нынешнего врага Америки, Ирана; лучшая режиссура - Винтерберг (буквальный истребитель янки), женская роль - братьям-болгарам, Весела Казакова из "Украденных глаз", спецприз жюри - экранизатору Толстого, Лоухимиесу, за "Вечную мерзлоту". А на вершине, вполне логично, и должен был оказаться фильм а) российский, б) патриотический, в) эмиграцию в США осуждающий.

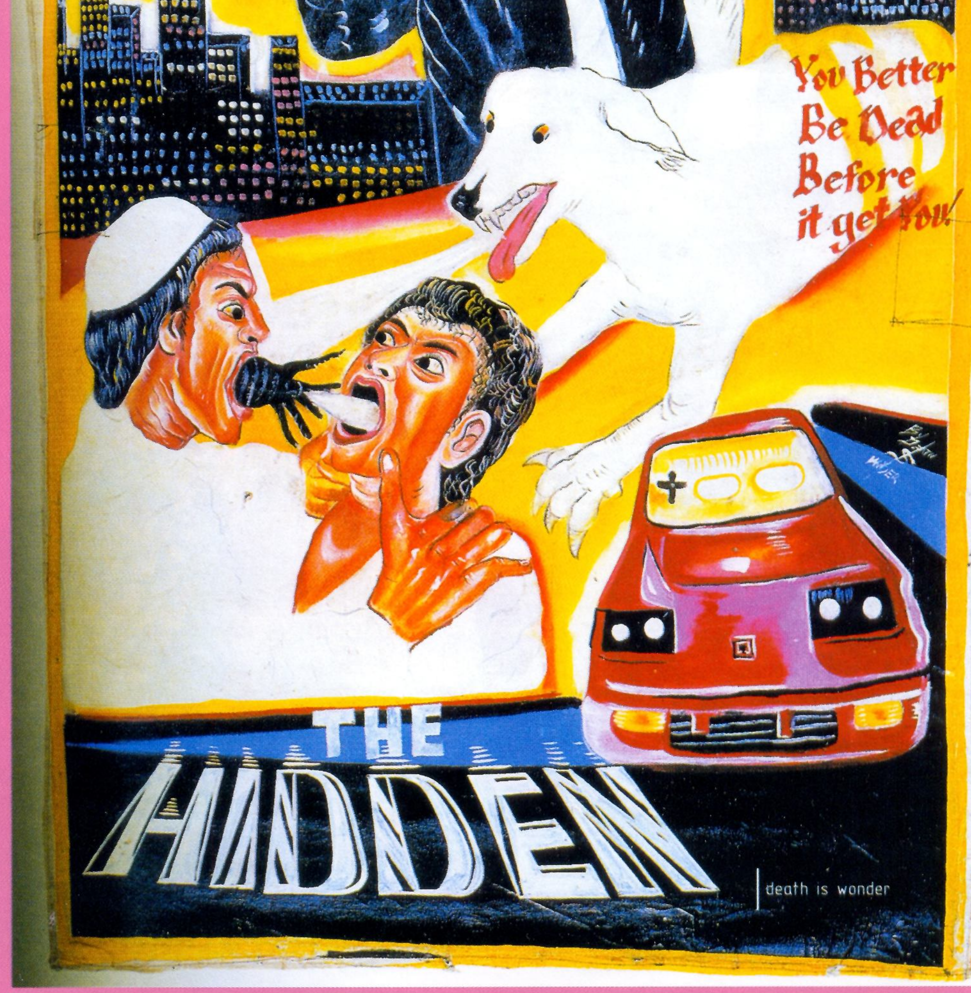
И как мы в пресс-центре услышали про это решение, так все и взревели дружно "Ганьба!!!"

Тенденция, однако, старинная: Московский кинофестиваль вновь, как и в незапамятные времена, становится мероприятием идеологическим, партийным, только раньше лизал коммуняк, теперь - патриотов путинских. История повторяется действительно в виде фарса, только с чувством юмора у актеров и режиссеров спектакля по-прежнему плохо.

И будет плохо еще очень долго. Ближайшие лет 10 точно. Пока не разбегутся они там в разные стороны, и не станет Москва тем чем была всегда - большой деревней.

Вот тогда и повеселимся. По-настоящему.

Дмитрий Десятерик

death is wonder

6 7 4

фото варя олефиренко, или рома дорошенко, или инна хасилева? склероз, извините...

приведены работы из альбома "Extreme canvas. Hand-painted Movie Posters from Ghana, by Ernie Wolfe III", а также черно-белые кадры из представленных на фестивале фильмов, подписывать которые нет никакого желания

ПИСЬМО ЧУЖОМУ ПАПЕ

Дорогой Брайан! Я бы сделала все, чтобы не встречаться с тобой еще раз, но узнав, что Зу-Зу уже держит в сумочке билет на самолетное место у окошка с видом на ночную Европу, решила попробовать еще раз.

Дорогой Брайан! Я прекрасно знала, что пятого октября, как обычно, ты будешь раздавать автографы во сне - и ничего не случится, если в июне я не буду рассматривать твои новые колготки, дрожать над твоей коллекцией военных шапочек и управлять тобой на расстоянии: "Стань на колени! Ползи! Ползи, жирная свинья!" - я прекрасно знала, что ты меня слышишь, но никуда не поползешь. Но Зу-Зу размахивает билетом, и у меня возникает ощущение недосказанности.

Дорогой Брайан! Еще хочу сказать тебе в этом письме о том, что Паранойда продуло в поезде, на который он так и не попал - он отчетливо увидел поезд, ощутил потоки ледяного воздуха под кожей и понял, что города П. не существует больше, а стало быть, и поехать туда он не сможет. Он ужасно проницателен. А я люблю наблюдать за горящей мебелью, она крайне уморительно ведет себя при нагревании.

Все оказалось именно тем, чего я и ожидала. А когда я приехала домой, обнаружила, что перед твоим московским портретом на холодильнике (никакого грима, грустные карие глаза с веночками морщин, острый подбородок и немытые февральские волосы) оставшийся дома и вне концерта Максим расставил кучу статуэток, мягких персонажей South Park, шоколадных мексиканцев и плюшевых набивных утят: "Они все пришли на концерт Мэрилина Мэнсона". Я завидую вам, милые зверюшки - так близко эти тонкие улыбчивые губы, и на вид лет двадцать пять. Покрывайтесь на здоровье мягкой пылью, я не буду убирать прах с холодильника.

Переходя к повествовательной части, хочу в первую очередь объяснить, чем для меня являлась эта голливудская страшилка. ММ были первой группой, вернувшей меня в реальный мир: до них (то есть лет до 17) я исправно слушала исключительно музыку 60х-70х, будучи гордо уверена в том, что к нашему славному 97-му вся музыка уже закончилась. Ну, были, конечно, всякие Oasis, Pulp, Radiohead и Kula Shaker (образцовая английская школа с про-британскими замашками, где всякий, не

слушавший в 95-97 году бритпоп, считался закоренелым идиотом и с ним не водились) - но это все равно было не то. А потом моя мама, поклонница Дэвида Линча, купила саундтрэк к "Затерянному Хайвэю", а там - бабах! - караул, кошмар, озарение, Мэнсон поет "Я тебя заколдовал". Тут-то меня и проняло: ставлю эту песню для А. по телефону и кричу: "А-я-думала-что-на-лед-зеппелин-все-это-закончилось!".

Потом: сижу ночью в общежитии, соседки спят (обе потом вышли замуж за мальчиков по фамилии Жуков, кстати), я пишу статью про Кейта Муна (именно), и тут по радио - Sweet dreams are made of what? Мэнсон пел чужие песни так, как будто понимает, что музыка не имеет никакого отношения ни к тому, кто ее написал, ни к тому, кто поет ее - он буквально выползал из себя скользким трупиком, помогая этим песням родиться заново (и заживо). В нем было столько этой настоящести (которая не real, a realest), что альбома "Механические зверьки" я ждала все лето: ну скорей бы, ага, скорей бы. Ринго Старр приезжал, Роллинг Стоунз жгут стадионы и мосты, а я ожидаю "Механических Зверей".
Осень, пираты, кассеты: до сих пор помню все ощущения, возникающие при первом прослушивании каждой песни. Помню, подумала о том, что тоненький бледный тип с обложки диска - не менее значительный рок-н-ролльный персонаж, чем Зигги С., Томми У., Сержант П., Иисус Х. и Кейт М. Пока все остальные называли Мэнсона каким-то антихристом и журналистски клеймили его глупыми готическими штампиками, относя его творчество то к ню-металу, то к индастриелу (тоже мне, новый Койл нашли), у нас была другая игра: мы понимали, что именно ММ достойнейшим образом завершил всю историю рок-музыки, и радовались тайным знакам и доказательствам - тут цитата из "Битлз" (now my monkey's dead), а вот - "ла-ла-ла" одновременно из Jean Genie от Дэвида и Passenger от Игги, а тут вот - Уорхол, а тут - The Stooges, здесь - цитаты из Black Sabbath, а вот Дэйв Мэтьюс на своем калифорнийском концерте вдруг играет блюзовый рифф и начинает тонким фальцетом петь: "Prick your finger it is done, the moon has now eclipsed the sun и далее do the time has come for bitter things" (зачем это понадобилось Мэтьюсу, кстати - неизвестно).

Чудесные вещи происходили, честное слово. Помимо того, что Мэнсон всем этим своим идиотским поведением, смешным максимализмом и сплошь надерганной из цитат музыкой в самом деле являлся чудесным надгробным памятником рок-н-роллу, в нем была еще такая вот неуловимая потусторонность, от которой волоски на шее дыбом. А если нет на шее волосков - пробиваются сквозь хрустящую корочку льда. Он был очень неуверенный в себе, крикливый, тонкий и мистический: красота!

Одно время меня так бесило то, что это смешное и карнавальное существо прикарманили глупые готы (однажды две польские девочки-сатанистки даже сварили и съели Библию в честь Мэрилина) и метальствующие мародеры ("Нууу, это, конечно, не тру метал, - брезгливо говорили журналисты "Легиона" после концерта в 2001. - Но само шоу неплохое, ага"), что я даже написала статью в "Музгазету" - о мифах и легендах, связанных с Мэрилином Мэнсоном. Детская статья, наивная и с кучей смешных ошибок, зато страшно добрая: словно у тебя на руках сидят толпы птенцов и Мэнсон - один из них, самый золотистый.

А потом еще и концерт в "Москве", в 2001-м. Его перенесли на день вперед, поэтому мы с А. ночевали в какой-то канаве (мы не догадались переночевать у Янука, потому что еще не подозревали, что являемся друзьями - ведь мы никогда не виделись) и курили суровые голландские трубы на заднем дворе Олимпийского Музеума (за два дня до концерта я вернулась из Голландии). Зато на концерте Мэнсон широко плевался, целовал в ушко гитариста Джонни и обнимал Твигги. И еще на него чуть не упал прожектор - еле удержали. А на нас упал обломок клавиш Мадонны W.G.. В общем, мы радовались, как первоклассницы на первом в жизни дефиле. И зачем через четыре года мне понадобилось смотреть на торжественное закрытие этого проекта - понятия не имею!

Через некоторое время на почве Мэнсона и сладких призраков несчастной любви мы познакомились с Паранойдом: поболтали полчаса в аське, выслали зачем-то друг другу свои фотографии и помчались смотреть друг на друга вживую.

Паранойд при виде меня гадким голосом захихикал: он тогда всегда хихикал, когда видел девочек с ростом ниже 1.75. Я тоже захихикала, потому что он был ужасно похож на Мэнсона, зато фатально выше его в полтора раза. Потом мы пили молочный коктейль из пластиковых стаканчиков, и Паранойд рассказывал мне о замечательной статье в "Музгазете", которую он хранил у сердца и перечитывал на ночь каждый день. Я чуть не подавилась коктейлем и гордо пробулькала в стаканчик "Это я ее написала", хотя уже тогда мне было омерзительно стыдно за некоторые тексты. Через полгода Паранойд переоденется Мэнсоном на корпоративной новогодней вечеринке: у меня весь вечер будет идиотское ощущение, что это - действительно Мэнсон. Он даже избил

пьяного Деда Мороза, отобрал у него микрофон и пел под гитару "Coma White" вместо "Маленькой елочке холодно зимой" - а ведь песня "Coma White" именно об этом - о том, как маленькой елочке холодно зимой, и из жалости ее срубили нах и взяли бля домой, и никакие наркотики ее от себя не спасут!).

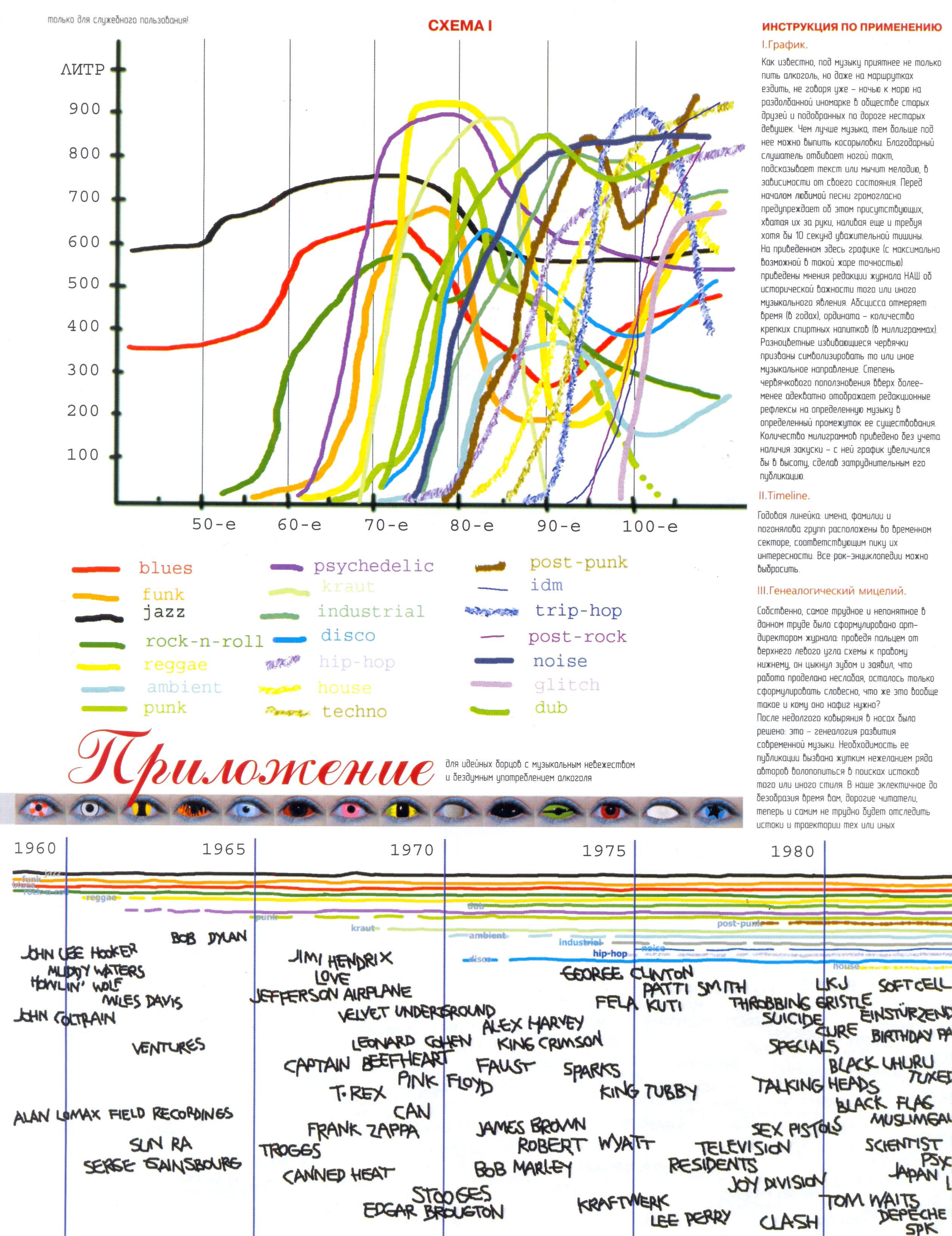
6716

Еще позже, в Ночь Самой Элегантной Победы (9 сентября 2001), мы с Нойдом сделали форум на портале tut.by (он единственный не был заблокирован, остальные зарубило КГБ) "Мэрилин Мэнсон - наш президент!", и там познакомились с Януком и еще кучей всякого народу. Янук тогда как раз собирался жениться на моей лучшей подруге - они общались в аське и она спросила его: "Янук, а ты пьешь водку?". "Знаешь такого музыканта - Мэрилина Мэнсона?" - грустно спросил Янук. "Ага, типа I don't like vodka, but the vodka likes me" - еще более грустно ответила она, а потом он пообещал на ней

>>>>см.стр.6719

Приложение

для идейных борцов с музыкальным невежеством и бездумным употреблением алкоголя

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

I.График.

Как известно, под музыку приятнее не только пить алкоголь, но даже на маршрутках ездить, не говоря уже – ночью к морю на раздолбанной иномарке в обществе старых друзей и подобранных по дороге нестарых девушек. Чем лучше музыка, тем больше под нее можно выпить косорыловки. Благодарный слушатель отбивает ногой такт, подсказывает текст или мычит мелодию, в зависимости от своего состояния. Перед началом любимой песни громогласно предупреждает об этом присутствующих, хватая их за руки, наливая еще и требуя хотя бы 10 секунд уважительной тишины. На приведенном здесь графике (с максимально возможной в такой жаре точностью) приведены мнения редакции журнала НАШ об исторической важности того или иного музыкального явления. Абсцисса отмеряет время (в годах), ордината – количество крепких спиртных напитков (в миллиграммах). Разноцветные извивающиеся червячки призваны символизировать то или иное музыкальное направление. Степень червячкового поползновения вверх более-менее адекватно отображает редакционные рефлексы на определенную музыку в определенный промежуток ее существования. Количество милиграммов приведено без учета наличия закуски – с ней график увеличился бы в высоту, сделав затруднительным его публикацию.

II.Timeline.

Годовая линейка: имена, фамилии и погонялова групп расположены во временном секторе, соответствующим пику их интересности. Все рок-энциклопедии можно выбросить.

III.Генеалогический мицелий.

Собственно, самое трудное и непонятное в данном труде было сформулировано арт-директором журнала: проведя пальцем от верхнего левого угла схемы к правому нижнему, он цыкнул зубом и заявил, что работа проделана неслабая, осталось только сформулировать словесно, что же это вообще такое и кому оно нафиг нужно?
После недолгого ковыряния в носах было решено: это – генеалогия развития современной музыки. Необходимость ее публикации вызвана жутким нежеланием ряда авторов волопопиться в поисках истоков того или иного стиля. В наше эклектичное до безобразия время вам, дорогие читатели, теперь и самим не трудно будет отследить истоки и траектории тех или иных

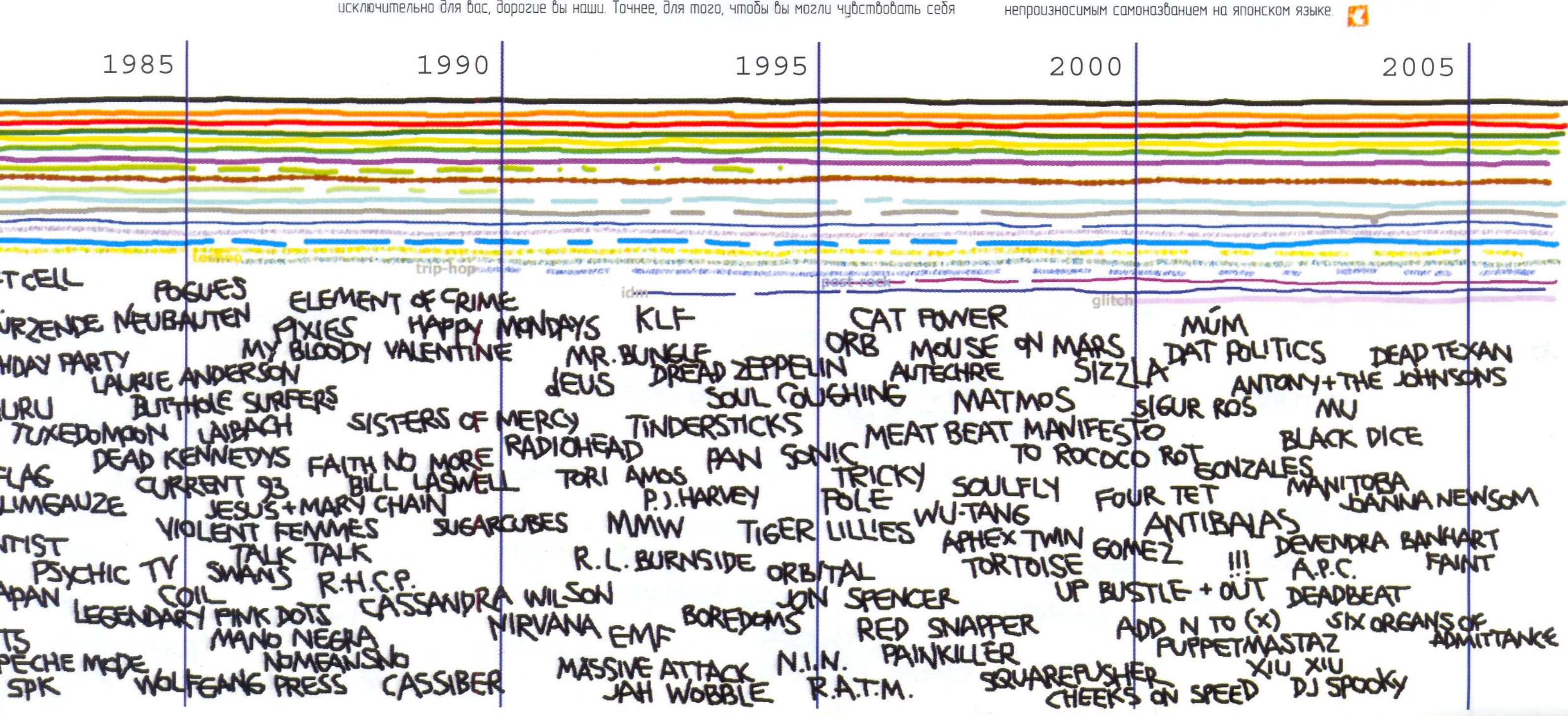
СХЕМА III

FOLK
BLUES
JAZZ
ROCK-N-ROLL
MINIMALISM
ELECTROACOUSTIC
CONCRETE
1960
SOUL
CHANSON
COLLAGE
ROCKSTEADY
FUNK
SKA
PSYCHEDELIC
ECLECTIC
REGGAE
TOAST
ART-ROCK
KRAUT
1970
GARAGE ROCK
GLAM
DUB
AFROBEAT
DISCO
INDUSTRIAL
HARD ROCK
ROCKABILLY
SPOKEN WORD
NOISE
OLD SKOOL HIP-HOP
PUNK
AMBIENT
FREE JAZZ
SYNTH-POP
POST-PUNK
JAPANOISE
1980
HEAVY METAL
ELECTRO
HIP-HOP
GOTHIC
DARK FOLK
TECHNO
HOUSE
EBM
ETHNO-PUNK
ACID-JAZZ
PSYCHOBILLY
DETROIT TECHNO
WHITE NOISE
WORLD FUSION
RAP
THRASH METAL
ACID HOUSE
DRONE
DANCEHALL
DOOM
DEATH METAL
TRIP-HOP
GRINDCORE
BLACK METAL
POST-INDUSTRIAL
1990
GRUNGE
ELECTROPOP
IDM
BERLIN TECHNO
HARSH-NOISE
GANGSTA
JUNGLE
BRIT-POP
URBAN DUB
GLITCH
ILLBIENT
DRUM-N-BASS
DRILL-N-BASS
POST-ROCK
ELECTROCLASH
CLICKZ+CUTZ
DUB-TECH
2000
ABSTRACT HIP-HOP
MUTANT DISCO
NO WAVE
MICROHOUSE
TECH-HOUSE

ELECTRIC
NOIZE
ROCK
PUNK
WORLD
JAZZ

музыкальных событий и явлений – на пересечениях жанровых линий вы смело можете вписать гелевой ручкой (или тонким перманентным маркером) имена музыкантов или названия коллективов, сделавших возможным смешение различных стилей. У работников журнала на это не осталось ни времени, ни желания. Более того, половина современных горлопанов, которым вздумалось вдруг объять необъятное, была сквозь зубы предана анафеме. Короче, вся эта визуализация вымучена исключительно для вас, дорогие вы наши. Точнее, для того, чтобы вы могли чувствовать себя более-менее уверенными в этом бушующем море стилей, жанров, направлений и прочей пакости, которую придумывают журналисты для оправдания собственного индульгирования – нужно же чем-то подкреплять гонорары? Нужно же как-то доказать миру собственную нужность?

Сил не осталось. Прощайте. Всегда ваша – группа антижурналистов-визуалов с непроизносимым самоназванием на японском языке.

см.стр.6716>>>> жениться. Наше же с ним общение началось с фразы "Я лежу под столом", а что было дальше - того никто не помнит. Малиновые пироги юности нашей давно уж съедены, никто ни на ком никогда не женился (если, конечно, речь не идет о Жуковых).

Потом у Мэнсона началась долгая счастливая жизнь, и он наконец-то перестал соответствовать нашим юношеским представлениям о прекрасном. Альбом "Золотой Век Кротеска" оказался таким пустым, что я, слушая его, по дороге забрела в Макдональдс, купила там гамбургер в коричневом пакете с изображением Рональда, выкинула его в урну, а сам пакет сложила квадратиком и засунула в диск вместо обложки: вот, теперь все похоже, думала я, загребая кроссовками землю и зевая. Диск тронул меня только один раз - когда я шла через двор, слушая "Use your fist and not your mouth", и как раз в этот момент один мужик бил другого ножом в живот, а вокруг них с криком бегала седая собака колли. Мужик, которого били ножом, мгновенно стал такого же цвета, как серебристо-седая шерсть собаки, и мне вдруг показалось, что за поворотом умрет еще кто-нибудь; так оно и случилось.

Однако, эта грустная тема так и не была завершена: выходом из комнаты и финальным поворотом ненужного уже ключа оказался недавний концерт в "Олимпийском", где Брайан демонстрировал флэшбэки и нарезки из лучших, по его мнению, моментов нашей (но не его) прошлой жизни.

"Верка Сердючка", - прошептала я унылому Шурику, когда заносчивый тип за портьерой, размахивающий масляным фонарем и скрипуче декламирующий стихи Эдгара По, вдруг оказался томной дамой в рюшистом боа (скрывающем увесистый животик), черной юбочке (которую он иногда приподнимал, демонстрируя сочные бедра) и каком-то подобии рукавчиков, из которых рвались расплывшиеся татуировки. Почему-то я не знала, что Мэнсон стал толстеньким - видимо, его новый стилист как-то хитро задрапировывал его на свежих фотографиях. На сцене же была заметна даже одиозная мясная складочка возле шеи - когда он задирал голову. Новых музыкантов в ушко он не целовал - и правильно. Потому что они, кажется, играли под минусовку. Точно так же играла и достопочтенная Мадонна, стучащая кулаками по раскачивающемуся на шибенице трупику группы ММ нашей светлой памяти - однако Мадонне простительно, она у нас девушка материальная. Брайан же методично и красиво отрабатывал полученные за концерт деньги - это было похоже на то, как будто он показывает всем какие-то слайды со сценками из прошлого: "А вот та самая сцена с ходульками...", "А это - знаменитая кафедра Антихриста, помните?", "А вот я в образе Наполеона", "А вот я сейчас скажу про Россию мазафакин фак фак мазафакин", "А это мы с Дитой ездили в кафе "Грильяж" и ели там итальянскую пасту с креветицами", "А тут мы с Дитой бреем коврик в прихожей", "Простите, это не та фотография. Я хотел показать другую. Вот, где-то под эту песню я катался по комнате верхом на СВИНЬЕ...".

Краткая демонстрация истории группы ММ длилась чуть больше часа. Человек, за два года не сочинивший ни одной новой песни, радовал старыми - правда, теми, которые больше всего попадают под разгульный MTV-формат. Ничего личного - девиз финальных шоу господина Мэнсона (мы искренне надеемся, что финальных) - никаких вам Coma White, никаких ангелов. А оформление песни "Golden Age Of Grotesque" с псевдогротескным контрабасом и саксом - худшее, что я видела в жизни. Дешево, очень дешево. Когда Брайан вострубил в саксофон что-то нелепое, я поняла, что ничто и никогда не сравнится с маленькой дудочкой, на

которой он играл тихие и грустные мелодии в 2001-м. Что-то трогательное проскользнуло только во время исполнения Sweet Dreams - правда, я половину песни мысленно умоляла Мэнсона упасть на колени или вообще свалиться со сцены, так отвратительно он отклячивал свою толстую задницу.

Если рассматривать это шоу как торжественное закрытие проекта Marylin Manson, то оно, безусловно, получилось безупречным. Мэнсон - умный дядька. Скорее всего, он прекратит заниматься музыкой вовсе, либо догадается распустить группу и заняться совершенно другими звуковыми экспериментами. Потому что с ММ все закончилось - и этот концерт он совершенно осознанно презентовал не только как подведение итогов, но и как вычурный и ненужный эпилог: в духе "я делал вот так и вот так, я вас и теперь, кажется, круто завожу, но я уже не здесь". Все в порядке, милый Брайан - мы тоже очень давно уже не здесь. Но, видимо, посчитали своим долгом заплатить 50 баксов за просмотр выноса тела. Красивого, довольно-таки достойно украшенного, пусть и немного разбухшего - все шрамики пересчитали на ночь еще раз, полюбовались на малолетних готов перед "Олимпийским", оценили работу светового чортика, в некоторых местах даже вздрогнули. Все в порядке, можете запечатывать. Спокойной ночи, милый Брайан, встретимся пятого октября.

Таня Замировская

фото степанчик from donetsk <maugli@front.ru>

фото djorrj<ftodjo@ua.fm>

фото лена бирюкова<Lenka255@ua.fm>

фото александр кадников-таврический<kodak67@mail.ru>

Факт 1. Невероятные совпадения.
Незадолго до высадки десанта союзников в Нормандии в 1944 году в английской "Дейли телеграф" был опубликован кроссворд, ответами на который были глубоко зашифрованные коды ключевой в ходе Второй мировой войны секретной операции - вплоть до её названия "Overload". Вся английская разведка в поисках немецкого супершпиона нагрянула в газету. Выяснилось, что кроссворд составлял невинный школьный учитель, который пробавлялся этим уже 20 лет. ("Анналы всех разведок мира", часть 2, издание дополненное, 1978).

Факт 2. Глобальное потепление.
По статистике Всемирной организации здравоохранения, во время недавнего всплеска экстремальной жары в Европе погибло 25,5 тысяч человек (15 тысяч - во Франции. На туманно-дождливую Англию пришлось более 2 тысяч жертв). За последние 100 лет средняя температура на планете выросла на 0,6 градуса. Последние 20 лет оказались рекордными - скорость нарастания температуры увеличилась в три раза. Её повышение на два градуса приведёт к массовому вымиранию видов. Для глобальной экологии это значит больше, чем изменения за последние 10.000 лет. (Данные Межправительственной группы по изменению климата).

Факт 3. Вязание в тамбуре.
Едва ли найдется рукодельница, не знакомая с крючком. Вся прелесть этого вида работ заключается в том, что единственный инструмент для вязания крючком - сам крючок. В старину крючок назывался "тамбуром", и само вязание крючком в книгах начала двадцатого века называют тамбурным, или вязанием в тамбуре (Книга "Популярно о вязании", 1966).

Теперь, когда голова стала умнее на три энциклопедических факта, будет легче. Связываем эти факты воедино и получаем феномен творчества Патриции Уоллер (Patricia Waller). ЦРУшники-диссиденты склоняются к тому, что сегодня уже нельзя считать случайностью выбор художницей материала и техники исполнения работ (Патриция ВЯЖЕТ свои скульптуры КРЮЧКОМ из шерсти и волокна). Сторонники интуитивистского подхода склоняются к тому, что её творчество

Рис. 1

Рис. 2

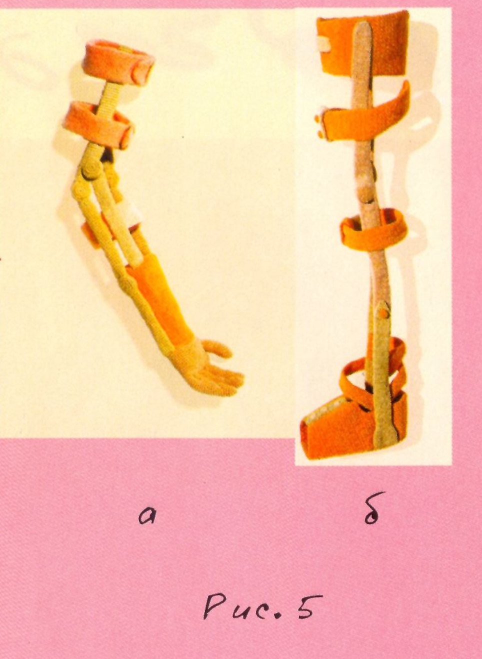
Рис. 3

Вязание в тамбуре

Рис. 3

также искала возможность создать некую разновидность "женской скульптуры". Кроме того, я хотела быть независимой от машин и электропитания (*Агааа!!! - авт.*). Я могу вязать в тамбуре везде - в поездах, в парках, или у себя в студии.
В моих предыдущих работах я часто использовала гипс, который потом разрисовывала, но меня не устраивало то, что я пренебрегаю фактурой изначального материала, целиком полагаясь на последующую окраску. Шерсть сочетает в себе особенности как краски, так и материала - это как раз то, что мне нравится. К тому же, шерсть доступна во всех цветах и качествах.
- Твоя бабушка вязала? Если да - то что? Свитера, носки?
П: Я не знаю, вязала ли моя бабушка. Когда я была ребенком, я ненавидела все виды шитья, вязания и вообще рукоделия, я находила их очень шаблонными.
- Что говорят старики, когда видят твои объекты?
П: Старые люди, особенно женщины, восхищаются объектами, частично потому, что видят, как много труда и усилий вложено в их изготовление. Все мои объекты сделаны вручную.
- Нравятся ли твои убитые и окровавленные игрушки детям (*killed and bloody toys в оригинале - правда, звучит лучше?*) Расскажи какую-нибудь историю о детях и твоих игрушках (я знаю, что неправильно называть текстильные скульптуры игрушками, но если смотреть глазами детей...)
П: Несколько лет назад на Художественной ярмарке во Франкфурте маленькая девочка начала плакать, когда увидела окровавленные игрушки. Ее родителям пришлось сильно постараться, чтобы её успокоить, и я себя чувствовала очень плохо, потому что я не собиралась шокировать маленьких детей.

а б

Рис. 5

очевидно подпитывается бессознательным предчувствием катастрофы - глобального потепления (отсюда и мотивы окровавленных частей тела, например, акула, жрущая человеческую ногу). Прагматики, послушав ЦРУшников, интуитивистов и климатологов, упрекают Патрицию в плохо скрываемой расчётливости - мол, учится вязать тёплые вещи уже сегодня, и когда на Земле не останется ни удобств, ни машин, а сплошные ледники и ядерная зима, тут-то все и побегут к Патриции-умелые ручки. А это всё будет очень скоро - как только от жары вымрет еда и высохнет питьё и начнётся война за мировые остатки. Сама Патриция ничего о тайных исследованиях её творчества не знает и на каверзные вопросы отвечает просто и доходчиво. Пай-девочка.

- Есть ли у тебя собака или другое домашнее животное?
П: Нет, я ненавижу собак, и я люблю животных, только когда они связаны крючком.
- Почему ты выбрала в качестве материала для скульптур текстиль?
П: В течение последних семестров в Академии Изобразительных Искусств я искала материалы, ещё не устоявшиеся (*устаканенные - авт.*) в искусстве, материалы, отличные от дерева, гипса или металла. Я

Рис. 4

Рис. 6

Рис. 9

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 10

Рис. 11

- Были ли у тебя коммерческие заказы?
П: Нет, но однажды я делала шляпки и дамские сумочки для небольшого модного лейбла; это было развлечение.
- Где ты родилась?
П: Я родилась в Южной Америке, в Сантьяго-де-Чили. Но жила там только первые 6 лет моей жизни. Сейчас живу на юге Германии, в городе Карлсруе, но часто бываю в Берлине - тут у меня галерея "Deschler Berlin" в районе Митте.
- Как выглядит твой персональный Рай?
П: Солнечный, с пляжем, много пряжи, и есть время для работы. Это место, где люди живут вместе в мире и гармонии.
- Как выглядит твой персональный Ад?
П: Там дождливо и холодно, нет пряжи и нет никаких идей для моей работы. Это место, где люди не уважают друг

друга.
- Видела ли ты в своей жизни какое-нибудь чудо?
П: Нет, но в определенном смысле вся моя жизнь - это чудо.
- В какого бога ты веришь?
П: Я верю в любовь.
- Как ты защищаешь свои вязаные скульптуры от моли?
П: Я использую что-то вроде средства от моли, когда я долго храню работы. Но большинство моих работ сделано из синтетического волокна, так что им не нужна защита.

Вопрос про моль был последним и НЕ СЛУЧАЙНЫМ. Ведь моль-то после глобальной катастрофы вымрет в числе первых 500 видов! И в результате интервью осталось странное чувство незавершённой миссии и недоразгаданного кроссворда. Вспомнился фильм, в котором была такая сцена: в больничной палате, в реанимации лежит человек, на грани клинической смерти. Чтобы его спасти, подруга человека обращается к какой-то экзорцистке, и та даёт ей клубок пряжи, которую надо наматывать, сидя рядом с больным. Это не даёт ему уйти.

Елена Афанасьева
<totem@public.kherson.ua>

П.С. Серия "Eat Art" (искусство еды? еда-искусство?), связанная в 1999 году, сегодня практически неотличима от коммерческого продукта: почти такими же объектами украшены витрины города Берлина, где находится галерея Патриции – но, конечно же, это СОВЕРШЕННО случайное совпадение.

Рис. 12

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 13

Рис. 14

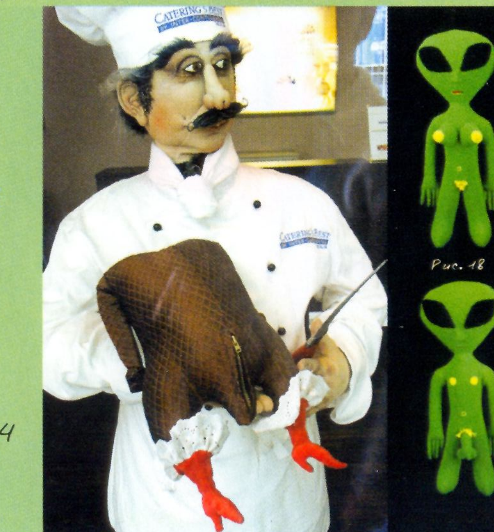

Рис. 18

европа,
блин
фото:макс афанасьев & елена афанасьева
<totem@public.kherson.ua>
VOLKER MÄRZ

6726

скульптура:volker märz

фото:макс афанасьев & елена афанасьева
<totem@public.kherson.ua>

В первые годы существования «НАШего», редакции часто доводилось выслушивать мнения многочисленных досужих экспертов. Одно из самых распространенных: чуваки типа обсмотрелись-обчитались «Птюча» да «ОМа» и решили свой журнальчик затеять. Как-то не хотелось тогда вступать в полемику и объяснять, что оба вышеназванных издания появились уже тогда, когда все моральные и эстетические ценности нескольких разных индивидуальностей, образовавших впоследствии сплоченный коллектив редакции, были определены, установлены, обкатаны, обсосаны и т.п. (ничё, шо мы такие старые?) Тем более, что оба вышеназванных издания всегда вызывали у нас искреннюю симпатию (особенно в первые годы их существования). И вот теперь, когда под историей двух главных журнальных «инди»-брэндов 2-й половины 90-х подведена черта, настало время обнародовать истинный список изданий, которые нас - скажем так - воспитывали, восхищали и вдохновляли. Все эти ежемесячники и альманахи успели выстрелить на переломе двух медиа-эпох - когда советский формат идеологизированной прессы уже дал трещину, а новый буржуазный формат коммерческого глянца еще не появился. Некоторые из этих изданий выходят до сих пор, другие стали памятниками того удивительного периода нашей общей культурной истории, когда искусство, известное прежде десяткам или сотням, вдруг стало достоянием сотен тысяч. При желании большинство этих изданий можно найти в более-менее крупных библиотеках. И часто оно того стоит - очень многое в них писалось настолько искренне, что не устарело ни на запятую.

"ИСКУССТВО КИНО"

Только лишь поддул пресловутый «ветер перемен», Союз кинематографистов повёл себя как самый типа прогрессивный из творческих союзов (во всяком случае, ТОГДА так многие считали): сверг старое руководство, поменял директоров студий, выпустил на экраны запрещенные фильмы – в общем, много дров сдуру наломали... Ну и печатный, простите, орган этого Союза должен был вести себя соответственно. Поэтому где-то с середины 88-го журнал «Искусство кино» стал самым живым и актуальным из изданий, посвященных современной культуре - его читали и выписывали все, кто хоть сколько-нибудь интересовался не только здешним и тамошним кинематографом, но и популярной литературой (от Г.Миллера, Ч.Буковски и Ф.Горенштейна до – ну зачем у меня такая память хорошая?.. - Юза Алешковского и Александра Кабакова), «модной» философией (навроде батоно Мамардашвили – кто его помнит-то теперь, кому он нужен? – или партайгеноссе Хайдеггера – этому вечный респект!) и разнообразной полемичной социальщиной (самые смачные жесткачи насчёт грёбаной Чечни толкал уже в 90-х Юрий Арабов). А кино на страницы журнала пролазило всё качественней и качественней: минимально заангажированные отчеты о западных кинофестивалях, сценарии «Персоны», «Теоремы», «Психо», «Дневной красавицы» и «На последнем дыхании», статьи о Джармене, Гринуэе, Расселе и Фрирзе, подборки материалов о «Твин Пикс» и Тарантино. Среди любимого и «долгоиграющего»: большие тексты Михаила Трофименкова о Годаре и американских независимых (Джармуше, Хартли и пр.), первые публикации Евг.Харитонова, сорокинская «Очередь»,

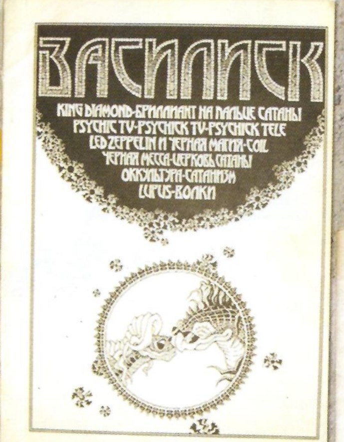
«Магический фашизм» Сьюзен Зонтаг, диалоги с Ильей Кабаковым и т.д. — всего не перечесть.
К середине прошлого десятилетия «ИК» утратил свои ведущие позиции на местном культурном фронте — кто-то из читателей переключился на «глянец», кто-то основательно обнищал, кто-то незаконно начал отлавливать морских котиков — короче, тираж упал раз эдак в 15. Тем не менее, журнал стабильно выходит и по сей день, оставаясь одним из самых авторитетных киноизданий в мире (за эту формулировку нам заплатили). Свежие номера и архив за последние семь лет можно полистать на сайте журнала: www.kinoart.ru. Не удивляйтесь, увидев там знакомые имена: среди авторов нынешнего «Искусства Кино» немало постоянных авторов «НАШего».

"СЕАНС"

Питерский «ответ Чемберлену» - т.е. «Искусству кино» - начал выходить с 1990 года и был похож на «ИК» так же, как СПБ похож на Мск, а «Ленфильм» на «Мосфильм». Его главным редактором стала замечательная и умнейшая Любовь Аркус, бывший литературный секретарь Виктора Шкловского, работавшая впоследствии редактором главной киностудии Ленинграда. Не вступая в конкуренцию с москвичами - тираж «Сеанса» был в десятки раз меньше, чем у «ИК», и, соответственно, многие киноманы даже не подозревали о его существовании — питерский журнал представлял собственный, во многом отличный взгляд на современный кинопроцесс. Местами ориентируясь на культовый парижский журнал «Кайе дю синема», журнал освещал киножизнь города на Неве - от "Уходящей натуры" Динары Асановой и Виктора Аристова до находящихся в соку и расцвете сил Сокурова, Балабанова, Дебижева и пр. Но не только: «Сеанс» позволял себе эксперименты — растянуть на целый номер «Словарь конца века» М.Трофименкова, посвятить 100 страниц журнала описанию всех феноменов культуры 60-х или подготовить отдельный блок материалов, посвященный Рустаму Хамдамову и его «Анне Карамазофф». Плюс стильный дизайн, радикально отличавшийся от строгого «ИК». С начала 2000-х журнал перестал попадать нам в руки, но очень хочется надеяться, что он существует до сих пор. Сама же Любовь Аркус, выпустив в 94-м книгу «Сокуров», стала инициатором и координатором титанического проекта "Новейшая история отечественного кино. 1986–2000", состоящего из трехтомного "Кинословаря" и четырех томов "Кино и контекст" (нам попадался в руки только первый том) и ставшего фактически описанием всей новейшей истории России.

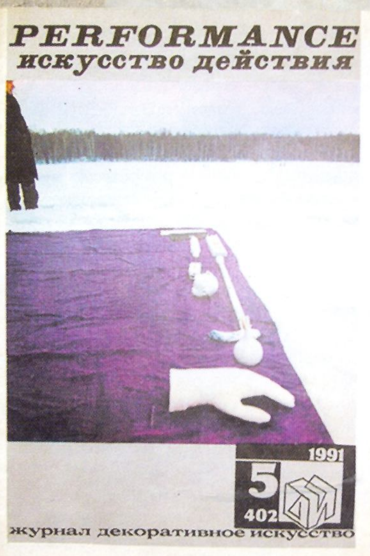
"ИСКУССТВО"

На рубеже 80-90-х в солидных искусствоведческих журналах вдруг спохватились и, не желая отставать от моды на всё молодое, новое и «авангардное», принялись отдавать целые номера на откуп т.н. «молодежным редакциям», которые были рады стараться знакомить публику с любым их сердцу искусством (между прочим, потихоньку продвигая «творчество» своих друзей и приятелей). Вот и журнал Союза художников СССР и его же Академии художеств раскололся в октябре 1989-го, превратив весь номер в одну большую панораму современного неофициального искусства. В итоге на страницах этого уникального издания оказались представлены московский концептуализм (от Кабакова и Пивоварова до «Коллективных действий»), дуэт «Перцы» и группа «Чемпионы мира», новые ленинградские художники (Котельников, Кондратьев, Зайка, некрореалисты), мейл-арт (в представлении Сергея Сигея), история русских рукописных книг и журналов XX века, «параллельное кино», «Театр Театр» Бориса Юхананова и многое-многое другое. Даже не понимая смысла текстов критиков-теоретиков Бориса Гройса, Михаила Рыклина, Андрея Ковалева и практиков Сергея Ануфриева, Павла Пепперштейна, Сергея Летова, можно было рассматривать картинки — они разительно отличались от всего, что встречалось на страницах других художественных изданий или в галереях.

"ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО"

Этот журнал всегда казался немного прогрессивнее чересчур ортодоксального «Искусства», но №5 за 1991 год стал просто бомбой, сорвавшей крышу не одной тысяче читателей. Составленный искусствоведами Иосифом Бакштейном и Екатериной Бобринской, номер был целиком посвящен искусству перформанса, рассказывая как о классике мирового «искусства действия» («В Калифорнии драматические постановки такого рода делал Крис Берден: будучи студентом, он однажды запихнул себя в шкафчик раздевалки и оставался там пять дней; позднее — был "распят" на крыше «фольксвагена»; затем — ранен в руку метким стрелком; и все это — как упрек индифферентности общества к жестокости, поддерживаемой круглосуточной проповедью насилия с кино- и телеэкранов»), так и о практике перформанса советского («В совершенно неосвещенном помещении бункера мы из камушков выложили на земле линии, как бы наметили коридор. И в этом «коридоре» мы в течение полутора часов просто ходили навстречу друг другу. Это было чистое движение, чистое действие. Ничего при этом не происходило». Группа «Тотарт». Акция «Призрак свободы». Прага, бункер под бывшим памятником Сталину, 1990). Комар и Меламид, «Коллективные действия», Римма и Валерий Герловины, Герман Виноградов, «Мухоморы», «Север», «Медицинская герменевтика» - от описаний их акций закипали мозги и чесались руки. После этого номера возникла массовая тенденция наделять собственные обыденные поступки — от прогулок до подарков на дни рождения - значимостью полноценных художественных жестов.

"ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ"

В 90-м «ТЖ» тоже сподобился выпустить несколько вполне пристойных молодежных номеров: «странный» по меркам того времени

дизайн (Игорь Макаревич), остропопулярные — для тех, кто в курсе! - герои и авторы (П.Мамонов, В.Сорокин, Д.Пригов, С.Летов, Б.Юхананов, Х.Ньютон), необычные формы подачи материала (статья в форме словаря, статья в форме дневника, статья в форме частной переписки), рецензии на спектакли, понятные только тем, кто эти спектакли видел. Конечно, от непосвященных половина информации ускользала, но все равно было очень интересно.

"ВАСИЛИСК"

Оччень сторрранное издание — такие могли появляться только во времена безвременья. Альманах (вышел, слава Б., единожды, в 1993-м) носил подзаголовок «опыт мистико-оккультного издания с музыкальным уклоном» и был посвящен сами понимаете чему. Две главные фишки: блок материалов, посвященных Psychic TV, Coil и компании (авторы — Г.Мхеидзе и А.Бухарин) и забавная статейка про «идеологию» Led Zeppelin.

"ЭНСК"

Новосибирская ежемесячная рок-газета «Энск», выходившая в период с 91-го по 94-й, оказалась уникальным изданием, где нашли своё пристанище лучшие силы рок-самиздата прошлого десятилетия и примкнувшие к ним журналисты и переводчики, пахтавшие свежую западную рок-прессу. Поэтому на страницах этого lo-fi-проекта можно было прочесть интервью с Ником Рок-н-Роллом, Егоркой и Юрием Наумовым, отчёты о сибирских и украинских фестах, хронику эсэнгешной концертной жизни, переводные статьи про Pixies, Sugarcubes & Nick Cave и эксклюзивные интервью с Nomeansno и Fugazzi. Плюс первую «официальную» публикацию основ мамудизма.

"ЭКЗОТИКА"

К началу 90-х круг интересов отечественных меломанов значительно расширился: в зазор между «Битлз», «Дип Пёрпл», «Дорз» и «Лед Зеппелин» с одной стороны и «Аквариумом», «Алисой» и «ДДТ» с другой незаметно вклинилось явление, получившее название «инди-музыка». Получив поддержку из прошлого - со стороны «непонят(н)ых» и «авангардных» групп 70-х - оно разрослось до полноценного течения, требовавшего освещения на страницах периодики. Поскольку изданий, где можно было бы публиковать тексты о группах с «лица необщим выраженьем» не существовало, должно было появиться нечто новое. Создавать регулярный журнал не имело смысла — не так уж часто набиралась информация, - а вот форма альманаха для такого издания подошла как нельзя кстати. Альманах «Экзотика» (первый номер появился в 1992 г., второй — в 1994-м) возник на базе одноименной ассоциации (кстати, существующей и до сих пор — можете порыться в Сети). Два номера, объединенных знаменитой фразой Фрэнка Заппы «Писать о музыке — все равно, что танцевать про архитектуру», вмещали в себя плохо переведенные статьи о Joy Division, Sonic Youth, Tuxedomoon, The Residents, Brian Eno, Mark Ribot и пр., плюс ПОТРЯСАЮЩИЕ рецензии главного редактора Андрея Борисова на свежие релизы — после их прочтения реально открывались новые горизонты... Бля, так до сих пор и не закроем!

"РОДНИК"

Есть такая замусоленная формулировка, когда о каком-то имени или названии говорят, что это, дескать, «пароль, по которому можно узнать своих». Какой бы банальной она не была, но к рижскому «Роднику» подходит на все сто: учитывая его прибалтийское происхождение, журнальчик этот попадал в руки к немногим, но пообщавшимся с ним менял жизнь надолго. Поверьте на слово: это был ЛУЧШИЙ ЖУРНАЛ периода 87-93, и большое спасибо за это великому Андрею Левкину и всем, кто приложил руку и что там у них было еще. Комментарии излишни — иначе пришлось бы перечислять половину имен, составивших пантеон мировой культуры XX века (и небольшую его часть, называвшуюся «жЫвое у НАС»).

"КОНТР КУЛЬТ УР'А" & "PINOLLER"

А про два этих переходящих одно в другое издания даже писать не хочется — это наше ВСЁ! Ограничимся несколькими цитатами: «Мы существуем в непересекающихся с совком плоскостях и, соответственно, у нас нет нужды конкурировать с его продукцией в лице всяких «Новых миров», до которых мы якобы доросли. Во-первых, не доросли, а во-вторых; и слава Богу» (ККР, 1989); «Говно души — очень важная часть мироздания (не будь ее, душа слилась бы с духом); но всяк вправе пытаться жить мимо говна, допуская, что его минует чаша сия. Не минует» (ККР, 1990); «Чем больше пресса становится однообразной и монопольной, тем больше необходимости в журналистской контркультуре. Наше представление о свободной журналистике очень простое: она представляет нам такие возможности, каких государственные или корпоративные журналы никогда не будут иметь. Свобода печати принадлежит тому, кто пользуется этой свободой» (Р-г, 1993); «Лучше всегда говорить не до, а после» (Р-г, 1995).

М.Ш.

фото роман геращенко‹gastello@mail.ru›

texxxxxxxxxxxxt
anarchy
in the
UK
R
Главы
из
новой
книги.

Интересно, что города я не помню совсем, помню большое автопредприятие на въезде в него, где мы должны были забрать новый самосвал и перегнать его домой, кстати, думаю я сейчас - кто в те годы мог быть директором того автопредприятия? мой старик перегонял время от времени машины, иногда брал меня с собой, для детских лет это была фантастическая привилегия - первому среди

Часть первая.

Цвета черного женского белья

Реальная биография Кобзона. (...) Я был в Донецке только один раз, в детстве, летом 84-го, почему я помню год? за год до этого шахтер взял кубок, и по всем газетным киоскам Донецка продавалась книга, посвященная этой победе, я ее тогда тоже купил.

всех друзей залезть в прохладную нетронутую кабину, я хорошо помню запах новой техники, запах бензина и смазки, запах здорового советского детства, дождь, который начался и сопровождал нас до самого дома, все это путешествие в границах одного дождя, в границах одной страны, мы были дома, кубок был у шахтера, все складывалось наилучшим образом.

Возвращаясь в город, в котором ты был так давно, что можно сказать не был совсем, ты сразу же пытаешься зацепиться за что-то знакомое, найти какие-то следы и знаки, но это напрасная затея, что могло остаться с того времени - даже киосков не осталось, поэтому мы просто решили перебыть здесь до утра, и дальше началось непосредственное знакомство с городом, с водкой в фастфуде, с драпом в спальных районах, ленивый летний день, традиционно заканчивающийся темным беспробудным беспамятством, в результате чего вместо нормальных дорожных впечатлений остаются какие-то обрывки и эпизоды, остается прежде всего изумление - от того, что в этом городе есть несколько золотых памятников, и что где-то здесь, кажется, есть памятник Кобзону, во всяком случае, должен быть, по крайней мере, утром меня больше всего волновало именно это - был памятник Кобзону где-нибудь или не было, и если был, то где? И был ли он золотым, этот Кобзон, или сделанным из гипса? Просто что я мог запомнить ещё? Студенческую столовую с зарыганым сортиром и охранниками на входе, таких студенческих столовых точно больше нигде нет; толпы чуваков в спортивных костюмах, чувствовавших себя на улицах города уверенно и беззаботно, это был, очевидно, их город, их костюмы, они имели право на свою беззаботность, в отличие от меня, я мог запомнить пейзажи за окном квартиры, но пейзажи эти города уже не касались. На улицах было много политической рекламы, на следующее утро мы выехали в Гуляй-Поле.

Ехать утром автобусом в таком состоянии в неизвестном направлении - неблагодарное занятие, но что делать, главное не оставаться здесь, главное - выехать, что мы и делаем; значит так, думаю я, водитель дорогу знает, Белый, в случае чего, тоже дорогу знает, поехали. Что может быть в Гуляй-Поле? Очевидно, что там нет никаких аттракционов, никаких американских горок и ниагарских водопадов, ниагарских водопадов там точно нет, я в этом почти уверен, да и не нужны нам в таком состоянии водопады. Главное доехать, а там будет видно, потому что эта погоня за демонами счастливого детства, за привидениями из уютных переулков памяти постепенно начинает брать за яйца, это так будто кто-то тычет тебя мордой в светло-красные лужи крови, говоря, вот они, оставленные для тебя следы, вот что осталось тебе из прошлого, давай, смывай всю эту кровь, пролитую в классах и спортивных залах, хотел этого - получи, не отворачивайся теперь; вообще - возвращаться в места, в которых ты рос, почти то же, что возвращаться к крематорию, в котором тебя однажды уже сожгли.

И кто вся эта публика, едущая вместе с нами, кто все эти тёлки в спортивных кофтах, кто эти бабульки с пакетами, мужики с дипломатами, паломники, иногда меня берет такое отчаяние от осознания собственной ненадобности, вот они все едут по делам, тёлки, например, едут в пэтэу, бабульки везут самогон на базар, мужики с дипломатами едут этот самогон покупать, хорошо, а куда едем мы? В пэтэу нас не ждут, да нас на самом-то деле нигде не ждут. А за самогоном совсем не обязательно ехать так далеко, самогон, например, и в Донецке можно было купить, и в Харькове, но дело не в этом, поэтому приходится просто сидеть в разбитом лазе, на заднем сидении, наблюдая как дождливая погода сменяется солнечной, утренний воздух - послеобеденным, Донецкая область - Запорожской.

Вид у вокзала был такой, будто его разбил паралич. Из дверей выбежал какой-то дождевой пес и, увидев нас, остановился. Не уверен, что именно сюда я хотел попасть. Оставалось по меньшей мере полдня на знакомство с городом. На асфальте просыхали лужи. Жизнь, как и пес, замерла.

2.99 $ за гостиничный номер. Третий день в гостинице, валяемся на кроватях, ловим вторяки, за окнами слышен веселый мужской голос, здесь вообще все слышно, слышно, например, что в гостинице, кроме нас, никого нет, это особенная тишина пустых комнат вокруг тебя, когда ты подходишь к стене и понимаешь, что с той стороны, в соседней комнате, находится тишина, и так во всей гостинице, лишь тетка сидит на рецепции в белом халате, да уборщица рыщет коридорами, прислушиваясь к нашему дыханию, дыханию трех обкуренных чужаков, которые появились здесь три дня назад, нарушили тишину пустых солнечных коридоров, назвались журналистами, сидят третий день в гостинице и курят драп, запивая его водярой и самогоном. Теплый спокойный городок с сонными улицами, вот она - столица анархо-коммунизма, территория уникальных социально-политических экспериментов, приехав в город, мы сразу же поселились в этой гостинице, на первом этаже была парикмахерская и пахло одеколонами, и это еще был не худший запах, далеко не самый худший. Номера оказались настолько дешевыми, что мы решили остаться здесь надолго. Возможно, это было главной ошибкой. Мы поднялись в номер, бросили вещи, пересчитали бабки и пошли смотреть на город.

Должен признать, что никогда в жизни не любил туристов, туристы для меня слишком шумны и суетливы, они приносят с собой ощущение искусственности, тленности, они появляются в своих шортах и панамах, с кодаками на боевом взводе, и ты сразу же чувствуешь себя лишним, и они это чувствуют, они очень чувствительные, эти туристы, они якобы и смотрят в обьективы своих кодаков, куда-то мимо тебя, в исторические панорамы, открывающиеся за твоей спиной, а сами в действительности перешептываются - что это за клоун, почему он не в шортах, где его, бл@дь, панама,. откуда он здесь? А главное - туристам нужны внешние знаки истории, чтоб на каждом доме висели памятные барельефы, а за каждым углом открывались виды мест, описанных в их непутёвых буклетах, они никогда не обращают внимания на вещи простые и непритязательные - на стены домов, скажем, побитые оспой пулеметного обстрела, на старые осадистые яворы в глубине парка, с которых, допустим, могли свисать враги трудового народа, они не понимают тишины улиц, оглушенных в свое время перемещением армий, контуженных канонадой и победными салютами, они фотографируют фасады, не понимая, что куда интереснее фотографировать пустоту, особенно если в этой пустоте велись напряженные бои с переменным успехом. В такие городки, как этот, туристы обычно не приезжают, а если приезжают, программа их сухая и короткая - сфотографироваться у барельефа Махно на доме бывшего штаба повстанческой армии, попробовать найти его избу (в путеводителе написано, что австрийцы сожгли ее еще в 1918, но все равно - нужно попробовать найти), в конечном итоге зайти в музей и покрутиться возле бутафорской тачанки, слушая идеологически выдержанную пургу об установлении советской власти и сельскохозяйственных успехах региона во времена независимости. Из всех возможных внешних примет, кроме барельефа и тачанки, мы нашли бар "Нестор". После этого вернулись в гостиницу и дальше курили свой драп.

В исторической литературе махновская республика Гуляй-Поле описана настолько тщательным образом, словно в описаниях города, его экономической характеристике и социальном анализе действительно можно было найти какие-то намеки на будущий взлет этого населенного пункта, который при других, лучших условиях, должен был бы превратиться в туристическую Мекку для всех озабоченных судьбой анархизма как такового и его практических форм в частности, должен был бы стабильно собирать на годовщины и юбилеи толпы упомянутых нами здесь чуть выше чуваков в панамах и кодаках; историки настолько бережно описывают школы и заводы местечка, фиксируют количество рабочих и численность еврейской общины, что в какой-то момент и сам начинаешь проникаться исторической судьбой этого августовского городка, блуждаешь медленно от автовокзала к библиотеке, от бара "Нестор" к полуразвалившемуся зданию бывшей мельницы, узнавая что-то по старым архивным фотографиям, а что-то не узнавая совсем. Живя в таком небольшом городке, скажем, три дня, на третий день ты уже начинаешь узнавать местных жителей, и что хуже всего - они тебя тоже начинают узнавать, от этого становится достаточно неудобно - потому что ты в их глазах залётный, чтобы не сказать хуже, турист с кодаком, который смотрит на них, как на туземцев, пытаясь найти в чертах их лиц отпечаток анархосиндикализма, впрочем, ничего кроме алкоголизма не находя. Есть в этом что-то нечестное - с одной стороны ты со своим обараневшим восторгом и намерениями расспрашивать каждого встречного, воевал ли его дед у Махно, и они - уставшие от подобного цирка, озабоченные своим мирным выживанием в рыночных условиях, потому что там, где для тебя находится история и идеологические убеждения, для большинства из них прячется источник частного предпринимательства и неосознанных до конца упреков совести. Потому они и смотрят на вас если и не враждебно, то по крайней мере без всякого энтузиазма - и те два убитых наглухо хроника, с которыми вы пили самогон на берегу реки (уже не было мостика, по которому переезжали повстанцы, река совсем обмелела, хроники сидели на берегу и печально молчали, когда им предложили выпить, сразу же согласились, один из них взял деньги и исчез, мы думали, что навсегда, но нет - он вернулся и потом мы быстро все выпили и полезли в воду; хроники в воду не лезли, смотрели на нас невнимательно и отстраненно, каждый видит в реке своих утопленников, мы к числу их утопленников не принадлежали); и директорша музея, которая устало нам что-то объясняла и просила прощения, что должна бежать в штаб, работать на выборы, даже не интересуясь, за кого мы будем голосовать; и продавщица в газетном киоске, которая спала в нем до пяти часов, потом запирала его на висячий замок, даже она, невзирая на то, что мы покупали у нее прессу, возможно, мы вообще были единственными, кто покупал местную прессу; и даже тот официант в привокзальном ресторане, который видел нас ежедневно, ежедневно мы приходили к нему как к давнему знакомому, но даже он смотрел на нас безразлично; в маленьких городах люди спокойнее, они заранее знают все, что с тобой произойдет, они с первого взгляда видят, что ты так ничего и не найдешь на этих запыленных улочках, между этих старых расстрелянных домов, ничего не найдешь и найти не можешь, поэтому ты здесь чужой, и вопрос лишь в том, сколько ты выдержишь в своей гостинице, насколько у тебя хватит денег, драпа и консервов, чтобы выжить в кровавом гостиничном пространстве, наполненном тяжелыми сновидениями и запахом одеколона, в этом весь вопрос - съе#ёшься ли ты прямо сегодня, вечерним автобусом, подальше от черных дыр в окружающем воздухе, в котором вместилась вся твоя история, или будешь и дальше шляться по их улицам, сидеть в парке, фотографировать фасады домов, в которых находились административные учреждения анархистов, блуждать по городскому кладбищу, рассматривая фамилии на могилах, и узнавая самые из них известные.

Мне кажется, что я не могу понять главного в них - их отстраненности, их коллективной памяти, разумеется, я не рассчитывал увидеть здесь никаких воскресших теней, проклятых и неотпетых, я был готов к подобной дистанционированности и тотальному недоверию, как я мог рассчитывать на что-то другое? чтобы рассчитывать на что-то другое, нужно было по меньшей мере родиться в их теплом летом и ветреном осенью городе, нужно было школьником класть цветы к памятнику освободителям, зная, на чьих костях этот памятник построен, нужно было наблюдать каждый год, как осыпается шелковица и покрываются уличной пылью вишни, ходить утром на городской базар или по конторам, иметь свой бизнес, воспитывать

детей, здороваться с прохожими на улице, выходить длинным, как блюзы, летним вечером к реке, сидеть молча над ней, смотреть на противоположный берег, на котором, так же как и на твоем, нет ничего - ни прошлого, ни настоящего, и понимать, что даже если бы тот старый мост все-таки уцелел, ты бы вряд ли захотел перейти по нему на противоположную сторону, потому что на самом деле - и этого я тоже понять никогда не смогу - с этого берега, из этого города, от этой памяти тебе просто некуда идти.

~~Часть вторая.~~ Мои восьмидесятые

81-й. Кино. Мои восьмидесятые легко поддаются экранизации. Когда в этой стране опять начнут делать кино, я бы снял его о моих восьмидесятых, хотя бы для того, чтобы еще раз воспроизвести для себя на экране один из возможных вариантов выстраивания своей жизни, как четкой и прозрачной схемы, в которой изначально заложены все необходимые причины и возможные последствия. Это кино было бы в меру дидактическое и развлекательное, в нем было бы как можно меньше пафоса и ностальгических соплей. Вместо этого там было бы солнце, много техники, много производства, вообще - там было бы все нормально с социальной составляющей, все должно было бы быть на своих местах - грузовики, железнодорожные составы, придорожная трава, летние утренние сосны, универмаги, пригородные железнодорожные вокзалы, прохладные кинотеатры, газетные киоски, школьные спортивные залы с матами и батутами, вагоны с углем, рейсовые автобусы, пустые автотрассы, колонки с ледяной водой, киоски с грампластинками, шашлычные, очереди на аттракционы, карманные воры, безумные алкоголики, местечковые проститутки, веселые фарцовщики, спекулянты и киномеханики, путешествующие библиотекари со своими переносными лотками и профессиональные цыганки, собирающие пошлину на базарах и улицах - в этом кино было бы достаточно позитивных персонажей, негативных в нем не было бы совсем, во всяком случае, я бы не хотел, чтобы они там появлялись. Более того - в таком кино даже персонажи потенциально негативные, как вот упомянутые мною здесь фарцовщики, или не упомянутые люберы, обязательно трактовались бы как герои, пусть и не позитивные, но не без своих добродетелей, двойные стандарты, которые в настоящее время часто становятся определяющими, в случае с моим кинематографом просто бы не подходили, они были бы там лишними и неуместными, поскольку они где угодно - лишние и неуместные, а в кино тем более. Что там должно быть еще? Там должно быть все нормально с погодой, события должны происходить обязательно летом, мои восьмидесятые это преимущественно лето, возможно, поздняя весна, но лучше все-таки лето; там должно быть много воды, много зелени, ни в коем случае не должно быть политики - политика появится позже, уже в девяностых; тогда политики не было, мир придерживался собственных границ и за них не выходил, жизнь была самодостаточной, страной можно было гордиться, с родителей стоило брать пример, пропаганда не заё#ывала, социум не давил.
В кино о моих восьмидесятых должно быть много любви, любви спонтанной, непродуманной, уличной и нелогичной, с первым сексом на школьных партах, с первыми разборками за заводскими заборами, с первыми проблемами и первыми обломами, со странными неправдоподобными историями о похищении невест из родительских домов, о тайном венчании, о подпольных абортах, о нежной и захватывающей подростковой групповухе - медленные черно-белые кадры, глубокое и поучительное проживание своих лет, размеренность отведенного тебе кем-то времени; еще там должно раздаваться много голосов - веселых, нервных, радостных, принадлежащих сотням безымянных героев этого фильма, у героев голубые глаза, выгоревшие от солнца волосы, загорелая сухая кожа, они мало спят, много пьют и разговаривают, они постоянно попадают в глуповатые невымышленные ситуации, над ними смеются небеса, им многое прощают боги, потому что, несмотря ни на что, в их действиях нет зла: глупость, да - есть, неисправимый бытовой шиз - сколько угодно, авантюризм, наивность, врожденное ненавязчивое желание нае#ать всех вокруг, с упомянутыми выше богами включительно - да, но не зло, зла в этом кино не будет, не ждите. Вместе с тем, в этом кино обязательно должен быть криминал, много воров и спекулянтов, злостных нарушителей норм социалистического общежития, безумных маргиналов с топором за голенищем, с ножом в пластиковом дипломате, с розовыми шипами в горле, множество малолетних выродков, ходивших стенка на стенку с битыми бутылками в руках, бривших себе черепа, чтобы все видели, сколько у них шрамов, выжигавших себе на коже самодельные татуировки, так потом и ходивших - с попорченной кожей, с непонятными пентаграммами, с чувством гордости и отваги; этот криминал не должен вызывать депресняков, поскольку имеет в себе привкус горькости и отчаяния от невозможности до конца понять сам механизм перетекания жизни вокруг тебя, разрастания её в естественных декорациях, в которых ты, как не бейся и не маши своей битой бутылкой, являешься всего лишь одним из безымянных статистов, проходящих по экрану, на мгновение объёмно фиксируясь в глазах зрительской аудитории, и навеки исчезающих в черном русле титров. Криминал в этом случае призван делать обстоятельства любви и рождения более рельефными, а обстоятельства смерти - более темными и загадочными, он становится, скорее, приправой, оставленной в этих солнечных полях для полноценного смакования деталей, которыми постепенно наполняется твое существование, и которые ты для себя начинаешь постепенно выделять из общего - цельного и продуманного - сценария.
Кстати, детали. Детали могут касаться главных героев, например, это могут быть детали их одежды, разные женские шмотки, купленные на черном рынке, перепроданные через третьи руки, удивительные предметы женского туалета, которые потом срываются с героинь нервными пьяными руками героев, успевая запечатлеться в твоей памяти и твоем персональном каталоге; это могут быть детали быта - пестрые синтетические ковры, на которые ставят гробы с покойниками, кожаные авиаторские куртки, привезенные с армейской службы и порезанные бритвой в первой же ночной драке, механические часы, желтые пластмассовые клипсы, офицерские ремни, патроны с губной помадой, самодельные бензиновые зажигалки - блестящие, с тяжелым запахом нефти, черные острые заколки, которые высыпаются из женских волос и залетают под сидение автомобиля, и никто даже не пытается их найти в том темном ночном автомобиле, на тихой автостоянке, между разбросанной одежды и настоящей взрослой любви.
События в этом кино должны развиваться медленно и последовательно, здесь вообще все продумано и случайных вещей почти нет. Вместе с тем событий должно быть много, они должны заполнять собой все то пространство, которое было предоставлено тебе для обживания и освоения; их подвижная, пластичная структура должна подпирать собой прогретое утром небо, чтоб оно держалось у тебя над головой надежно и твердо, не провисая и не обваливаясь очередными катаклизмами. События должны происходить прямо на твоих глазах, пусть не всегда при твоем непосредственном участии, но всегда при твоем незримом внутреннем согласии, при твоей включенности в контекст, так чтобы ты мог пальцами чувствовать, как изменяется ситуация с твоей жизнью, как она разворачивается перед твоими глазами; события должны заполнять собой тот пустой промежуток, который возникает между героями и окружающим их воздухом; в кино о моих восьмидесятых просто не может быть полостей, оно должно быть густым и наполненным множеством фигур, движений и поступков, поступки эти во многом и объясняют общую насыщенность сюжета - они странные и часто неоправданные, в них присутствует чрезмерная рискованность и экспрессия, мои главные герои женятся из принципа и вешаются из чувства протеста, рожают от неумения отказать и любят от неумения сдержаться, они идут на преступления азартно и авантюрно, и любят свою родину без какого-либо идеологического подтекста, большинство из них молоды и самоуверенны, они сами понимают, что случай позволил им родиться в драйвовом месте в удивительное время, и только где-то на заднем плане появляются их родители - измученные и опытные, носящие в себе, будто больное сердце, весь опыт своей страны, своей ежедневной бесконечной борьбы, которая в конечном итоге заканчивается, но так и не приносит им хоть какого-то успокоения.
В этом кино должны быть массовые сцены, в них льется кровь, льется вино, льются женские слезы, льются слезы пьяных мужчин, в конечном итоге льется горячий летний дождь, заливает собой праздничные столы, заливает людей, которые празднуют свою беспечность и радость, празднуют, обнимая друг друга, распевая пьяные песни все более тихими голосами, ок, говорю я, именно так и должно быть, очень хорошо, стоп-мотор, в ходе съемок кино про мои восьмидесятые ни одна сука не пострадала.

83-й. Парк культуры. Советская агитация воспитала во мне любовь к жизни. Красный цвет флагов и производственных лозунгов въедался в мою сетчатку, как йод въедается в открытую рану. Функционально выдержанные и строгие мэссиджы, наполненные необычным на первый взгляд количеством фактического материала, диаграммы и графики экономического роста, аскетические профили и коммунистическая орнаменталистика создавали солнечное настроение. Я отыскиваю их сейчас, эти обломки большой обиходной эстетики, и понимаю, в чем здесь дело - они помогают мне идентифицировать себя и своих ближних, они дают мне возможность держаться за свое время, чувствовать, как оно бьется, пытаясь вырваться из моих рук. Я люблю красный цвет, я люблю красные флаги, красный был первым флагом, с которым я пошел на стадион, правда, это был не совсем красный, а красный, кажется, с белым - это был грузинский флаг, все мои друзья шли на стадион, и у каждого что-то с собой было, я нашел в доме культуры, в углу, набор флагов братских республик, все 15, я выбрал грузинский - белой полосой он напоминал мне цвета спартака, я шел на стадион и думал - какой клёвый у меня флаг, такого флага больше ни у кого нет, встречные

шли и думали - что это за уё#ок идет с грузинским флагом; у меня были свои счеты с обществом - оно меня не понимало, я ему этого не забыл.
Я отыскиваю эти знаки, эти свидетельства великой информационной войны на домах и памятниках бывших советских городов и понимаю, почему они мне так нравятся - это буквы моего детства, это цвета моих восьмидесятых, моя первая любовь, моя настоящая гордость, мой личный социализм, которого меня лишили без моего согласия: Мой социализм был прежде всего внешним, уличным, визуальным, все эти фишки о социальных гарантиях и радости коммунистического труда стали для меня важными значительно позже, тогда я видел перед собой белые буквы на красном кумаче, и эта картинка меня в целом устраивала. В этом мало идеологии, я прекрасно понимаю, что по цветовой гамме и композиционному решению "слава кпсс" 80-х это "всегда кока-кола" 90-х. Каждый находит свой пафос, тот, кто не находит его, умирает от депрессии.

На втором этаже автовокзала, в зале ожиданий, во времена моего детства висела картина. Во-первых, она была масштабной, где-то три на четыре. Во-вторых, поражала количеством персонажей - там был изображен съезд депутатов местных советов, перед которыми выступал Ильич. Депутатов было что-то с полсотни, кто-то старательно и достоверно вырисовал их забинтованные головы, пулеметные ленты, переброшенные через плечо, в углу стоял черный и монументальный пулемет максим, похожий на послушного сенбернара, с которым Ильич по вечерам мог гулять по Смольному, чтобы не было так одиноко, а тут решил взять с собой на съезд депутатов местных советов, и, привязав к ножке кресла, перешел к рассмотрению политической ситуации в стране; депутаты слушали Ильича внимательно, даже несмотря на монументальность картины видно, как они, соглашаясь, кивают вихрастыми головами и стесняются своих затоптанных сапог, к подошвам которых прилипли вся грязь и говно свергнутой тирании. Ильич показывал на карту, карта была исчеркана красными и черными стремительными линиями - по-моему, это был если не деникинский, то во всяком случае польский фронт, по-любому я угадывал за теми скупо набросанными контурными ориентирами, которые художник счёл целесообразным изобразить для присутствующих в зале депутатов местных советов, окружавшую меня территорию, иначе и быть не могло - все должно было быть связано и внутренне согласовано, и поскольку здесь висели депутаты с Ильичом и сенбернаром, то должны же они иметь какое-то непосредственное отношение и ко мне, и к моей республике, и к моему личному социализму. Я любил рассматривать эту картину, мне нравились депутаты местных советов, они были энергичны и возбуждены, было видно, что Ильич их нехило удивил, показав эту карту, внешне это выглядело так - депутаты местных советов пока еще даже не догадываются о существовании деникинского или там польского фронта, они просто пришли к Ильичу поговорить о социальных гарантиях и радости коммунистического труда, посъесжались со всех губерний и уездов, шумно расселись в бывшем господском дворце, стесняясь грязи и говна на своей обуви, кто-то закуривает косяк, кто-то нервно покашливает, все ожидают Ильича; тут двери зала отворяются, и входит Ильич, ведя на поводке большого черного сенбернара, привязывает его к ножке кресла, выходит на сцену, ну, что, говорит, товарищи депутаты, тема нашей сегодняшней встречи - ликвидация деникинского фронта. Какого такого фронта? начинают шуметь депутаты, нет никакого такого фронта, давайте лучше о гарантиях поговорим. Гарантии? переспрашивает их насмешливо Ильич, а вот по-вашему что - #уй? он резко разворачивает перед ними карту с красными и черными лентами. Сенбернар громко гавкает. Депутаты пораженно охают - ох, говорят они, и в самом деле - деникинский фронт, что же это мы так облажались, перед Ильичом-то? Вот тебе и гарантии.
В конце восьмидесятых о портрет Ильича начали гасить окурки.
Я не был на вокзале лет десять. Он изменился - появились киоски, компьютерные игры, исчезла парикмахерская, все разрушалось и тонуло в волнах песка; в прошлом году решил таки зайти. Поднялся на второй этаж. Картины, понятное дело, уже не было, очевидно ее сожгли. Или кто-то выкупил ее в частную коллекцию за сто тысяч американских долларов. На стене до сих пор видны ее контуры - ремонт с того времени никто не делал. Я молча простил своему прошлому еще одно предательство и пошел на выход. Вдруг я остановился, что-то привлекло мое внимание. Между вторым и третьим этажами находилось что-то до спазмов знакомое. Не может быть, подумал я и пошел смотреть. Это действительно была она. Перевернутая набок, картина полностью закрывала собой окно, из-за чего на лестнице стояли сумерки. Но сквозь длинные надрезы в нескольких местах пробивались лучи, измельчая изображение и разбивая его на фрагменты. В один из этих надрезов Ильич показывал рукой. Я подошел ближе и заглянул - горячее лето, солнечная пыль, далекий и тревожный мир, так и не осознавший радости коммунистического труда.

Чем мне нравился парк культуры - он жил своей жизнью. Обращая мало внимания на прихоти и конвульсии времени за зеленой оградой, отделявшей парк от взрослого мира. Мне нравилось постоянное движение в парке, общее настроение - оттяжное и ненавязчивое, такое настроение царит, очевидно, в чистилище, когда уже поменять что-то поздно и только и остается, что ожидать решения присяжных, качаясь при этом на тяжелых деревянных качелях. В парке работал знакомый моих родителей, удивительно широкой души человек, постоянно угашенный и элегически настроенный насчёт детского отдыха, он продавал билеты, включал карусели, запускал качели, обеспечивая движение всего живого, после чего закрывался с дворником в тесной кабинке с надписью касса и дальше бухал. Иногда он забывал о каруселях, и дети часами катались на крашенных слониках - до истерии, до блевоты, в смысле не до того момента, когда им становилось плохо, а как раз наоборот - когда становилось плохо ему, и он выбегал из своей кабинки и видел весь этот вертеп вокруг себя, после чего ему становилось еще хуже. Меня он всегда катал бесплатно.
Иногда я думаю - катает ли кто-то и дальше детей в том парке, или у них есть свой детский святой, который нетвердым похмельным движением запускает все карусели и аттракционы их детства, жонглирует солнцами и перебрасывается радугами, высыпая из карманов, вместе с остатками мелочи, звезды и метеориты; какие знаки замечают они вокруг себя, по каким буквам они учатся читать; смогут ли они потом рассказать уже своим детям и внукам, как в их мирном небе, прямо над их головами, еще можно было увидеть величественные и гаснущие взблески истории; история эта была далекая и недосягаемая и носила кроваво-красный оттенок - как тюльпаны, как кровь, как кока-кола.

Часть третья

Красный даун таун

7. Влажное тело власти. Заходишь с боковой улочки, проходишь кпп, на вахте менту говоришь, к примеру, что ты курьер, только не наркокурьер, что ты курьер и принес корреспонденцию, или что ты принес пиццу, или выдумываешь что-то более рискованное, например, что ты в комитет по работе с религиозными общинами, им как правило все равно, вопросы они задают скорее для порядка, хотя какой здесь порядок, потом вызываешь лифт, спокойно, главное спокойно и без паники ждешь пока за тобой автоматически закроются двери и всё - у тебя совсем немного времени, чтобы определиться с конечной остановкой, у тебя всего несколько минут, чтобы сориентироваться в этих глухих коридорах и в нумерации кабинетов. По крайней мере ближайшие полчаса никто искать тебя не будет, если ты, конечно, сам себя не попалишь, не откроешься раньше, чем нужно, тогда всё будет в порядке.
По коридорам власти ходят, как правило, люди, уверенные в себе, их закаляет эта необходимость ежедневного прохождения пафосными коридорами, застеленными дешевыми коврами, они думают про себя - как все-таки здорово все сложилось, как правильно: власть, о которой пишут в газетах и показывают по тиви, власть, за которую борются и умирают, лежит в это самое время в соседних кабинетах, вот за этими дверьми, которые я, один из немногих, могу легко открыть. Коридоры власти вызывают у посетителей нездоровое чувство усердности, это мы с друзьями пролазили в местный буфет, будучи семнадцатилетними и называясь курьерами, проползали в тогда еще достаточно приличную постпартийную, главное дешевую, столовую, для большинства же посетителей эти коридоры наполнены сакральным духом административного подчинения и бюджетной зависимости.
Бюджет, будто грибок, разъедает кожу между пальцами граждан, вынуждает их нервничать и плакаться клеркам, которые в это время невозмутимо смотрят посетителям в глаза, пряча руки под стол. Все они повязаны, все они держатся друг за друга, им нужна эта игра во властную вертикаль, с ее бюджетным наполнением и коммунальными службами - посетителям необходимо ощущение системы, ощущение пальцев на своем горле, им всегда удобнее опустошаться в общественных туалетах в чьем-то присутствии, у них от этого лучше работает желудок; клеркам вместо этого необходима ежедневная подпитка желудочными соками электората, подключение к его нервной системе, клерки, словно полевые грызуны, роют свои километровые норы на солнечных угодьях материального обеспечения и социальных гарантий, посмотри внимательно - за твоей спиной всегда стоит клерк и только и ожидает подходящего момента, чтобы залезть к тебе в карман и вытянуть оттуда все медяки, все фисташки и ключи от почтового ящика, все презервативы и визитные карточки твоих дилеров, все, что ты таскаешь месяцами в безразмерных и беззащитных карманах своего пальто, клерку подойдет все что угодно, его крысиная натура нуждается не столько в материальной компенсации за свою круглосуточную охоту на твои карманы, сколько в простой моральной сатисфакции, клерку нужно вытряхнуть из тебя твою внутреннюю жизнь, словно кишки из рыбы, вытряхнуть и напихать внутрь, будто листья капусты, повестки и формуляры, бюллетени и справки, пресс-

релизы и телефонные счета, чтобы ты попробовал все это переварить и не смог, сдохнув в коридорах власти от заворота кишок.
Часто они выходят из одного и того же подъезда, в восемь утра, они живут совсем рядом, вся эта дистанционированность власти от населения, она иллюзорна, она исчезает как только заканчивается восьмичасовой рабочий день клерка, и как только посетитель снова выходит на свежий воздух, здесь они в равных условиях, и им нет нужды играть в эти детские игры, жизнь жестока к клеркам, она бьет ими, как бамбуковыми палками, о стены домов и прижимает ногтем к паркету, к посетителям она тоже, кстати, не слишком лояльна, с посетителями у нее отношения, возможно, еще хуже - у посетителей нет защиты от жизни нигде, даже в коридорах власти, более того - здесь они защиты от нее даже не ищут, ограничиваясь традиционно вопросами материального обеспечения и социальных гарантий.
Часто, проходя вдоль этого дома, я думаю про себя - интересно, я сейчас иду вдоль коридоров власти, коридоры эти тянутся как раз с запада на восток, на каждом этаже, от правого крыла дома до левого, и в то же самое время, когда я иду по улице, предпринимая еще одну попытку добраться домой, кто-то совсем рядом со мной, на расстоянии каких-то сорока-пятидесяти метров, идет, можно сказать, параллельно мне, коридорами власти, делая карьеру и пытаясь добраться до конца своего коридора. Хотя, если подумать, что его там ожидает, в конце коридора - тупик, пустая комната, обработанная хлоркой, белые клинические кабинеты, в которых сидят рано состарившиеся, затравленные жизнью клерки, и с тихим отчаянием смотрят за окна, на ослепленные утренним солнцем улицы и площади, к которым они на самом деле не имеют ни малейшего отношения. Еще я думаю, что, вот, хотя мы с ними идем в одном направлении, то есть с запада на восток, и даже приблизительно с той же скоростью, но в насколько разных и несхожих местах мы, в конце концов, окажемся.

Но как ты используешь свои полчаса? Давай, времени осталось не так уж и много, будешь жалеть потом, попробуй хотя бы в этот раз использовать свое преимущество в тридцать минут, ты же к этому давно готовился, всё, пошел - проходишь длинным коридором пятого этажа, сбегаешь на четвертый, обходишь на лестнице двух секретарш, курящих крепкие мальборо, и выходишь в начало длинного, бесконечного коридора, всё - это должно быть где-то здесь, следи внимательно, не пропусти нужных дверей, медленно иди и прислушивайся, за одними из них сейчас обязательно услышишь это тяжелое удушающее дыхание, тяжелый стук большого красного сердца, заросшего жиром и испорченного растворимым кофе, ты не сможешь не узнать эту затяжную бесконечную аритмию, пробивающуюся ежедневно с экранов твоего тиви или из рекламных роликов на эфэмках, этот судорожный сердечный разнобой известен тебе, как никому другому - именно он раздается на пустых перронах зимней ночной подземки, именно он сбивает тебя с ритма в шесть утра, по его смертельным паузам определяют время продавцы магазинов и регулировщики на перекрестках, стук этого сердца ни с чем не спутаешь, это оно, это нужная тебе комната. Именно под этими дверьми и нужно оставить свою бомбу. Остановившись на площади, кормя голубей с руки, спрашивая у кого-то время, следишь за самолетом, который пролетает в сторону границы, оставляя широкие белые полосы, и, напрягшись, даже здесь улавливаешь его дыхание, чувствуешь, как оно тяжело переворачивается с бока на бок, отрывая от пола смертельный вес своей плоти, оставляя на полу влажные следы, тяжело переводит дух и опять замирает на долгое время, пытаясь выравнять дыхание, взбалтывая застоявшийся воздух комнаты и недовольно двигая длинными скользкими щупальцами.
Через несколько минут дыхание успокаивается, щупальца замирают, потовые железы открываются, и оно снова лежит посреди пустой комнаты, в то время как ты стоишь и издали смотришь на окна административного здания, из которого вышел полчаса назад. Дом массивно тянется с запада на восток, ровные холодные ряды его окон поблескивают на солнце, совсем мало открытых форточек, такое впечатление, что они боятся сквозняков, поэтому сидят с плотно запечатанными и заклеенными бумагой окнами, эти несколько сотен клерков, все восемь часов своего рабочего дня, страдая от аллергии и духоты, сидят в своих пустых побеленых кабинетах, затаив дух и внимательно прислушиваясь к дыханию на четвертом этаже, к аритмичному перебою массивного нездорового сердца, отслеживая для себя, как там, в закрытом кабинете, тяжело переворачивается с боку на бок накачанное жиром и больной коричневой кровью, закрытое тут до конца своих дней медленное влажное тело власти, и сердце его под конец рабочего дня работает более согласованно и монотонно, в то время как с другой стороны дверей, так же согласовано и монотонно [redacted] бьется установленный тобой на [redacted] шесть вечера часовой механизм.

Часть четвертая.

Жить быстро, умереть молодым (десять треков, которые я хотел бы услышать на собственных поминках)

2. Neil Young. Rockin' in Free World.
Freedom! Нейл Янг со стянутым хайром и в подчеркнуто старых джинсах сидит на стуле и держит в руках гитару. Фотограф снял его со спины, так чтобы откуда-то из зала бил прожектор и хрен что было видно, но чтобы вместе с тем оставалось ощущение, что будто бы в зале кто-то есть, будто бы все это происходит на самом деле. Мы стоим на крыше пятиэтажного дома, посреди Манхэттена, в два часа ночи и смотрим вниз, на улицу. Улицы Нью-Йорка наполнены такси, время от времени там проходят полицаи и геи. Мне даже кажется, что они здороваются друг с другом. Весна 96-го, нас всех разрывает от того, что мы стоим, свешиваясь над бездной, в темном океанском воздухе, пьем водяру с пивом, время от времени кто-то через окно выходит на пожарную лестницу и поднимается наверх, за ним, в комнате слышен недовольный голос Нейла Янга, все вживую, все по-настоящему, нам всем по девятнадцать-двадцать лет, и все удается как никогда, больше никогда нам не будет все так удаваться - безнаказанно, по-настоящему, вживую.
Обманчивость, которую дарит тебе громкая музыка, эйфория, которая наполняет тебя, когда ты стоишь под большими черными динамиками, навсегда дезориентируют тебя, искривляют твои кости, музыка бьет прежде всего по позвоночнику, ты после всего этого уже не можешь как раньше ходить по улицам, спать до обеда в теплой постели, прячась под подушку от солнечных лучей - музыка калечит тебя, спутывает твои сухожилия, загоняет в тебя штопоры и шурупы, при помощи которых теперь тебя можно контролировать, вживляет в тебя тысячи рецепторов, тысячи оголенных клемм и разобранных розеток, по тебе постоянно прокатывается чужая энергетика, как вагоны с железом, по тебе перетекает чужая кровь - черная и горячая; услышанная тобой однажды музыка меняет цвет твоей кожи, суживает тебе зрачки, иссушает губы, делает резким голос и уязвимыми легкие, раздувает вены и вливает туда столовое сухое вино, от чего ты - каждый раз, услышав свою музыку - теряешь равновесие и выпадаешь из внешнего, вполне нейтрального для тебя, аудиопространства в кошмарный подводный мир персонального саунда, длиною в целую жизнь. Сколько раз после этого мне приходилось умирать от тишины и отчаяния, сколько раз мне не хватало элементарного терпения и такта, сколько раз меня ломало от нежелания заниматься тем, чем мне заниматься приходилось, что я готов, в конце концов, списать это на кого-то постороннего, должен же кто-то за это отвечать, должен кто-то нести ответственность за мою начальную школу, за изложенные мне основные понятия и термины, которыми я должен был пользоваться в своем прохождении через густые атмосферные слои. Тогда кто? Он, да-да, именно он - хитрый, вечно всем недовольный Нейл Янг, в своих старательно порванных на коленях джинсах, со всеми своими динамиками и гитарными примочками, с выпадавшими волосами, оставшимися после него в гостиничных раковинах, да-да, кто скажет, что это не он, что это не его непрестанное ворчание, не все эти его 50 дисков оригинальной музыки и каверов травмировали меня в наиболее подходящий для этого момент, когда мое сердце вбирало в себя информацию, как удав мертвого кролика, кто как не он должен отвечать за просчеты в моем воспитании, так будто действительно за этим не было ничего, кроме музыки, так будто и вправду в его голосе не чувствовалось угроз и проклятий, а в его Freedom простого предвидения, как оно все должно быть - с кровью, горами трупов, и обязательной победой.
Так или иначе все завязывается на музыке - и твои знакомства, и твои вредные привычки, и то, как ты ведешь себя в постели, и то, за кого ты голосуешь на выборах, и голосуешь ли вообще. Музыкальный формат - это на самом деле формат поведенческий, это тебе только кажется, что ты выбираешь музыку, выбираешь одежду, ищешь себе работу, переключаешь каналы телевидения, останавливаясь на чем-то для себя любопытном. Ты слишком доверяешь собственным чувствам, собственной интуиции, которая тебя каждый раз подводит, и ты просто не отдаешь себе отчет, что на самом деле это каналы переключают тебя, что на самом деле это тобой водит и бросает из стороны в сторону, от стенки к стенке, что на самом деле заложенная в тебя однажды информация со временем обязательно начинает приносить дивиденды, и дивиденды эти выплачиваются совсем не тебе. Все зависит от музыки, и однажды ты начинаешь проникаться чужими идеями, впуская их на свою территорию, подчиняешься чужому ритму, подпадая под него, корректируя под него свою мимику и свои движения, и ответственных за это нечего и искать - никто не запретит блюз за то, что он сломал твои суставы, никто не посадит Нейла Янга на электрический стул в штате Техас за то, что у тебя выпадают зубы от его гитары. Freedom, говорит Нейл Янг и показывает тебе фак. Freedom, подтверждает суд присяжных и делает перерыв на ланч. Freedom, грустно соглашаешься ты и идешь к знакомому дантисту.

Они сделают так, чтобы я ничего не заметил. Они будут

маскироваться за брендами и музыкальными терминами, они запустят перед собой рекламные ролики и опытных промоутеров, они заполнят эфир старательно и умело, как мама в детстве заполняет бутербродами корзину для выезда на природу. Я вряд ли замечу их работу, проснувшись однажды утром в совершенно враждебном городе, с оккупированным их музыкой и агитацией воздухом, в котором не останется пространства для моих маневров, я даже не смогу вспомнить, как все выглядело раньше, до того, как музыка начала вгонять меня в депрессию, а радиопозывные вызывать боль в мышцах. Они поменяют все - они поменяют заставки к программам, они поменяют голоса ведущих, они будут добавлять к общему звучанию каждый раз все больше пластика, каждый раз все больше пластилиновых заменителей, они будут убирать из музыки все лишние детали, все дополнительные функции, они будут мыть и чистить свою музыку, как тушу кита, они выскребут оттуда все горячие живые механизмы, на работу которых я всегда реагировал, и мне останется пустой блеклый шар, который будет висеть надо мной, холодно переливаясь синтетическим сиянием, словно настоящее солнце, словно горячее сердце, вырванное из груди храброго тинэйджера.
Любовь к музыке антисистемна, и они это понимают, они понимают, что максимально забив эфир и лишив меня возможности выбора, они смогут ожидать от меня нужных действий и прогнозируемых решений. Зомбирование легче всего проводить на уровне ритма, тщательно и целеустремленно, при моем пассивном участии и номинальном присутствии - они запускают свои рожки и волынки, и я обязательно должен присоединиться к большой системной сети переваривания музыкальных звуков, к сквозной, подкожной модели функционирования звука как агрессии, звука как формы моей психической зависимости, голоса как раздражителя всех болезненных, открытых и незащищенных участков моего тела; музыка - это более-менее ритмизированная угроза моей свободе, моему аппетиту и всем моим внутренним процессам, с процессом пищеварения включительно. Они знают мои слабые места, они следят за моими основными маршрутами; голосами и барабанным боем они загоняют меня в отведенные для меня рамки, в приготовленные для меня заповедники, зная, что я скорее среагирую на голос их радиозаставок, чем на голос собственной памяти, для них наихудшей и самой опасной может быть только моя самоизоляция, изолирование от их радиоэфира, исключение себя из этой системы звукового кровообращения; они боятся потерять со мной связь, боятся не иметь ко мне доступа, они начинают паниковать, когда я закрываюсь дома, вырываю антенну из радио, перестаю реагировать на звонки в двери и стук в стены, включаю свою музыку и слушаю ее на максимальной громкости, даже не для того, чтобы лучше слышать, скорее для того, чтобы заглушить все другое, все, чем пытаются наполнить мою голову, как реки водой. Они еще какое-то время будут пробовать достать меня, но #уй - мои дамбы скреплены моей лимфой, моей слюной и кровью, моя музыка давалась с боем, за каждый трек заплачено такой ценою, что ни один динамик не сможет перекричать это многоголосие, не сможет перехрипеть мою золотую коллекцию, мою фонотеку, бифштекс моего джаза, пепел моих святых, моего нейла янга, моего дьявола.

6. Lou Reed. Berlin. У меня появилась странная знакомая. Где-то нашла мой электронный адрес и написала письмо. Там было всего несколько строк, привет, писала она, я прочла твою книгу. Мне тоже нравится Берлин. А еще я люблю серфинг. Странно, подумал я, где она нашла мой адрес? Привет, ответил я ей, ты что - действительно занимаешься серфингом? Нет, написала она, я не это имела в виду, я им не занимаюсь, я его просто люблю. А ты что любишь? В таком случае, ответил я, я люблю онанизм. На несколько дней она исчезла.
С тобой бывало когда-нибудь такое, писала она в следующем письме, что твои самые близкие друзья вдруг переставали тебя понимать. Вдруг? не понял я, нет - такого не было. А что случилось? спросил я, поссорилась с друзьями в школе? Да, написала она, поссорилась. Ну, не переживай, писал я ей, все будет нормально. Что вы там могли не поделить? Школьные завтраки? Какие школьные завтраки? обиделась она, я в колледже учусь. Ну, так помиритесь еще, успокоил я ее, завтра пойдешь в школу, то есть в колледж, и помиритесь. Ты не понял, писала она, в школе, то есть в колледже, у меня все нормально, и у них тоже все нормально, они дома какие-то странные, утром не разговаривают, ссорятся все время. Утром это где? не понял я, в колледже? Да что ты прицепился к этому колледжу, ответила она, утром - это утром, когда мы просыпаемся и идем на кухню пить кофе. Подожди, переспросил я, вы что - вместе пьете кофе, то есть, вы что - вместе живете? Ну, да, ответила она, я же тебе писала - это самые близкие друзья. Мы вместе спим. Ага, сказал я, извини - а сколько у тебя самых близких друзей? Двое, ответила она. Ну, и я третья. А что говорят ваши родители? Родители ничего не говорят, родителей устраивает, что мы хорошо учимся и поддерживаем друг друга. Ага, сказал я, поддерживаете. Да, написала она, поддерживаем. Я их обоих очень люблю. И они меня тоже, кажется, любят. В каком смысле? поинтересовался я. В хорошем смысле, ответила она. Это очень удобно - жить втроем, они меня поддерживают, я им помогаю. Несколько месяцев назад я даже забеременела, но потом потеряла ребенка, в принципе оно и к лучшему - я не знала, от кого именно забеременела, было не совсем удобно. Ну да, согласился я - когда не знаешь, от кого именно, это не совсем удобно. Ну, и что у вас произошло? - мне уже было интересно. Не знаю, писала она, что-то изменилось в последнее время, собственно, с одним из них, с Олегом. Они на самом деле очень разные - один занимается математикой, другой, как раз таки Олег - спортом, волейболом, играет за сборную колледжа, его уже приглашают в университетскую команду, думаю, у него не будет проблем с поступлением. И что изменилось? Вообще-то, я сама не понимаю что, Олег изменился. Мы начали ему мешать, он все время пытается где-то задержаться, или наоборот - раньше уйти из дома, мы по-прежнему живем вместе, спим вместе, но я чувствую, что все не так, как было раньше, что-то изменилось, и изменилось именно с ним, этот его волейбол. Ты любишь волейбол? Нет, ответил я, терпеть не могу. Я тоже, я серфинг люблю. Ты писала, напомнил я ей. Правда? Ну, ладно, и вот - он все портит, не знаю для чего он это делает, может он не умышленно, но он все портит, я очень переживаю по этому поводу. Может он к чемпионату готовится, попробовал я ее утешить. Нет, чемпионат уже закончился, тут дело не в волейболе, тут дело совсем в другом, понимаешь, это такое странное ощущение, будто от тебя отрывают часть тебя самого, речь даже не о сексе, хотя мне с ним хорошо в постели, вообще, мне хорошо когда я с ними обоими в постели, но дело не в этом, дело в том, что нам всем теперь плохо, и ему, ему тоже плохо, может даже ему хуже всех, но он этого не показывает, понимаешь, он не хочет, чтобы мы видели, что ему плохо, он убегает каждое утро из дома и до вечера играет в свой волейбол, хотя чемпионат уже давно закончился, я просто не знаю что делать, как ты думаешь? А тот второй, спросил я, что он? Второй? Второй мучается от этого всего, сидит целыми днями на кухне, пьет кофе с молоком и слушает музыку. А что он слушает? спросил я. Что? по-моему, вельвет андерграунд, да - вельвет андерграунд. И Лу Рида. Сидит целыми днями и слушает Лу Рида. Ужасно, с тобой бывало когда-нибудь такое? Нет, ответил я, такого со мной не бывало, я не люблю кофе с молоком. А Лу Рида ты любишь? Лу Рида люблю, ответил я, а кофе с молоком - не люблю, понимаешь? Понимаю, ответила она, и что мне делать? Слушай, а они, ну, эти твои друзья, они не пидары? Нет, ответила она - точно не пидары, я всегда спала между ними, они со мной такое делали, хочешь напишу? Не хочу, ответил я, лучше напиши о серфинге. И вообще, кажется, у вас проблема, похоже, этот ваш волейболист решил вас кинуть, похоже, ему не нравится групповой секс. Как же так? спросила она, раньше нравился. Не знаю, ответил я, может он вас использовал, может он вырос и не хочет тебя еще с кем-то делить, а может он всё-таки пидар, и ему все это просто не интересно. Ты не думала об этом? Не думала - честно призналась она. Подумай, посоветовал я, и заблокировал ее адрес.
Слабак он, подумал я, просто слабак, этот их мажор, звезда колледжа, он просто обломался жить настоящей сумасшедшей жизнью, спать в одной постели с двумя такими же извращенными и мужественными в своем извращении друзьями, которые делили с ним презервативы и кофе с молоком, которые засыпали, дыша с ним в унисон, как с настоящим братом по оружию, братом по любви, братом по кровяным сгусткам и потовым железам. Очень легко отказаться от искушения идти вразрез с установленным поведением, и вместо искривленной, болезненной и сладкой коллективной любви выбрать стерилизованный коллективный спорт, в нашем конкретном случае волейбол, понятно, что так проще, вместо того, чтобы спать со своей шестнадцатилетней подружкой, покупать ей противозачаточные таблетки и мыть ей по утрам волосы, куда проще поступить в университет без экзаменов, подвязать благополучно со своим волейболом, превратиться в среднестатистического представителя фашистского гражданского общества и всю свою дальнейшую жизнь дрочить на глянцевые журналы, так, разумеется, проще, большинство именно это и выбирают, именно такое жизненное поведение почему-то по-прежнему считается нормальным, она, в конечном итоге, тоже - поплачет, поплачет, но экзамены сдаст нормально, поступит в университет, выйдет замуж, будет работать в офисе, родит таки своих детей, не имея ни малейших сомнений, от кого именно она их родила, желая эти сомнения иметь, но, к огромному сожалению, ничуть их не имея. Единственный, кто мог из этой ситуации выйти с достоинством, это чувак на кухне, тот, который слушал Лу Рида. Его я понимал, я бы в этой ситуации тоже слушал Лу Рида, старый пидар Лу Рид мог как никто другой рассказать, насколько безнадежными бывают обстоятельства вокруг нас, мог объяснить, как выжить и как не впасть в отчаяние, когда теряешь друзей, когда твои друзья не выдерживают твоего бытового драйва, не выдерживают того темпа, который ты задаешь, не вытягивают до уровня твоей оторванности и асоциальности, спрыгивают на ходу с подножки вагона, который ты перед этим долго и настойчиво разгонял. Его, этого чувака, который пил от безысходности кофе с молоком, как раз таки и можно было понять - хуже всего, когда человек, которого ты считал братом по разуму или его отсутствию, оказывается слабаком, не выдерживает давления со стороны нормального взрослого мира, подстраивается под него и вместо того, чтобы вместе с тобой весело трахать каждую ночь вашу общую подружку, сидит в пропитанной подростковым потом раздевалке и слушает дебильные рассказы своих одногодков, которые совсем ничего не знают о темных и наиболее интересных сторонах этой жизни, об аморальной изнурительной подростковой любви, которой он так стесняется и от которой так настойчиво пытается избавиться, а избавившись, долго сидит в пустой комнате, даже не замечая, что вместе с аморалкой исчезла его способность доверять другим, что система умело и просчитанно использовала его мышцы и легкие, что жизнь выглядит намного привлекательней, когда начинаешь менять её под себя, что все одноклассники давно его оставили, одного в раздевалке, что чемпионат, который казался ему таким важным, давно закончился, а он так и не стал чемпионом, и уже никогда-никогда им не станет.

Сергей Жадан

фото александр кадников-таврический
<kodak67@mail.ru>

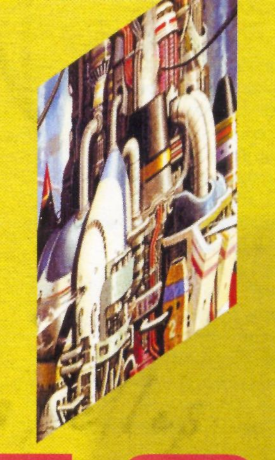
Fanfare Ciocarlia
Gili Garabdi: Ancient Secrets Of Gypsy Brass
Asphalt Tango

Закономерный романешти-вопрос современным музыкальным критикам: "А кто вам сказал, что джаз придумали черные? Наших в Америке начала XX века тоже хватало!" Балканы нас атаковали изящно, но жестко. Так их было много, что появился термин "балканщина". И на Бреговича киевского, в конце концов, все ходили только потому, что бесплатный был. А эти - они как "Skatalites" на Джамейке. Понимают простоту и знают, где находятся границы. Часто рубят хитовые кавера (здесь есть, среди прочих, "007 Бонд" и "Караван") и просто веселятся. Джаз вот сочиняют и вещают о "древних секретах цыганского духового мастерства". Румынская рукопашная.

Sexy танцовщицы

На два лица

фото:роман геращенко<gastella@mail.ru>

dEUS
Pocket Revolution
V2

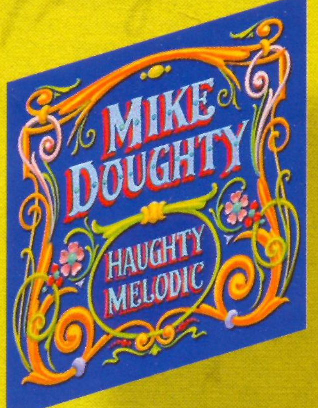
Карманная революция, говорите? Честно-честно?.. Четвертую пластинку после ухода одного из рулевых группы Карленса мы уже и не ждали, но мир без чудес - что машина без колэс. А dEUS - это ведь чудо. Диджействование Бармана не помешало записать ему альбом, вполне осененный всеми богами, ответственными за предыдущие евангелия этой бельгийской опоры инди-рока. Даже Карленс, говорят, лапу приложил, спел-таки. Грустно им друг без друга. Пишут сами себе разные пластинки, безусловно хорошие, но... Ватсоны ведь не могут жить без трубок. Посвящается всем поклонникам гитарной меланхолии, взрывающихся усилителей и гармонических наворотов. Не спать!

6739

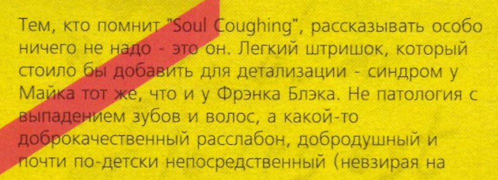
Nudge
Cached
Kranky

Вторая пластинка мульти-инструментального коллектива. И настораживает, и греет. В упор не понимаю, что такое пост-рок плюс IDM. Наверное, боюсь. Электроника должна быть глюкавой и осознанной, иначе она превращается в балование с софтом. В данном случае, она глюкавая и забористая. Можно и подумать, и повтыкать в 2 абсолютно отмороженных трека с поющей сиреной (сладкоголосая девушка такая, а не то, что кажется с разбегу). А еще можно прекратить, наконец, употреблять и признаться себе, что подобные альбомы - это не набор "сделай сам из того, что осталось от взрослых", а вполне самодостаточная музыка. Причем - в меру попсовенькая. Но все равно слушабельная.

Mike Doughty
Haughty Melodic
Ato

Тем, кто помнит "Soul Coughing", рассказывать особо ничего не надо - это он. Легкий штришок, который стоило бы добавить для детализации - синдром у Майка тот же, что и у Фрэнка Блэка. Не патология с выпадением зубов и волос, а какой-то доброкачественный расслабон, добродушный и почти по-детски непосредственный (невзирая на "высокомерное" название пластинки). "Вам не нравится, что я вам сегодня сыграть собрался? Да ладно вам шутить. Серьезно не нравится? Ну и хэ с вами, пойду собакам во дворе вашей забегаловки спою. Или вообще спать пойду". Гитаристы в отпуску, короче. Правильно - надо же когда-то и в крыма с флоридами съездить.

Rotterdam Ska-Jazz Foundation
Sunwalk
Grover

Одно название коллектива скажет больше, чем любая рецензия. Это вам не оркестр какой-нибудь, а целый восьмичеловековый "фаундэйшан", посему - равняйсь-смирно, на первый-второй рассчитайсь! Свои собственные треки они традиционно смешивают с традиционными ска- и джаз-хитами, солнечной походкой разгуливая по миру и рассыпая килотонны отличного настроения, слегка омраченного, конечно же, недавней смертью одного из ска-папочек Лаурела Айткена. Но не настолько, чтобы сбиться с вечной второй доли. И дудок, дудок побольше! И вообще, громче сделайте, а то соседям не слышно.

Эдисон, светлая ему память - гений акустического рока, сподобившийся однажды любую эмтивишную безрозетную пакость расцветить килолюксами электричества. В память о таком даре свыше художник и музыкант Девендра Банхарт нарисовал новую картинку под названием "Ворона-калека". А при наличии достойной обложки, альбом для него записать было - тьфу! - и растереть. В общем, все случилось так, как и обещал его лысый и мрачный покровитель Майкл Джира: записали Девендру, как всегда, в чистой акустике и без каких-либо там прибамбасов, но потом дрогнула рука у монстров пато-рока и расцветили они Банхарта электроламповыми нюансами, увешали цветами скрипично-клавишных аранжировок и всячески надругались над собственными клятвами. А Банхарт сидит, посмеивается, винцо потягивает да семечками поплевывает.

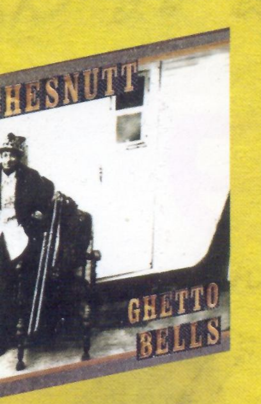

Devendra Banhart
Cripple Crow
XL

after session

Vic Chesnutt
Ghetto Bells
New West

Вязкий наворот всего, что приятно - от голоса этого дяди, столь напоминающего Марианну Фэйтфул, до расслабленно брынькающей гитары, которая шепчет тебе "не все вокруг - садисты!" Эдакий Коэн в обрамлении портретов Кэша и Вэйтса. Но так ведь душевно... Так тянет жилы! Аранжировки направо и налево обещают эстетический экстаз, и сладкая нега американской народной музыки конца XX века неярко струится по стойке бара, в котором вы (естественно, в обществе прекрасной дамы) благополучно вознамерились нарубаться в дым. Но что-то останавливает... Возможно, это что-то - звуковая палитра, уже заполнившая до краев вашего внутреннего директора пива.

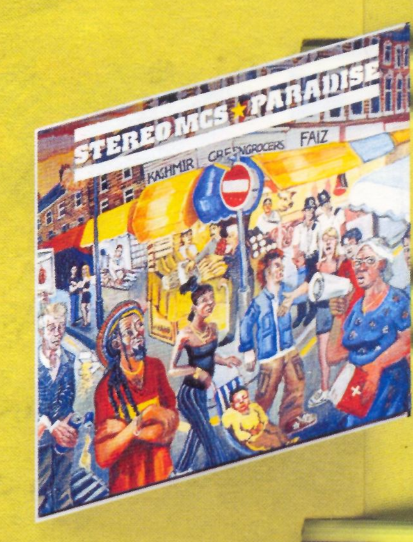

Stereo Total
Do The Bambi
Disko B

Нельзя наверняка сказать, кто кого шишикает - и Германия, и Франция на высоте. Дуэт молчал 3 года и, наконец, "сделав Бемби", благополучно разродился. Никакой педофилии (кроме, разве что, "а-ля шарман Гинзбур") - сплошное жизнеутверждающее электропоповое издевательство. Альбом мягкий, как ширинка пьянючего шансонье, и ни к чему, кроме прослушивания, не обязывающий, как политический максимализм зеленых радикалов. Просто милая музыка. Детям тоже понравится.

6740

Stereo MC's
Paradise
Graffiti

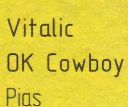

Функ ё эсиз, ю, дёрти санавабичиз! Больше ничего добавить нельзя, поскольку новый альбом этих великих вечно выпрямляющихся торчков свалился на голову рецензенту внезапно, речи он не подготовил и после пятикратного прослушивания радикально сменил прическу, поклявшись купить себе очки, как у Стиви Уандера, и слушать только безумного Бёрча ("Боже, какой я худой!") с его гаремом. Это будет трудно, но не попробуешь - не узнаешь.

Quantic Soul
Orchestra
Pushin On
Tru Thoughts

Если лет так через 20 планета обогатится на очередную тарантину, то тарантина эта наверняка будет озвучивать свои мегаблокбастеры, среди прочего, и этой командой. Фанкующий джазец, иногда отдающий терпким душком афробита, иногда срывающийся в математически обоснованные импровизации (это я только что придумал), но все 39 минут звучания держащий тело в тонусе, а уши торчком. Если будете слушать на работе, уберите со стола карандаши и ручки - синкопированный грохот из вашего местообитания могут истолковать превратно.

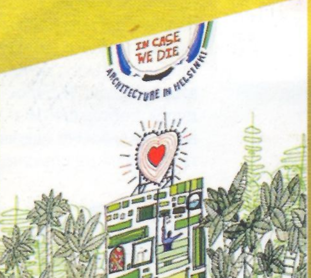
Vitalic
OK Cowboy
Pias

Кому как, а мне это показалось очень танцевальным. Меганарезка всех прослоек плясовой волны 80-х, нафаршированная эклектикой 90-х. Легкий, как дымка над утренним Большим Барьерным рифом, альбом австралийской великолепной восьмерки программирует летний отпуск на жизнеутверждающую беззаботность. Опять инди-поп, опять три ведра претензий на гениальность композиционных талантов, и все это в, опять же, пышной канве аранжировок и дудочного инструментария. Кто-то спросит, на каком конвейере все это штампуют и кому надо столько инди-попа? Видать, надо, раз инди-поп не влачит жалкое существование, а вполне нормально так процветает, невзирая на то, что он - инди.

Дискотека поломалась. Виталик (ранее известный как Дима) - это не русский файерстартер, а француз. И зовут его вообще-то Паскаль. С 90-х годов его ранние работы, от экспериментального нойзового техно Димы до первого 12" под нынешним псевдонимом, крутили разные законодатели дэнсфлористики. Aphex Twin и Laurent Garnier не смогли пройти мимо и не купить у диджея Хелла (выпустившего на Gigolo дебют Виталика "Pony" EP) хотя бы немного паскалевского винила для своих сетов. Виталик - розовый и пушистый, как выхухоль. Скромный, но не стесняющийся творить, выдумывать и пробовать. Обычный французский селянин Паскаль, по выходным превращающийся в гипервостребованного диджея Виталика, the разрушителя.

Architecture
In Helsinki
In Case We
Die
Bar/None

Frank Black
Honeycomb
Cooking Vinyl

frank black
honeycomb

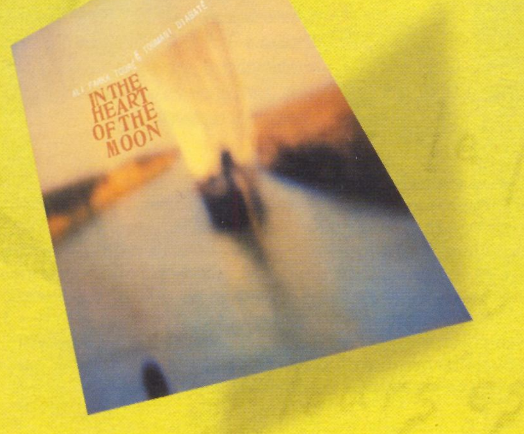
Как же он кричал! Как рычал и кидался на всех нас, эльфообразно взлетавших на любой цветок, опыленный благодатью "Pixies", а?! И вот он усталым голосом поет какое-то радужное (от маслянистых бензопятен в лужах, не иначе) урбанистическое кантри. Инди-рок - явление престранное. Оно и вашим, и нашим. И это - закономерно. "Попускай, попускаясь". Этой пластинкой Блэк, наверное, тестирует старых поклонников - услышат они или нет эти классические "чуки-чуки" его гитары? Уловят ли знакомые нотки латентной истерии в мягком голосе толстого карлсона? Записанный в Нэшвилле (о Боже!) "Honeycomb" - внезапный чилл-аут для старого эльфопоклонника.

6743

Hood
Outside Closer
Domino

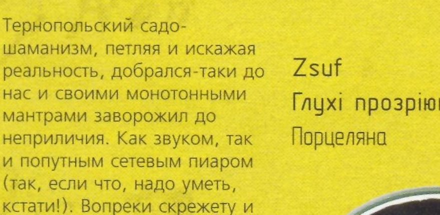
Не самый свежий, но очень хорошо проваренный и вообще мастерски приготовленный "доминошный" релиз от британских электроников, отягощенных гитарами и тяжелым чувством собственной неуместности в этом жестоком мире. Соплями это назвать нельзя - это у них в Англии муд такой хиляет модный, зачатый еще в 93-м радиоголовым Йорком. "Да, я ублюдок и урод, убейте меня, я никогда не смогу измениться!" И "Four Tet", и "Mum" со всякими исландскими некро-пацифистами витают в воздухе и сладко хватают зубами за уши, напоминая о своем существовании. Не настырно, но морщить лоб не приходится. Красивая и печальная пластинка. Приготовьте носовые платки.

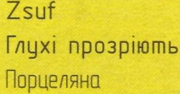

Ali Farka Toure & Toumani Diabate
At The Heart Of The Moon
World Circuit

Малийская малина. Исполнители, которые исполняют. Мегамикс двух локальных культур, никогда не пересекавшихся доселе, если верить ненадежным источникам. Север и юг Мали сошлись и дали джазу, размахивая гитарой и корой (арфой такой африканской). Третейским судьей выступил неуёмный в своей этнозависимости Рай Кудер. Вопреки старой привычке, Фарка не поет. Инструментальные зарисовки лирической стороны сурового быта околосахАрных регионов планеты. "Из далека долго течет река Нигер" и "Летять марабу", для аналогии, если что...

Zsuf
Глухі прозріють
Порцеляна

Тернопольский садо-шаманизм, петляя и искажая реальность, добрался-таки до нас и своими монотонными мантрами заворожил до неприличия. Как звуком, так и попутным сетевым пиаром (так, если что, надо уметь, кстати!). Вопреки скрежету и лязгу ранее услышанного о группе, "жесткачём" в полнометражном смысле это не назовешь. Концептуальная антимузыкальность самонивелируется как Уроборос, уверенно выкатываясь на прямой путь к своему покорному слушателю. Украина нуждается в пост-индустриальном оптическом прицеле, ибо есть в кого, чем и зачем стрелять. Электричество и шум должны служить людям. Глухие должны прозреть. Вот только за зрячих страшно - не оглохли бы...

JUAN MACLEAN
less than human

Juan Maclean
Less Than Human
DFA

Лейбл остается верным себе и своим исторически сложившимся ориентирам: дебютный сольник бывшего "Шестипалого Спутника" дона Хуана Маклина брызжет панковой грязью, центробежно/ускоренно разлетающейся с вертушек, на которых неестественной смертью умерщвляются диско-пластинки. Иногда гитарная партия помогает слушателю уяснить, с чем же он тут дело имеет. Коксохимическая пластинка наводит понтонные мосты между Маклином и директорами DFA Мёрфи и Голдсуорси, давая надежду на вероятный совместный проект - уж очень цепляющий получился бит. Почти ретро-попса, запятнанная диско-панковой профанацией, не покидает редакционного плей-листа, регулярно предвещая скорый конец рабочего дня. Хотя иногда и задрачивает...

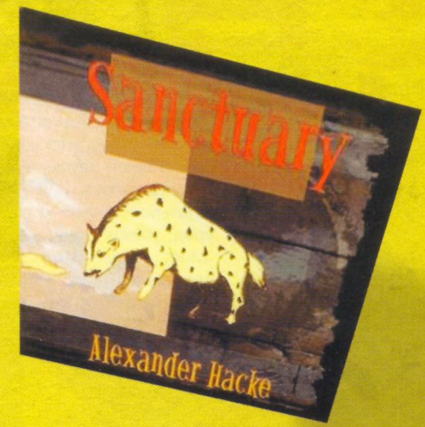

John Vanderslice
Pixel Revolt
Barsuk

Джон - трудоголик, официально стоящий на учете в соответствующих инстанциях города Сан-Франциско. Его студийные бдения, наверное, являются самым главным кошмаром для сотоварищей по работе. Кто-то однажды назвал его лоу-файщиком. Завистники...

Месть жестока, хотя и желанна, как смерть во сне: минимально аранжированный, "Pixel Revolt" уверенно отстреливается из более крупного калибра, среди болтунов классифицируемого, как э-э... мелодизм. И патронов у него - мама родная! Ну, и голос, конечно, у него хороший, это да.

Alexander Hacke
Sanctuary
Kool Arrow

Ноги мои, ноги... Бегать туда-сюда, поспевая за немцами - дело большой трудности. Саша Хак(к)е(р) - работник культа "разрушающихся новостроек" с гитарами, электроприборами и мозгами, отравленными еще в детстве всякими "краутами" и прочей немецкой апологетикой. В отличие от "Einsturzende Neubauten", он менее железобетонен, изобилует похожими на пост-рок аккордами, но в данном случае даже такой Хакке - уже не Хакке. Его "Прибежище" - это философский пост-индастриал-сайко-хэви-метал, после 13-минутной заглавной песни которого Мэри Мэнсон, подобрав юбки, отправляется автоудовлетворяться, плюс горловое пение и еще много всякого личного.

С бета-версией клиента "Поиска Души 157" боролся Владушка-Оладушка. Славянские буквы любезно предоставлены русским алфавитом образца 1919 года. Английские украдены с разных буржуйских порталов и серверов.

Death Cab For Cutie
The John Byrd EP
Barsuk

Зальные нарезки из прошлогоднего тура не остались пылиться на полке мистического Джона Бёрда, записывавшего все подряд, что группа только не исполняла. Ребятки скомпилировали миньон, изрядно насытив его сценическими терками, и выложили в дискографию. Говорят, это они так разминались перед новым полнометражником. Инди-поп с гитарами, голосистый соловей и пушистые мелодии - все 35 минут жестко на поклонника жанра. Не то, что надоедают... Просто не проходят по системе Станиславского. А так - вполне даже крепко взбитая пластинка. Крем-брюлле.

Красивая старая тёлка. Сексапильность не стареет, и барышня по-прежнему стоит дорого, так потом ещё и носом вертеть будет. Буржуазное воспитание не одного испортило, да и сама Джейн, думаю, тоже попортила немало народу. При товарище Сталине такую деву наградили бы и в ГУЛАГ лет на надцать - пущай поёт, кокаинщица (насчёт последнего - не уверен).

Ну это всё так, вступление - а времени маловато... Поёт женщина в дорогих заведениях и поёт так: что ни песня, то Овидий или Пастернак, душевно. Языками я к радости империалистов не владею, и толмача рядом не было, да и был бы - толку с того, эти буржуазные песенки и так понятно о чем: НОЧИ СТАНОВЯТСЯ ДЛИННЕЙ, А СМЕРТЬ НЕ СОГРЕЕТ, СЧАСТЬЕ НЕ В ЗОЛОТЕ, А В НЕФТИ, ЕСЛИ БЫ ЛЕТАЛ, НЕ БУХАЛ БЫ. Думаю, она не такое запела бы, родись на тысячу кэмэ восточней и северней, а если я и ошибаюсь, то товарищи меня поправят.
Политкорректность заставляет сказать следующее: концерт был великолепен, но чую, что и она, и зрители - контра. Чую, а доказать, блин, не могу...

<30 лет назад

фото и текст александр кадников-таврический
<kadak67@mail.ru>

спасибо алексею павлову
и виталию бардецкому

Г О Н З О Л Е Т О

В Москве по ночам горят книжные магазины. Оно и понятно: там много сухой бумаги, а летом жара, достаточно одной искры от сигареты или из глаза. Первой воспламенилась «Билингва». Знающие шепчутся, что в этом клубе, за тайной шторкой прятался сайт «Полит.ру», где всю аналитику сочиняли писатели тарантиновского направления Белобров и Попов, и вот, мол, «проводка» возгорелась тут неспроста. Но мне ближе мысль, что возгорание вызвал мистический спектакль совсем другого писателя, Андрея Бычкова. Накануне пожара он ставил в «Билингве» своё шоу, посвященное им же написанной «Дипендре». Сначала соловьем заливался Летов-старший, или «Серега, брат Егора», как его гораздо чаще называют, а после на сцене строили виселицу, делали петлю и жгли всё это под духовную восточную музыку. Андрей объяснял, что пепел петли повешенного — важнейшая вещь в тибетской гомеопатии и спасает от паранойи. Без такого пепла богом не стать — главный урок его романа о порче, жертве и трудном детстве. Для не верующих в силу литературы: когда, за месяц до «Билингвы», Бычков строил ту же виселицу и жёг ту же петлю по другому адресу, во всей Москве вообще вырубился свет, задымила промзона, встал транспорт и подземные пассажиры в метро, аукаясь, блуждали по тоннелям. А через неделю после «Билингвы» в два ночи испепелился «Фаланстер» - двое неопознанных мотоциклистов бросили нечто в окна. Моралисты посыпали бы головы книжным пеплом. Диалектики из «Фаланстера» рисуют угольком на асфальте план своего нового помещения. В ремонте записалось участвовать более сотни человек. Конспирологи гадали бы, кто заказал поджог? Диалектикам из «Фаланстера» всё абсолютно ясно: это никак не могли быть те, кого пресса обычно подозревает в пиромании — любые «ультрас», «контрас», «анти» и прочие тамильские тигры ходили сюда, как к себе домой. А значит, методом исключения, поджечь могли только наиболее законопослушные, ответственные, созидательные и конструктивные представители нашего общества. Сева Емелин прямо на головешках устроил свой вечер и прочел предельно в такой ситуации ободряющее: «Тот, кто жопу сбережет, душу потеряет!». Между прочим, есть жертвы: погибла, задохнувшись книжным дымом, ручная крыса «Геноцид», проживавшая там с момента основания, т.е. без малого три года. Геноцид мог похвастаться знакомством с бесчисленными писателями, издателями, художниками, политиками и прочими живыми легендами, наводнявшими магазин-коммуну всё это время. Крысу похоронили тут же, под деревом, в уютном дворике на Бронной. Не грех вспомнить и остальную историю этого места, к основанию которого я основательно приложился и даже дал ему имя.

Боря Куприянов, работавший тогда в «Гилее» человек, знающий всё обо всех книгах на пять лет вперед и назад, сказал историческую фразу: «мы создадим магазин-коммуну!». Что и было сделано. Судите сами: в «Фаланстере» принципиально никогда не было должностей, зарплат и начальников: каждый коммунар получал свой процент прибыли, исходя из отработанных трудодней, и являлся совладельцем. На первых порах этот процент частенько равнялся полному нулю. Все решения принимались консенсусом, а если согласия не получалось, меньшинство не должно было подчиняться большинству. Эта творческая анархия исправно работала и быстро добилась успехов и известности, справляясь и с арендой и с конкуренцией. Нигде в Москве, насколько я знаю, нет ни больших, ни малых начинаний, организованных подобным образом. Отчуждения от труда и от других работников в таком режиме не возникает, а ионизированный свободой воздух не заменишь ничем. Группа оказалась одинаково верным выходом как из толпы, так и из одиночества. В «Фаланстере» жили в настоящем времени, не откладывая себя на будущее и не упиваясь геройским прошлым. Добивались от жизни исполнения её обещаний. Практиковался бук-кроссинг, т.е. коммерческий Обмен соревновался со Свободным Даром. И никаким политическим «друзьям» комиссарить не позволялось, так как считалось: всякая идея распространяется настолько, насколько развивает живое творчество масс, и никакого руководства! Через всю Москву, короче, ездили люди взять подборку журнала «НАШ» или видеоархив движения ЗаИБИ (За Анонимное и Бесплатное Искусство). Где еще, как не в сей автономной зоне, можно было наблюдать живое общение муллы, скинхеда, авангардного поэта и звезды рэпа?

Сначала, помнится, под морковным потолком на крюке висел макет винтовки М16, обернутый в куфию. Но пришла милиция с обыском и попросила снять: «с улицы в окно вид слишком экстремистский». Никакой другой крамолы не нашли, конфисковав лишь «Энциклопедию секса» на экспертизу. Действительно, мало ли что напечатают под такой обложкой? Винтовку сменил акварельный портрет никому не известной женщины. По секрету, на ухо и только своим здесь рассказывали, что это знаменитая немецкая бомбистка Ульрика Майнхофф, тайно вывезенная в 70-ых в СССР и доныне живущая по поддельному паспорту где-то под Саратовом. Работает в поликлинике. Круг своих, впрочем, непрерывно расширялся, отдельные коммунары переженились между собой и даже завели детей, а это что-нибудь да значит. «Фаланстер» стал школой, сделав одного признанным киноведом, другого - редактором, а третьего - даже «человеком года» (в номинации «Человек Книги - 2004»). Что до меня, то я сделался постоянным автором журнала «НАШ», а это не собачий кукиш.

На могиле крысы Геноцида построили свой фаланстер крылатые муравьи. Это неожиданно и интересно. Расследование пожара ни к чему особенному не приводит и ведется в стиле «амбиент». Это неинтересно и ожиданно. Не читайте дальше, если наши представления об интересном не совпадают.

Еще летом случаются рок-фестивали и самый амбициозный из нынешних был международный «Лайв Восемь». Затеяли его неугомонный гуманист Боно и фотогеничный доходяга из паркеровской «Стены», помните, он там под пинкфлойдовские гимны превращался, не справившись с личным горем, из декадента-неудачника в элегантного фашистского лидера, на которого равнялись марширующие гвоздодёры? Так вот, идея была такая: чтобы рок, не побоюсь добавить, музыка стала представительством несчастного третьего мира, который все вообще жалеют и на который всем в частности положить. Особенно Боно и другие сознательные музыканты напирали на взывающую к справедливости арифметику:

450 человек владеют собственностью большего объема, чем половина населения земли, полсотни стран за последние 15 лет стали беднее, а в 15 резко возросла детская смертность, ежегодно число «бедных на грани жизни» возрастает на 28 миллионов человек. Для того, чтобы обойтись без голода нужно 5 миллиардов гринов в год, чтобы сделать всех грамотными — 6 м.г. в год, забыть о «нищете на грани жизни» - 40 м.г. в год. Для контраста: в Японии менеджеры тратят на вечеринки ежегодно 35 миллиардов гринов. Европа тратит на алкоголь 105 м.г. в год, а на рекламу и маркетинг — 1000 м.г. Ежедневные спекуляции на мировой бирже равны 1500 м.г.

Как висело над доской в моей школе: «Математику уже затем учить стоит, что она ум в порядок приводит». Кажется, Михайло Ломоносов.

Итак, голос третьего мира, усиленный звездами эстрады на концертах во всех столицах «большой восьмерки», заставит раскошелиться лидеров этой самой восьмерки, забыть долги и завалить третий мир халявными консервами и пенициллином? Известная каббалистка и детская писательница Мадонна в Гайд-парке вывела на сцену за руку свою черную «сестру», тоже певицу, в модненьком этническом костюме. «Сестра», пару лет назад реально умиравшая от этого самого голода в Судане, явно смущалась, тушевалась, дичилась и не желала позитивно двигаться под общечеловеческую музыку. По её неглупому лицу заметно было: не верит в этот балаган.

«Восьмерка», съехавшаяся в Эдинбург и отгородившаяся спиральной проволокой от начитавшихся той же арифметики стритфайтеров, готова была прислушаться к «третьему миру», т.е. к Мадонне, Боно, Элтону Джону и «Петшопбойзам». До небывалого единения глобалистов («да шо мы обеднеем?»), звезд MTV («мы донесли стоны угнетенных по адресу!») и антиглобалистов («ребза, они уже прогибаются!») оставалось несколько часов, но у третьего мира вдруг нашлись альтернативные представители, которые аннулировали большой концерт, сорвали хэппи энд, переписали «восьмерке» повестку дня и вообще превратили комедию в драму. Их концерт оказался громче. Они взорвали шесть станций лондонского метро и несколько двухэтажных автобусов. А через пару недель повторили это в бескровном варианте, чтобы никто не сомневался: безопасности не будет. Полгода назад популярный египетский радикал Самир Амин сказал на безбрежном митинге в готической тени Саутворкского собора: «Ирак откроет второй фронт войны здесь, в Лондоне!» и услышал в ответ восторженный рёв. Не знаю, так ли он это себе представлял, но взрывами в метро открылся, а точнее, продолжился (год назад бомбили испанские поезда) именно «второй фронт иракской войны». Аргументация бомбистов известна: вы оккупировали всё, что сопротивлялось, купили в третьем мире всё, что хватило ума оценить, одели хомут на все шеи, какие нашли, и нам совсем не интересна теперь ваша гуманитарная дискуссия о том, насколько хорошо следует кормить своих рабов и военнопленных. «Капитал», кстати, переводится с древнеримского, именно как «поголовье рабов». Одним из вдохновителей бомбистов уже назван прессой ливанец Омар Бакри, читающий на эти темы целые проповеди. В Лондоне антибомбистская истерия привела к тому, что в метро полицейские застрелили электрика из Бразилии, виновного только в том, что его внешность и поведение слишком ассоциировались с третьим миром и смуглыми самоубийцами. В один день убрали с английских улиц все красные стремянки. Их оставляли у оград богатых владений анонимные художники, чтобы каждый желающий мог подняться и поглазеть, чем там занят правящий класс на своей земле? Пропагандистская истерия это когда вам сто раз в день говорят из всех розеток: «Бомбистам нас не запугать, и они ещё никогда и нигде не добивались своих целей». Причина же истерии в том, что бомбисты добиваются своих целей примерно в половине случаев. Без бомбистов не было бы, к примеру, современного Алжира, Кипра, Ирландии, Израиля и Палестинской Автономии. «Бомбистами» из «террористов» они стали вот почему: террорист по-английски «устрашатель», и потому западные медиа дружно решили это слово больше не употреблять. А у нас «бомбист» уже был и стойко ассоциируется с антикварным идеализмом и примитивной химией столетней давности.

Половину мира терзает голод и тропический вирус, а вторую — бессмысленность бытия и реклама, за которой не угонишься. Конечно, террори..., пардон, «бомбизм» не является единственным ответом на мировое неравенство. И, ознакомленный ещё в школе с идеей социального прогресса, ищешь на глобусе, где же оно сейчас возникает, будущее? А кто ищет, тот и найдет. В Латинской Америке новая революция, на этот раз в Боливии. Вооружившись, чем бог послал, боливийский народ разогнал президента, правительство и парламент, за что ему пообещали новых президента, правительство и парламент, которые будут гораздо лучше, на что вооруженный народ сдаваться отказался, заявив: пока весь газ не станет нашенский, и все янки не гоу хоум, стрельба и танцы будут продолжаться. Верховодит бунтом Эво Моралес, лидер «движения производителей коки», прославленный народами кечуа и аймора за бескомпромиссную защиту плантаций этой самой коки. Таких восстаний в Боливии за последние пять лет было несколько, но это первое успешное, с захваченными индейским мужичьем столичными дворцами и пылающими офисами «Бритиш Петролеум». Кроме прочего, у боливийцев есть комплекс народа, который выдал и казнил команданте Че, и теперь вот революция их всех реабилитировала. К слову о команданте, никому доселе не известное издательство «Клепиков» издало по-русски «Дневник мотоциклиста», ну, по которому снят модный фильм. Поразительно буратинистые, нудные и клишированные заметки, доказывающие лишний раз, что великим людям даны отнюдь не все таланты. Всё, чего вы не найдете в этой книжице, ищите в дневнике другого мотоциклиста, у Пирсига в «Дзене и искусстве ухода за...».

Но вернемся к Боливии. Она присоединяется теперь к тому, что красиво названо «боливарийской революцией», и становится седьмой страной, вступившей в (терминология аналитиков госдепа США) «новый советский союз» или «латинский красный пояс». Пояс этот не перестаёт всех удивлять. Удивляет Фидель тем, что сджюил дожить до исполнения своих самых несбыточных мечт о «красном континенте». Удивляет президент Лулу в Бразилии, сделавший министром культуры хакера, сторонника полного легалайза кислоты и вообще человека, внешность которого не видна из-за обилия дрэдов. Удивляют они вместе взятые с Уго Чавесом, тем, что только что запустили свой спутниковый телеканал «Телесур», направленный «против культурного империализма», а на должность главного умника призвали индуса Тарика Али, всемирно известного марксистского сочинителя, папа которого основывал индийскую компартию. США немедленно высказались в том смысле, что это вызов, и они такое телевидение будут глушить. Непонятны две вещи: как глушить спутник? Технически это почти невозможно. И зачем его глушить? Пока «Телесур» показывает только передачи за латиноамериканскую музыку тире литературу.

Алексей Цветков

нейным отделом милиции на ст.Днепропетровск разыскивается безве
ропавшая гр-ка Шминец Вероника Степановна I7.II.I984 г.р.,

икметы: рост I73 см, худошавого телосложения,лицо овальное,но
й, волосы темно-каштановые средней шины, глаза светло карие.
одета: джинсы светло-синего цвета,свитер с капюшоном черного
по колен,босоножки на высоком каблуке джинсовые с шнуровко
о шиколотку.

естно о местонахождении Шминец В.С.просим соб
3, [redacted],или по адресу :
я I5.ЛОна ст.Днепропетровск

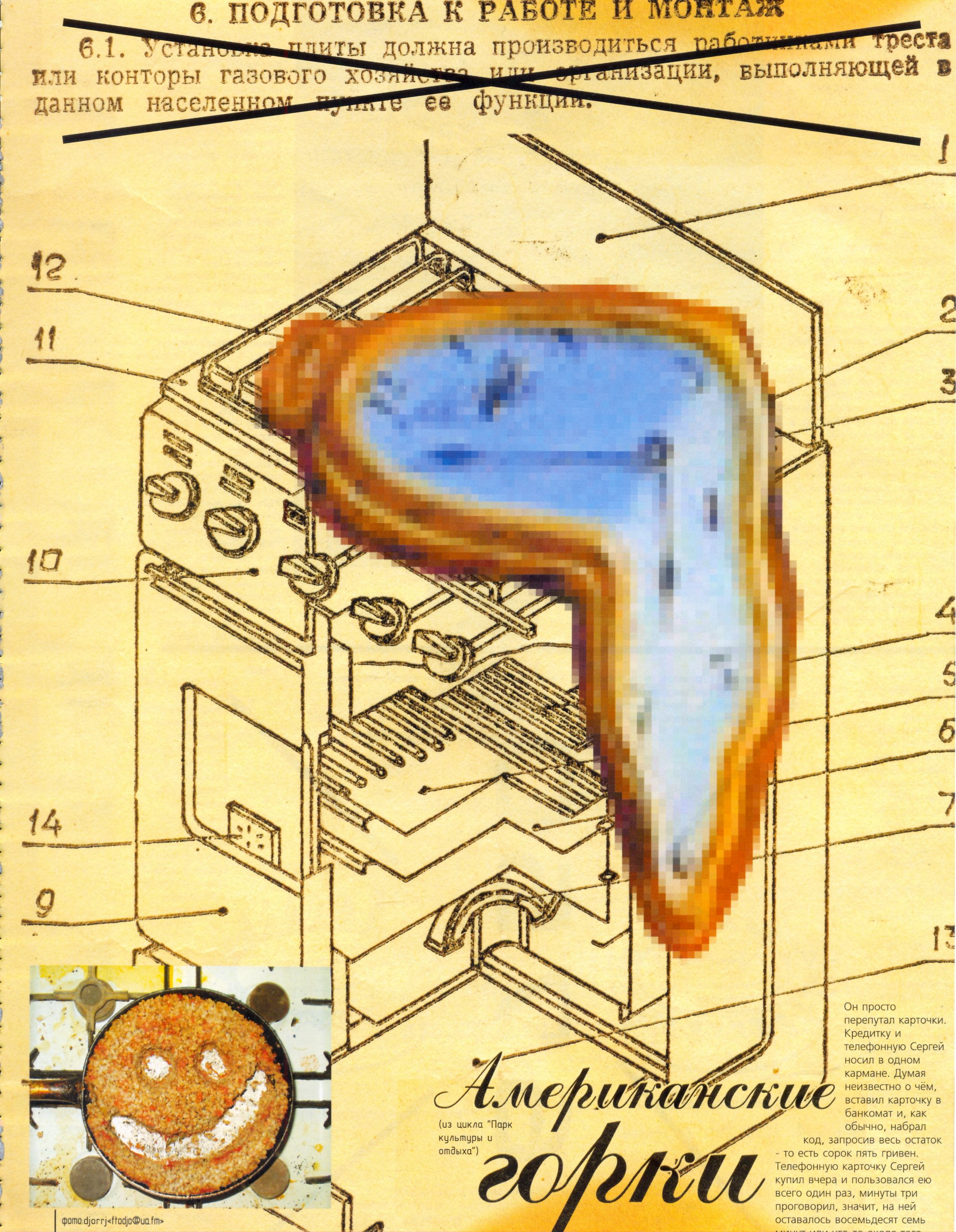

фото:djorrj<ftadja@ua.fm>

Американские горки

(из цикла "Парк культуры и отдыха")

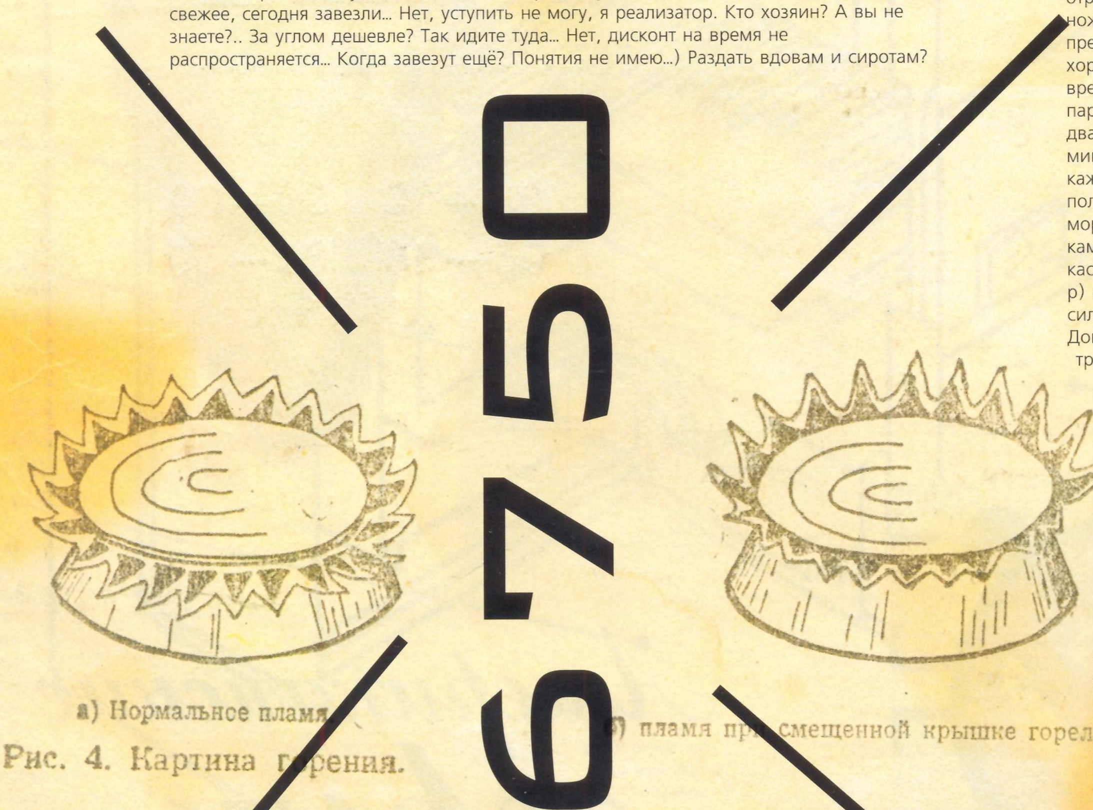
Он просто перепутал карточки. Кредитку и телефонную Сергей носил в одном кармане. Думая неизвестно о чём, вставил карточку в банкомат и, как обычно, набрал код, запросив весь остаток - то есть сорок пять гривен. Телефонную карточку Сергей купил вчера и пользовался ею всего один раз, минуты три проговорил, значит, на ней оставалось восемьдесят семь

Банкомат карточку принял, на несколько секунд задумался, и из щели повалил желтоватый, пахнущий серой дым. Сергей испугался, что поломал банкомат, начал оглядываться: видел ли кто-нибудь? Никого не было. Вытащив карточку из банкомата, Сергей понял, что она телефонная.
Серный дым не рассеивался, завис на расстоянии приблизительно полутора метров от земли, слева, и вроде начал концентрироваться, становиться плотнее. Не прошло и минуты, как он застыл в форме параллелепипеда. Восемьдесят семь минут были размером с крупный портфель, ядовито-жёлтого цвета, желеобразного вида. Потом хлюпнулись на асфальт и, не растекаясь, чуть подрагивали, как холодец. Холодец - блюдо, даже внешний вид которого вызывал у Сергея тошноту. С детства. К тому же - недавно ему рассказали анекдот про голодного солдата, остановившегося на ночлег у старушки, в доме которой не было ни крошки. Когда старушка куда-то отошла, солдатик обшарил все углы и нашёл под кроватью кастрюлю с холодцом, который и проглотил одним махом. Наутро солдатик попенял старушке за жадность, а она ответила: "Какой холодец, сынок? Бог с тобой! Я в кастрюлю двадцать лет туберкулёз сплёвывала".

фото:стас волязловский

К банкомату подошёл мужчина, без проблем получил свои деньги и, увидев сережины за восемьдесят семь минут, спросил: "Это ваше?" "Моё", - ответил Сергей, потому что за телефонную карточку он заплатил свои деньги - пять сорок. Время - деньги.
Стараясь не притрагиваться ко времени руками, Сергей уложил его в пакет.
Восемьдесят семь минут весили килограмма два, может, два с половиной, не больше. Что с этим делать, он абсолютно не представлял. Продать? (Налетай, подешевело... А кому время, лучшие часы?.. Сколько вам взвесить? А шестьсот граммов, пусть остаётся?.. В очередь, сукины дети, в очередь... Конечно, свежее, сегодня завезли... Нет, уступить не могу, я реализатор. Кто хозяин? А вы не знаете?.. За углом дешевле? Так идите туда... Нет, дисконт на время не распространяется... Когда завезут ещё? Понятия не имею...) Раздать вдовам и сиротам?

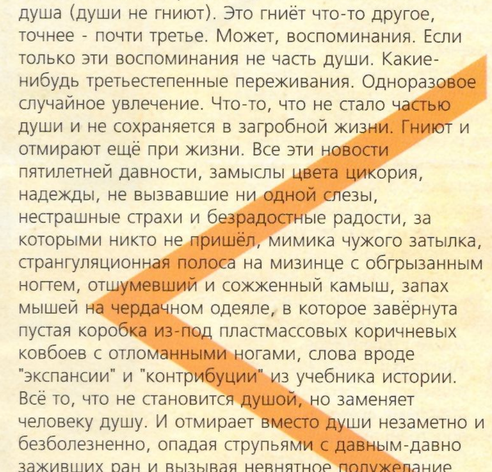
Зачем оно им? У них своего времени валом. Использовать самому? Как? Натираться им? Прикладывать к пояснице во время приступа радикулита? Или, может... Сергея передёрнуло.

Для очистки совести он нашёл телефон-автомат и проверил карточку. Кто бы сомневался - на ней не было ни секунды. Потом купил в "Укртелекоме" точно такую же девяностоминутную карточку и вернулся к банкомату, тому самому. На этот раз он карточку не принял, и ничего не произошло. Очевидно, выдача времени была одноразовым актом.
Как бы вы поступили, окажись у вас запасных восемьдесят семь минут вашей (а в том, что они именно его, Сергей не сомневался: он заплатил за них пять сорок) жизни? Сдали в институт метрологии? Вернули лучшие полтора часа из своего прошлого? Оставили на чёрный день? (Дедушка, вам трындец, собирайте родственников - прощайтесь. - Погодите, доктор. А ну-ка, Егорка, открой вот ту коробочку, там у дедушки кое-что заныкано). Но как? Как именно? Что нужно, чтобы разматериализовать время? Хотя... Сначала восемьдесят семь минут были чистой абстракцией - записью на чипе. Потом они стали чем-то, о чём ничего не известно, после чего информация перешла в газообразное состояние, а соприкосновение с воздухом сконденсировало время.
Придя домой, Сергей отрезал (ножом - нож, как и предполагалось, хорошо режет время) от параллелепипеда два ломтика минуты по три каждый: один положил в морозильную камеру, другой - в кастрюльку (бр-р-р) и поставил на сильный огонь. Довольно быстро три минуты растеклись желтоватой жидкостью, издавая многосоставной запах - острый и чуть сладковатый: так пахнет в квартире одиноких стариков, это запах разложения ещё живых, но намеревающихся вскоре умереть,

фото:стас воляэловский

людей. Трупный запах откровеннее, монотоннее, его сладость исключает испарения пота, крови, слизи, мочи и прочих гуморов. Каждый гумор имеет привкус неорганики: кровь - железа, пот - карбида, моча - песка, и только гной не имеет эквивалента в мире неживой природы.
Там, где живут одинокие старики, пахнет гноем, даже если все здоровы. Это гниёт не тело. Но и не душа (души не гниют). Это гниёт что-то другое, точнее - почти третье. Может, воспоминания. Если только эти воспоминания не часть души. Какие-нибудь третьестепенные переживания. Одноразовое случайное увлечение. Что-то, что не стало частью души и не сохраняется в загробной жизни. Гниют и отмирают ещё при жизни. Все эти новости пятилетней давности, замыслы цвета цикория, надежды, не вызвавшие ни одной слезы, нестрашные страхи и безрадостные радости, за которыми никто не пришёл, мимика чужого затылка, странгуляционная полоса на мизинце с обгрызанным ногтем, отшумевший и сожженный камыш, запах мышей на чердачном одеяле, в которое завёрнута пустая коробка из-под пластмассовых коричневых ковбоев с отломанными ногами, слова вроде "экспансии" и "контрибуции" из учебника истории. Всё то, что не становится душой, но заменяет человеку душу. И отмирает вместо души незаметно и безболезненно, опадая струпьями с давным-давно заживших ран и вызывая невнятное полужелание почесать зарубцевавшиеся царапины. Или поцеловать.

- Кто? - спросили Сергея.
Он назвался.
- Пойдёшь к Пахомовой, Виктории Александровне, квартира три, дом шестнадцать, Пушкинский въезд. Скажешь, что её бабушка, Тростянская Елизавета Станиславовна, умерла не от острой сердечной недостаточности. Её убил лечащий врач, Сергиенко Сергей Анатольевич, квартира сто семь, дом тринадцать, улица Тракторостроителей. Халатное отношение к профессиональным обязанностям. Спасибо.
Лязгнул звонок. Вернулась с работы Света.
- Привет.
- Привет.
- Чем это пахнет? Ты что-то готовил?
Пока Света была в ванной, Сергей перенёс пакет со временем на балкон и зарыл в хламе.
- Ты ужинал?
Он уже выходил. Если всё сойдётся: Пахомова, Тростянская, Сергиенко - то что это значит? Квартира три, дом тринадцать, Пушкинский въезд. Вышла старушка.
- Пахомова Виктория Александровна? - спросил Сергей, представляя, сколько же лет было Тростянской Елизавете Станиславовне: сто, сто десять, - и стоит ли огород городить: не всё ли равно, от чего умирать в сто десять лет - от острой сердечной недостаточности или от халатности врача.
- Нет, Вика - моя внучка. Её нет дома.
- Тростянская Елизавета Станиславовна?
- Да, это я.
- Извините.
Сергей вышел из подъезда и закурил. Вот так - он получил сообщение с опережением события. И что делать? Он представил: "Вика, берегите бабушку. Её скоро залечит Сергиенко Сергей Анатольевич, квартира сто семь, дом тринадцать, улица Тракторостроителей". - "А как скоро?" - "А чёрт его знает. Может, на днях, во вторник или в среду". - "Ой, хорошо. Значит я успею съездить с ребятами в Славянск".
Сергей поехал на Салтовку. Сергей Сергиенко был похож на грустного белорусского клоуна: лысый, с красными глазами, без одной руки. Второй он придерживал собаку. Добермана. Сергею предстоял идиотский разговор.
Но разговор вышел ещё более идиотским, чем он предполагал.
- Подержи Герберта, - сказал Сергей Анатольевич, - а я тебе налью.
Сергей заметил, что Сергей Анатольевич пьян. "Герберта" он произнёс как "Кербера".
- Ты ведь пришёл из-за Тростянской? - спросил белорусский клоун после того, как они выпили. - Закусывать нечем. Хочешь - водой запей. Но лучше так. Пусть Петросов пьёт из крана. Мы тоже замеры делали. Не вода - таблица Менделеева.
С момента прихода Сергей не произнёс ещё ни слова: не было повода.
- Тростянская... Ты третий, кто приходит просить меня по поводу Тростянской. Нет, четвёртый. Первой была девочка, лет трёх, я сначала не понял, чего она хочет. Думал, потерялась. Отвёл её в милицию, а оказалось, что это она меня отвела. Представляешь? Три года - не больше, а всё рассчитала. В милиции говорит: "Арестуйте его, пожалуйста, за убийство Тростянской Елизаветы Станиславовны". А? Какова сучка?
При слове "сучка" Герберт зарычал.
- Во! Тоже не любит. Ну, давай ещё. За успокоение души новопреставившейся рабы божьей Елизаветы. - Сергей Анатольевич сделал паузу, посмотрел на Сергея и повторил. - Рабы божьей Елизаветы Сергеевны Тростянской. - И выпил.
- После девчонки был казах. Тоже просил не убивать Тростянскую. Нажрался, как свинья. Весь сортир облевал. Ты знаешь, - Сергей Анатольевич посмотрел почти трезво. - Задолбала ваша Тростянская. Попадёт ко мне - зарежу на операционном столе. Правда. Задолбала. Может, вы меня к этому и готовите - чтобы я её зарезал?
Зазвонил телефон.
- Да! Хорошо. Буду через пятнадцать минут. Да, приступайте без меня. Постой, Людочка, как зовут поступившую? Хорошо. Всё.
- Ну вот, привезли вашу Тростянскую. Всё. Ваши визиты закончились.
И выставил Сергея за дверь.
Не успел Сергей докурить, как Сергей Анатольевич спустился и вышел из подъезда вместе с Гербертом.
- Послушайте, -сказал Сергей. - Если она умрёт, мне придётся вас убить. Прошу вас, помните об этом.
Сергей Анатольевич посмотрел Сергею прямо в глаза, потом поймал такси и уехал, а Сергей вернулся домой. Света уже спала. Записки на столе не было, значит предстоял ещё один нелёгкий день.
С утра (Света уже ушла на работу) Сергей узнал по справочной телефоны Тростянской и Сергиенко. Ни у той, ни у другого не отвечали.
После завтрака Сергей отрезал от времени ломтик в два раза больше прошлого (предстояло многое выяснить) и поставил на огонь. Газ был максимальным, но время долго не закипало: не хотело, сопротивлялось. Синее пламя струилось ненавязчиво, как разговоры ни о чём, которые в детстве открывают безупречную необязательность окружающего мира, а значит, и нас самих, то ли живущих в этом мире, то ли живущих вне его - где-то на окраинах происходящего, куда фразы разговора ни о чём долетают не в виде слов, а в виде бабочек-капустниц, самых незатейливых после бумажных самолётиков созданий господа-бога, полосочки и точечки на крыльях которых не требуют разгадок, потому что они всего только полосочки и точечки, а не слова. Беззаконие всего происходящего в детстве славно вписывается в свод домашних запретов: не рвать газету, не ходить босиком, не ковырять в носу, - не мешая песочным замкам быть раздавленными, молоку - растечься одной громадной каплей по клеёнке, а бабочке-капустнице с оторванными крыльями быть утащенной городскими некусучими муравьями. Упадёт ли со стола костяшка домино, украдёт ли подразумеваемая мышь молочный зубик, даже волшебное слово "сукинсын", подобранное где-то в кустах и бережно принесённое домой - всё легитимно и оправданно вчерашним, никогда не

фото:александр кадников-таврический<kodak67@mail.ru>

существовавшим днём, никогда не похожим на сегодняшний, приносящий новую смерть как рождение, бессобытийность и незамысловатость каждого мгновения, на которых прочно, обеими ногами, стоит детство, даже если отнимут, побьют, бросят, оставят и не придут никогда, кружат на одном месте: то здесь - около дома, то там - под крышей павильона, рискуя быть вспугнутыми внезапно пришедшей мыслью "а что будет, если..." Тот, кто не умер в детстве, не умрёт и в старости: то, что ему предложат, и он примет за смерть, будет его мыслями об ожидании смерти, в которых миллион раз повторенное слово "здесь" он услышит как тысячу раз повторенное "там". В необязательности он увидит неминуемость, в обещании - угрозу, в беспричинности - умысел, и ни одна звезда уже не пронесётся, как некогда, мимо, чтобы упасть за границами безумия, теперь весь мир нацелится на него одного: он станет последним осколком последнего на земле зеркала, в котором мир будет отражаться вечно.

- Ты? - спросил Сергея тот же, что и в прошлый раз, голос.
- Я, - ответил Сергей.
- Квашня, Галина Аркадьевна, квартира восемь, дом три, улица Нариманова, - адресат. Заказчик - Квашня Олег Олегович, задавлен "тойотой", регистрационный номер КХ 068-40. Объект - Троицкий Ростислав Семёнович. Спасибо.
- А что Тростянская? - спросил Сергей.
- Контракт на Сергиенко считать выполненным.
- Она умерла?
Молчание
- Она умерла?
Молчание.

Головы у Сергея не было вообще: сплошное ничто. Затёкшие ноги тоже болели. Он выпил кофе, покурил, посмотрел на часы: скоро должна вернуться Света, сегодня у неё первая смена. Он оделся и ушёл.

До Нариманова десять минут пешком. Частный дом. Сергей постучал в калитку.
- Здравствуйте. Вы Квашня Галина Аркадьевна? - вышла женщина лет сорока со стеклянными глазами. Она была слепой.
- Да.
- Я по поводу Олега Олеговича.
- Зайдите в дом.

Чувствовалось, что порядок в доме наводит слепая: предметы на столе и шкафу стояли невпопад, бессистемно, несимметрично разгруппировавшись по периметру, участки невытертой пыли то здесь, то там, лежащая в открытую неровная стопочка денег. В этом доме жил только один человек - и он был слепой.
- Олега Олеговича нет. Он погиб. Неделю назад. Его сбила машина.
- Галина Аркадьевна, у вас деньги на виду лежат.
- Это с похорон осталось. Подруги собрали. Если я их спрячу, то могу не найти потом.
- А...?
- Пусть вас это не волнует. Вы с работы Олега Олеговича?
- Нет. Скажите, а убийцу нашли?
- Да. А вы что - из милиции?
- Да, - Сергей понял, что если не соврёт сейчас - соврёт в следующий раз.

Он не мог отвести взгляд от стопки денег: сверху лежала стогривневая купюра, под ней, похоже, мелкие - по гривне и по две.
- Его убил какой-то профессор. Троицкий его фамилия. Ростислав, кажется. Отчества я не запомнил.

Что-то опять не сработало. То перелёт, то недолёт. Или так и надо? Тогда каков смысл: в чём миссия-то? Оставаться в доме слепой дальше было незачем. Сергей тихонько подошёл к денежной стопке и аккуратно переложил стогривневую купюру под самый низ.

- Возьмите ещё.
- Что?
- Вы сами знаете.
- Но я ничего не брал.
- Тогда возьмите.
- Зачем?
- Как хотите. Если вы не против, мне нужно закончить домашние дела.

Когда Сергей вернулся, Света была уже дома.
- Пообедаем вместе?
- Да, сейчас.
Он набрал номер Тростянской, потом Сергиенко - никто не брал трубку.
- Суп?
- Ага.
- На второе я разогрею плов. Если ты не против.
Он снова был не против. Что-то расклеивалось в его жизни: и здесь, и там. Но он был не против.
- Давай поговорим.
- О чём?

6752

- Что-то происходит?
- Да нет, ничего.
- Но я же вижу, какой ты в последнее время.
- Всё нормально.
- Что-то на работе?
- Суп остыл.
- Извини.
- Подогреть?
- Не нужно. Съем холодный.

Дождавшись, пока Света уйдёт на вечерние курсы, Сергей растопил ещё немного времени, минуты четыре-пять. Время таяло, нехотя расплывалось по кастрюльке. Глядя на бульбочки, Сергей, кажется, начал понимать смысл происходящего: время, Света, сеансы, некросообщения, белорусский клоун, слепая, - всему нашлось объяснение. Ведь калейдоскоп - это просто система зеркал. Любой рисунок становится симметричным, если у него есть отражение. Тень, эхо, знак "равно" между двумя частями уравнения, где слева сто миллионов цифр и икс, а справа просто пять. Или два. Дело в состоянии незапаянности, когда мысли, чувства, слова - всё, что ты незаметно походя теряешь, - вдруг обнаруживается присвоенным другими людьми. Дело не в повторении, повторяется всё - солнце, птицы, книги, повторение не вызывает привыкания, но подготавливает...

Незнакомый голос спросил Сергея, кто он.
- Адресат, - сказал голос после того, как Сергей назвал себя. - Заказчик - Сергиенко Сергей Анатольевич, квартира...
- Я знаю, - перебил Сергей.
- Объект - Пахомова Виктория Александровна. Адрес помнишь?
- Да.
- Спасибо.
- Почему я? - Сергей не был уверен, что ему ответят.
- Личная просьба заказчика.

Сергей вымыл кастрюлю и поехал к Пахомовой Виктории Александровне. На этот раз не было ни перелётов, ни недолётов.
- Я объект? - спросила Вика.
Сергей кивнул.
- Как это будет?
Он пожал плечами.
- Вот эта спица, - Вика показала на спицу, которой два часа назад убила врача.

Сергей кивнул опять. Вика была очень красивой. Света тоже.

Он сказал Вике, что она очень красивая. И что он ещё ни разу в жизни не убивал человека.

Вика предложила чаю. Пока пил чай, Сергей осмотрел кухню: спица, табуретка, телефонный шнур, нож, восьмой этаж - вариантов было много.

Вика рассказывала о бабушке, о том, что бабушку довели до инфаркта незнакомые люди, чуть ли не каждый день предупреждавшие о смерти, рассказывала о Сергиенко, клявшемся, что будь у него две руки, он непременно спас бы её бабушку, о дурном запахе из его рта, о том, что бросила институт, снова о Сергиенко, принявшем смерть как настоящий мужчина - залпом, но не впопыхах, о том, что заказчиком на врача была не бабушка, а какой-то Квашня, третья вода на киселе, о том, что со Светой она училась в параллельных классах, о мальчике, которого уступила Свете, о том, как легко убить человека, о ломке стереотипов, о стране Бангладеш, где работали Викины родители, о бессмертии как проблеме времени и пространства, ещё раз о Сергиенко и его мужестве, о бесконтрольных желаниях и о многом другом.

А Сергей сидел напротив, смотрел на неё, слушал и думал не о табуретках и не о ножах, а о Викиной бабушке, о том, как её довели до инфаркта незнакомые люди, о Сергиенко, который клялся, что будь у него две руки, он непременно спас бы Викину бабушку, о дурном запахе из его рта, о том, что Вика бросила институт, снова о Сергиенко, принявшем смерть как настоящий мужчина - залпом, но не впопыхах, о том, что заказчиком на врача была не Викина бабушка, а Квашня, третья вода на киселе, о том, что со Светой Вика училась в параллельных классах, о мальчике, которого Вика уступила Свете, о том, как легко убить человека, о ломке стереотипов, о стране Бангладеш, где работали Викины родители, о бессмертии как проблеме времени и

пространства, ещё раз о Сергиенко и его мужестве, о бесконтрольных желаниях и о многом другом.
Потом Сергей остался ночевать у Вики, а Свете не позвонил и ничего не сказал, чтобы не врать. Сергею приснилось, что система мироздания (включая и мир мёртвых) держится, как на шарнирах, на законе отмщения. Иисус своей проповедью любви внёс в эту систему асимметричные отношения. Его смерть осталась неотмщённой. Теперь все зеркала были кривыми, все отражения - деформированными. Такие, как Вика, убившая Сергиенко, восстанавливали порядок. Такие, как Сергей, не убивший Вику, способствовали хаосу, рвали ниточки, связывающие людей живых и умерших, запутывали других петлей отношений и запутывались сами.
Сергей проснулся и ушёл, когда Вика ещё спала, и вернулся домой до того, как Света проснулась. Света спала на его подушке.
Позвонили в дверь. За дверью стоял старик, похожий на старуху. Он назвал Сергея по имени.
- Вы объект, - сказал старик. - Уезжайте.
- Кто заказчик?
- Тростянская Елизавета Станиславовна. - Видя, что Сергей не удивлён, старик добавил. - Адресата сами знаете.

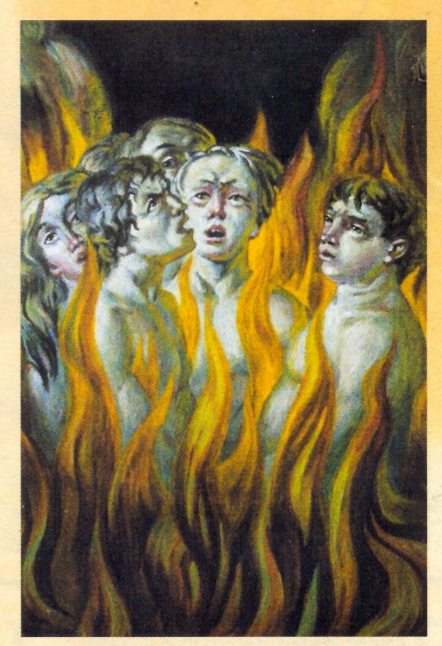

фото на стр александр кадников-таврический
<kodak67@mail.ru>

Сергей знал адресата. В этой ситуации адресатом мог быть только один человек. Старик ушёл. Стараясь не разбудить Свету, Сергей отрезал от куска времени здоровенный, минут на пятнадцать, ломоть, а остальное спустил в мусоропровод. Ломоть Сергей кинул на сковородку, а когда время разогрелось, вылил сверху три яйца, покрошил зелёного лука и всё съел. На это раз не было никакого перехода: заваривая кофе, Сергей услышал голос:
- Кто?
- Хрен в манто, - ответил Сергей шепотом, чтобы не будить Свету. - Ты кто?
- Посредник.
- Назовись.
- Збигер, Арнольд Бенедиктович.
- Слушай меня, Арнольд Бенедиктович, и передай всем, кого я к своему большому сожалению, знаю, и тем, кого не знаю и не хочу знать. Она никогда не станет убийцей. Моя глупость - это моя глупость. Мои проблемы - это мои проблемы. Я срать хотел на ваш синдикат и ваши планы. Я не собираюсь ни сам умирать, ни её убийцей делать. Я знаю, как поломать к бениной маме всю вашу систему, и сегодня же, сейчас же - слышишь, чертуган, сделаю это. И передай это своим уродам, слышишь?
- Да, - ответил Збигер.
- А теперь катись к чёрту. Сеанс окончен.
- Спасибо, - сказал Збигер.
На кухню вошла сонная Света и спросила, на кого Сергей так орёт.
- Собирайся, - сказал он. - Собирайся, мы отсюда уезжаем. Теперь всё будет хорошо. Только послушайся меня. Один раз послушайся, ладно? Я тебе обещаю, что всё будет хорошо.
Сергей набрал номер Вики.
- Вика, хорошо, что ты ещё не ушла. Тебе нужно пойти и сдаться самой. Вместо меня они пошлют другого. И ещё: Света всё знает.
Он прикрыл ладонью трубку и попросил Свету сказать, что она всё знает.
- Я всё знаю, - сказала в трубку Света.
Потом Сергей позвонил в "02" и дал адрес Вики. Следующий звонок он сделал Квашне:
- Галина Аркадьевна. Я к вам приходил, помните? Ну, деньги на столе, вспомнили? Галина Аркадьевна, никогда, пожалуйста, никогда и ни при каких условиях не давайте своего согласия на убийство того водителя, Троицкого. Да. Кто бы вам не предлагал это сделать. Потому что следующей будете вы сами. Если Троицкий умрёт - следующей будете вы, помните это.
Потом Сергей усадил Свету за стол и сказал:
- Обстоятельства сложились таким образом, что ты можешь меня убить. У тебя даже повод есть. - И он рассказал ей о поводе. - Это чёртово колесо не остановить, пока мы не перестанем убивать друг друга по очереди. Понимаешь, убийца автоматически становится жертвой. Это замкнутый круг. Это адский аттракцион. Это такой закон. Наверное, есть тысячи способов проникновения мёртвых в наш мир. Я узнал только один из них. Но, наверное, есть ещё тысячи. Я не знаю, как тебе передадут заказ и кто это сделает. Я не знаю, что ты услышишь, но это действует очень сильно: парализует волю, мозги. Приказ действует на подсознание, на самые дорогие воспоминания. Включает в душе что-то вроде механизма убийства, я не знаю. Дело было не в ней, я не знаю, почему не сумел это сделать. Может быть, дело в тебе. Но теперь ты стала исполнителем. Не знаю как, они передадут тебе заказ на моё убийство, а потом убьют и тебя. Всё по кругу.
- Ты знаешь, мне снилось... - сказала Света.
Сергей закрыл ей ладонью рот.
- Пожалуйста, ничего не говори. Всё, что не относится к тебе и ко мне, всё неважно. Потерпи, немного потерпи и всё будет хорошо. Ладно?

Ничего не говори, хорошо?
Он продолжал зажимать Свете рот. Он понимал, что делает. Очень хорошо понимал. Он опоздал: всё, что он говорил, он говорил самому себе. Света уже не слышала. Он опоздал. Спасти её он мог только одним способом. Сергей вспомнил, что хотел, пошёл в комнату и осмотрелся, ища глазами то, что нужно взять с собой. Где-то в блокноте есть список вещей, которые надо брать в поездки: расчёска, бритва, мыло, книга, тетрадь для записей, ручка, свитер... Сергей листал блокнот, но списка не находил.
В дверь позвонили. Опять тот же старик, похожий на старуху.
- Я перепутал, извините.

Сергей молча захлопнул дверь. Он и так знал, что всё перепутал. И всё только усложнил: добавил лишних звеньев. Соорудил новые цепочки. Если бы он убил Вику, то Света осталась бы жива.
По дороге на балкон, где когда-то хранилось время, Сергей вспомнил, что выбросил его в мусоропровод. Потом вспомнил о холодильнике. Кубик замёрзшего времени Сергей опустил в горячую ванну и провёл лезвием (бритва, расческа, мыло, зубная паста - не забыл) вдоль вены. Красная струйка смешалась с желтой - растаявшего времени. Не забыть: зубная щетка, пена для бритья, полотенце. Все, что может пригодиться в дороге и на новом месте.
Сергей ничего не забыл. Бритва - чтобы бриться. Расчёска - чтобы расчесываться. Щетка - чтобы чистить зубы. Полотенце - чтобы вытираться. Книга - чтобы читать. Ручка - чтобы писать. Сигареты - чтобы курить. Свитер - чтобы надеть. Память - чтобы помнить. Ноги - чтобы ходить. Глаза - чтобы смотреть. Руки - чтобы держать. Лес - чтобы рубить. Сыр - чтобы есть. Вода - чтобы пить. Знать - чтобы знать. Смотреть - чтобы смотреть. Понимать - чтобы понимать. Три - чтобы три. Два - чтобы два. Один - чтобы один.
Люди - чтобы...
- Кто? - спросили Сергея.
Сергей назвался.
- Адресат?
Сергей назвался.
- Объект?
Сергей назвался.

31.07-2.08.2003, 29.09.2004

андрей краснящих

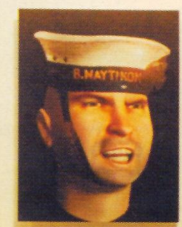
фото на стр. александр кадников-таврический
<kodak67@mail.ru>

репорташ со 2-го киевского фотобиеннале

снимал:**александр кадников-таврический**
<kodak67@mail.ru> работы разных авторов

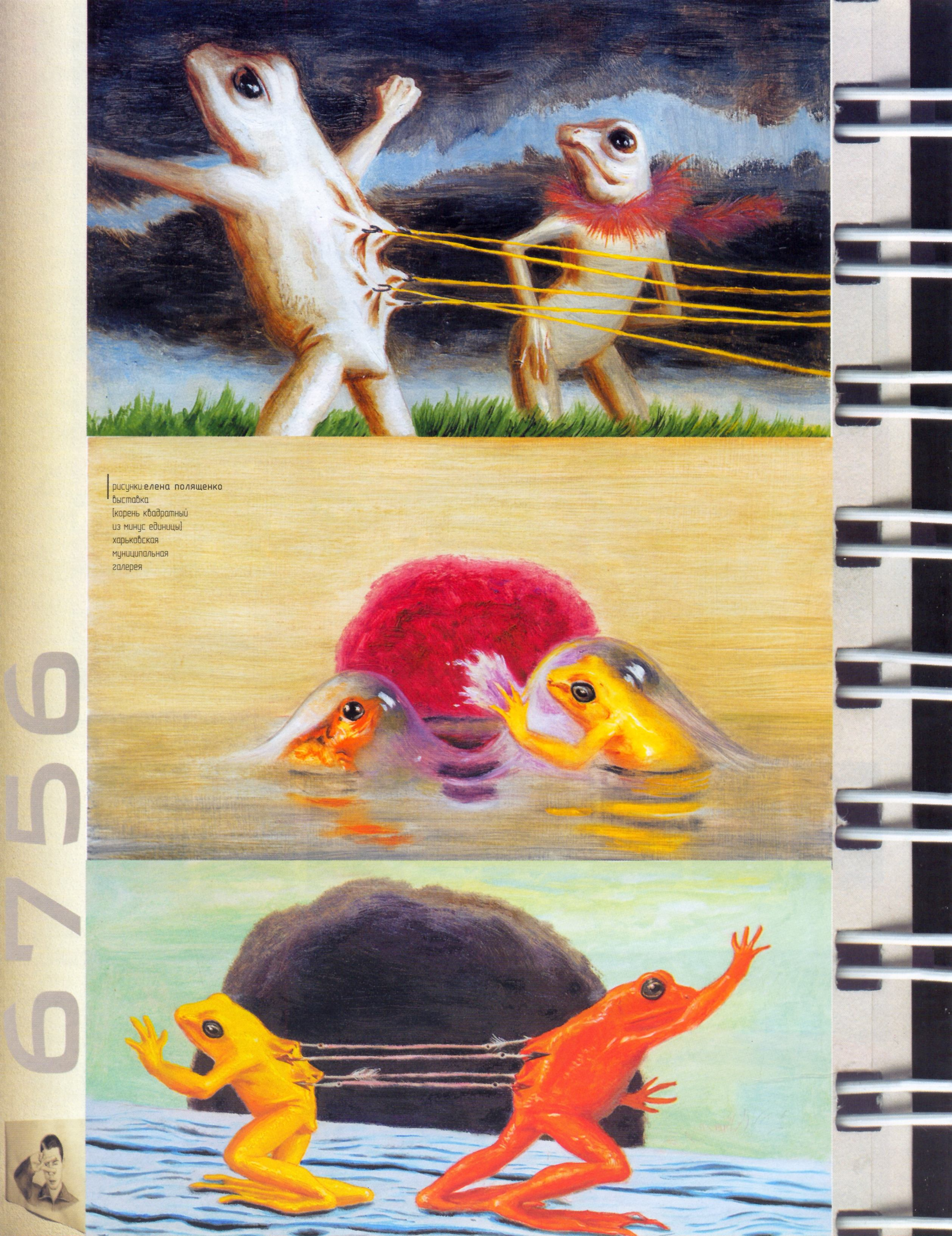

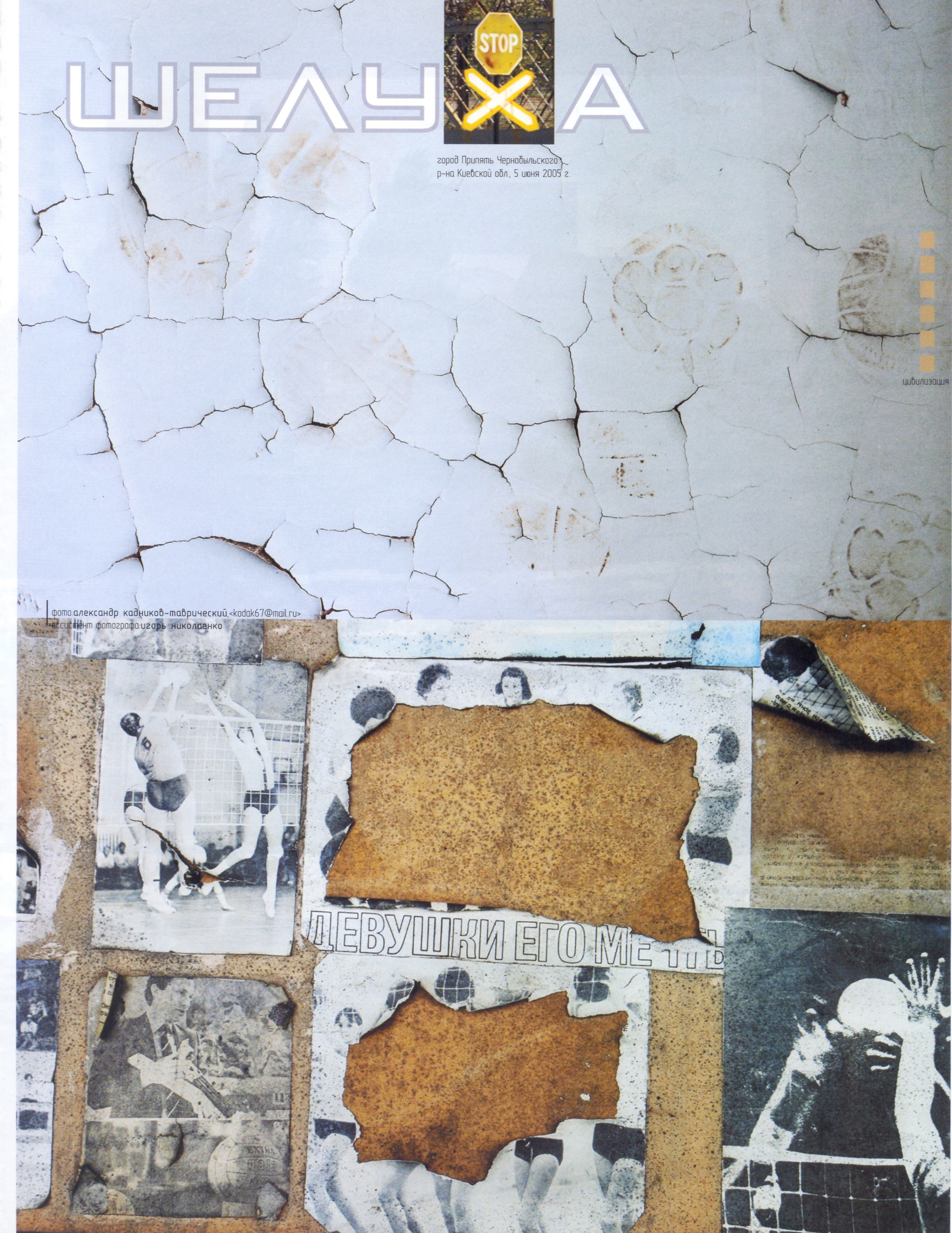

рисунки: елена полященко
выставка
[корень квадратный
из минус единицы]
харьковская
муниципальная
галерея

ШЕЛУХА

город Припять Чернобыльского р-на Киевской обл., 5 июня 2005 г.

фото: александр кадников-таврический, <kodak67@mail.ru>
ассистент фотографа: игорь николаенко

фото:александр кадников-таврический,<kodak67@mail.ru>

STOP
675
124
00

фото: александр кадников-таврический, <kodak67@mail.ru>

АЗБУКА БЕРЕЖЛИВОСТИ

ЖИВИ, КНИГА!

фото:александр кадников-таврический,<kodak67@mail.ru>
ассистент фотографа, он же виновник и жертва
аварий:игорь николаенко ;отдельное спасибо:марии и пьеру кюри

Что происходило с ним в первые годы жизни, Марк Борисович знал только из снов. Память утеряла картины ранних лет, вступая в силу лишь в конце сорок пятого года - Марка Борисовича, тогда еще шестилетнего Марека, перевели из госпиталя в детский дом, на Украину.
У Марка Борисовича вместо воспоминаний имелись официальные сведения: сорок пятый год, Польша, концентрационный лагерь, руины. Лежащего в беспамятстве мальчика подобрали солдаты Советской Армии. Он и после контузии знал, что его всегда звали Марк, точнее, Марек, - так его называли мама и дядя Адик.
Фамилия Марка Борисовича - Гольденштейн. Это было записано в немецких документах. Отчество Борисович - выдумка советских канцеляристов. Вероятно, они заменили какого-нибудь неблагозвучного Мордехаевича на Борисовича. Фамилию оставили настоящую - вдруг обнаружатся родственники. Не нашлось никого.
Марк Борисович не помнил, на каком языке он говорил до 6 лет. После родным его языком стал русский. Правда, и немецкий в детдоме давался ему очень легко, намного лучше, чем остальным детям. Многие фразы на уроках всплывали сами собой. Ему даже советовали идти в педагогический, на учителя иностранных языков, но он выбрал более перспективную, на его взгляд, специальность экономиста. И потом, в шестидесятых, когда появилось много диссидентской литературы на

Денег на старость он отложил, пенсия неплохая.
С семьей не получилось, так и остался холостяком. Но в этом Марк Борисович винил только свой тяжелый характер. В принципе, он привык жить один. Немощности он не боялся. На этот случай был предусмотрен отъезд на историческую родину, где его досмотрят. А пока и своих сил хватало.
Раннее детство снилось не каждую ночь, и, честно говоря, слава богу, потому что после таких снов Марк Борисович наутро не мог пошевелиться от сердцебиения.
Волнения Марку Борисовичу противопоказаны - врожденная болезнь сердца, но пока, тьфу, тьфу - до настоящих проблем ни разу не доходило, так, прихватит ненадолго, Марк Борисович пару дней посидит на больничном, отдохнет, и сердце само и отпустит. А теперь и больничных не надо. Марк Борисович уже полгода как на пенсию вышел. Если с сердцем проблемы, звонит в поликлинику, приходит медсестра и делает уколы. В остальное время он о сердце и не вспоминает. Разве что сны перебирает по крупицам...

Они идут длинной вереницей - много одинаково одетых людей. Вдоль ухабистой дороги простираются горелые поля. Марек на руках у матери. Вьется серебристая поземка, но самого ветра пока нет. Наконец воздушный порыв долетает и до Марека, обмахивает горячим пыльным рукавом, оставляя на пересохших губах горький пепел, собранный с полей. Ветер дует и серебрит пеплом остальныхлюдей.
Солдат-конвоир, что вышагивает рядом, тоже становится блестящим, а поля оказываются огромными крыльями за его спиной. В крыльях ангела-солдата вместо перьев растут кости, поэтому он не летит, а идет по дороге из-за костной тяжести крыльев. Скоро начнет сниться дядя Адик.
Время дяди Адика - ночное, потому дорога и поля мягко окунаются в бархатную черноту. Шагающие впереди люди были бы не видны, но у них на спинах вырастают золотые пульсирующие звезды, которые вдруг взмывают вверх,

стрелку. Часы мелодично отбивают полночь.
Вдруг золотистый свет прорезает в глухой кирпичной стене контуры двери, и в барак, пританцовывая, входит дядя Адик. Он напевает свою обычную прибаутку: "Ой, мама, адонай, шикель грубый, Адик гут".
Его появление сопровождает радостный щебет детских голосов: "Пришел, пришел, дядя Адик пришел!"
Марек тоже восторженно шепчет: "Пришел", - но на губах происходит со звуками щекотная метаморфоза, слова щиплются, как лимонадные пузыри. Русские буквы, похожие на крошечных гномов, быстро меняют наряды на заграничные сюртучки и выскакивают изо рта настоящими иностранцами: "Гекоммен, онкель Адик ист гекоммен". Марек смеется от удовольствия - дядя Адик уже здесь.
Его ни с кем не спутать. Дядя Адик носит китель, сшитый из разноцветного атласа, - перед белый, рукава голубые. Китель дяди Адика украшает наградной серебряный крест, такой же, как на броне танков или крыльях поднебесных самолетов. На боку дяди Адика маленькая шпага в сафьяновых ножнах. Обут он в изящные черные сапожки с золотыми шпорами в виде шестиконечных звездочек. А в руках у него круглая жестяная коробка, в которой лежат разноцветные волшебные цукаты.
Дядя Адик сразу прижимает палец к бархатной полоске своих коротеньких усов: "Тс-с". Дети затихают и ложатся на свои места. Он неслышно, на цыпочках подходит к каждому ребенку. Из своей коробки дядя Адик достает цукат и кладет в подставленный рот, приговаривая: "Лешана габаа Бирушелайм!"

"На следующий год да будем в Иерусалиме", - уже на русском повторяет про себя утром Марк Борисович, понимая, что фразу из сна он услышал недавно в еврейском культурном центре. Марк Борисович ходил туда пятый год. На курсах иврита ему не понравилось, лень было учиться, а так праздники он охотно посещал. На Пасху, к примеру, бесплатно раздавали мацу в неограниченном количестве. Марк Борисович натаскал домой пятнадцать упаковок - с

בָּרוּךְ אַתָּה, יְיָ אֱלֹהֵינוּ, מֶלֶךְ הָעוֹלָם,

польском, Марк Борисович на удивление быстро выучил и этот язык, словно всегда знал его, да только позабыл.

В сновидениях про раннее детство все общаются на каком-то чудном кукольном эсперанто - смешная птичья речь, замешанная на идиш, польском, немецком и украинском. У этого языка не существует логопедической нормы, дети говорят с акцентом, картавят, шепелявят. Во сне мысль Марка Борисовича оформлена в русские слова, но когда он или другие дети зовут дядю Адика, то получается не "дядя", а звенящий колокольчик - "онкель, онкель Адик" - то ли по-немецки, а может, и на идиш.
Сперва снится мамин голос. Марка Борисовича мелко трясет, и эту лихорадку сопровождает тихий напев: "Мишливечку, коханечку, барзом чи рада", - мама поет.
Марк Борисович успокаивается и зарывается в сон. "Дала бим чи хлеба з маслем, алем го зъядла". Тряска усиливается, и Марк Борисович понимает, что это поезд, увозящий его семью в Польшу...
В целом, жизнь у Марка Борисовича сложилась. В детдоме приходилось трудновато - время послевоенное. Но жили весело, дружно, как говорится, одной большой семьей, в которой тоже не обходилось без своих уродов, но в общем, хорошо жилось. Почти все одноклассники в люди выбились.
Марк Борисович читал в современной прессе материалы об интернатах и детских домах с описаниями всяких ужасов - насилие, педофилия - удивлялся и не желал в это верить. Его воспоминания были другими.
В институт поступил, работал, выслужился до старшего экономиста. От приватизации в конце восьмидесятых осталась своя двухкомнатная квартира.

заполняя собой бесконечное небо раскинувшейся ночи.
Марк Борисович понимал, что эти воспоминания не вполне настоящие, выдуманные, но когда он пытался вспомнить реальный концлагерь, то всегда видел деревянный угол какого-то барака и раздавленное ведро. Самое неприятное, что если память долго концентрировалась на этих объектах, то становилось ясно, что этот угол и ведро он видел уже в госпитале Хмельницка.
Для публичного рассказа у Марка Борисовича находились необходимые подробности, пусть и принадлежащие другим. Эти истории о концлагерях он почерпнул из книг, хроник и художественных фильмов. Впрочем, Марк Борисович всегда говорил, что он в то время был маленьким и мало чего запомнил.
Но разве не у него на запястье татуировка с пятизначным числом? Разве не его нашли среди развалин солдаты? Марк Борисович считал, что, в конце концов, он имеет право на чужие воспоминания, раз контузия отняла у него свои.
Марк Борисович никогда не спекулировал высохшими от голода полутрупами за колючей проволокой, а наоборот, начинал свое выступление с каламбура: "У немцев две крайности: Гёте и гетто". В зале обычно смеялись. Неловко получилось только в семьдесят шестом, когда в их институт приезжали коллеги из Дрездена, а Марк Борисович им влепил про Гете и гетто, на что немецкие товарищи ужасно обиделись.
А лет пять назад Марка Борисовича пригласили на премьеру фильма "Список Шиндлера", и он после сеанса рассказывал о голоде, смерти, печах.
Ну не откровенничать же с этими людьми о дяде Адике!
В газете Марк Борисович прочел интервью с сыном Гесса. Тот говорил, что не было никаких газовых камер - все это выстроили американцы в сорок шестом году. Марк Борисович тогда подумал, что ему лично нечего возразить, потому что он тоже не помнил газовых камер - вообще ничего не помнил, кроме ночной сказки и дяди Адика.

Сон продолжается тем, что ночь собирает все звезды в одну точку, которая становится тусклым фонарем. Черная бесконечность обретает кирпичные стены. Царит полусумрак, на двухъярусных полках возятся дети и вполголоса переговариваются между собой. То и дело раздается смех.
На стене висят большие часы в резном деревянном корпусе. Маленькая стрелка уже лежит на двенадцати, большая стрелка еще в пяти минутах пути. Кто-то из детей подбирается к часам и пальцем подгоняет медлительную

гуманитарным джемом к чаю было очень вкусно.
Опять-таки, в клубе часто проводили благотворительные концерты, интересных людей приглашали. И общение хоть какое-то. В основном приходили люди примерно того же возраста, что и Марк Борисович, с которыми можно и о политике поговорить, и о новостях из Израиля - кто из давешних знакомых как устроился. В основном жаловались: климат тяжелый, язык не идет, люди не те.
Вот и Марк Борисович в Землю Обетованную особо не торопился. Все надо делать с умом. А пока и на этой родине неплохо.
Марк Борисович, посмеиваясь, доставал из холодильника джем (баночка с закорючками иврита на этикетке) - та самая гуманитарная помощь - и густо намазывал на мацу. Это вместо ужина, чтобы не полнеть. А потом можно посмотреть телевизор и ждать, что этой ночью во сне придет дядя Адик и произнесет над ухом: "Лешана габаа Бирушелайм!"
Уже не Марк Борисович, а пятилетний Марек с нетерпением ждет, когда же над ним склонится дядя Адик. Вот появляется его доброе, чуть усталое, в морщинках лицо. Карие глаза смотрят на Марека. Длинная прядь темных волос, что обычно красиво спадает на лоб дяди Адика, шелково касается детской щеки: "Здравствуй, Марек". Он знает каждого ребенка по имени. Цукат ложится в рот. По вкусу это совершенно необъяснимое лакомство, фруктовый дурманящий аромат которого кружит голову. "Лешана габаа Бирушелайм!" - шепчет дядя Адик.
В руке его оказывается свисток. Разноцветный китель теперь выглядит как мундир кондуктора. Дядя Адик кричит: "Поезд отправляется. Всем занять свои места!"
Марек чувствует, как под соловьиный перелив свистка его качнуло. Застучали вагонные колеса, покатились по неизвестно откуда взявшимся рельсам.
Кирпичных стен барака нет. Детский поезд из сцепленных кроваток стоит на крытом перроне, снаружи окруженном чудесным фруктовым садом. Ветви, полные плодов, лежат на прозрачной крыше, от чего уютная станция больше похожа на беседку.
Дядя Адик машет рукой. Марек вскакивает с кровати и бежит вместе с остальными детьми в сад.
Старые деревья низко, почти до земли опустили ветки с фруктами. Но некоторые плоды висят так, что рукой не дотянуться. Тут на помощь приходит дядя Адик. Он хоть и сменил китель на мундир, но не расстался со шпагой. Дядя Адик достает клинок из ножен, накалывает на острие яблоко или грушу и подает ребенку.
Мареку кажется, что дядя Адик всегда выделяет его среди

ברוך אתה, יי אלהינו, מלך העולם,

других детей, общается только с ним. Но если Марек о чем-нибудь ненадолго задумается, тогда дяди Адика рядом вроде бы и нет. Когда же мысль возвращается к чудесам происходящего, в это короткое время переключения Марек ревниво замечает, что дядя Адик играл с другим ребенком. Но миг проходит, и, оказывается, дядя Адик и не думал отходить. Конечно, Марек понимает, что дядя Адик вездесущий и может находиться одновременно во всех местах, со всеми детьми - на то он и дядя Адик.
Хочется бесконечно долго бегать по волшебному саду, но раздается свисток дяди Адика, слышится его мелодичный голос: "Achtung, Achtung, Kinder! Наш поезд отправляется обратно!"
Дети идут на перрон и ложатся в кроватки. Несъеденные фрукты Марек кладет в траву - брать с собой бессмысленно. По возвращении от них остается только сладкий цукатный запах, ощущение утраты и чувство голода.

Голод - вот, пожалуй, единственное, что Марк Борисович переносит хуже всего. В детском доме Марку Борисовичу всегда не хватало еды, хотя кормили там нормально: и хлеб, и тушенка с кашей. Это был не физический, а психологический голод. Во взрослой жизни Марк Борисович всегда запасался продуктами. Консервы скупал, крупу, сахар. В подвале была картошка, раза в три больше, чем нужно одному человеку, так что к лету Марк Борисович обычно выбрасывал мешок подгнивших клубней с белесыми проростками.
Ел Марк Борисович тоже помногу, отчего к шестидесяти годам очень располнел. Для сердечной болезни это было совсем нехорошо, да и с каждым годом подниматься на четвертый этаж в доме без лифта становилось все труднее. Но Марк Борисович никогда не мог себе отказать в пище, тем более что понятие дефицита в последнее время само собой исчезло - покупай, что хочешь, были бы деньги. И, кроме прочего, нормальный сон у Марка Борисовича наступал только с набитым животом...

Часы на стене звонко отбивают полночь. Прежде чем доносятся шаги дяди Адика, Марек слышит какую-то писклявую перебранку, раздающуюся на его теле. Полосатая роба Марека ожила и лопочет множеством голосков. Спорят полоски - темные и светлые. Они так и сыплют морскими терминами и крепкими словечками. Наконец, они договариваются о чем-то, и лагерная одежда преображается в чудесный матросский костюмчик.
Полка покачивается, оказавшись днищем небольшой, но очень уютной белой лодки под голубым парусом. Резной бушприт сделан в виде лебединой головы на изогнутой длинной шее.
Звучит божественный Вагнер. Дядя Адик в костюме капитана, в руках у него подзорная труба. Он призывно машет рукой и поет нежным высоким голосом арию Лоэнгрина: "О, лебедь мой, ты в грустный и тоскливый час приплыл за мной в последний раз".
Лебединая голова бушприта мигает янтарными глазами, и лодка Марека послушно следует за флагманской лодкой дяди Адика. Марек оглядывается и видит целую флотилию таких деревянных лебедей.
Они оказываются во дворце. Крышу подпирают высокие мраморные колонны с пальмовидными резными капителями. Вместо пола - вода, спокойная, неподвижная, словно голубой лед. Всевозможных расцветок рыбы - красные, серебристые, золотые, синие, изумрудные - кружат вокруг лодки, плещут хвостами. Марек один за другим оплывает мраморные стволы колонн.
За дворцом нарядные зеленые лужайки. Тени облаков скользят по траве. Марек подплывает к широкой лестнице. Вода из дворца величаво спадает по ступеням, превращаясь в реку, что течет мимо далеких рыцарских замков, лесов, прямо в розоватое от закатного солнца море. В облаках, похожих на взрывы ваты, летят, перекликаясь, тонкие, будто нарисованные карандашом, журавли.
Странно, что лодка совершенно не чувствует течения. Марек чуть касается воды веслом, и деревянный лебедь послушно отплывает в середину дворца. Оранжевая бабочка садится на уключину, и сразу же из воды выпрыгивает карп в надежде поймать добычу. Бабочка успевает улететь, а глупый карп падает на днище лодки. Марек с радостью понимает, что это и есть рыбалка. Он хватает карпа обеими руками и начинает жадно есть...

Иногда бывало, что Марк Борисович просыпался от жутких сердечных спазмов, парализующих тело. Сил хватало только дотянуться до ночного столика возле кровати. Там - с вечера заготовленный стакан воды и на бумажке разложены таблетки нитроглицерина, всегда штук пять, на случай, вдруг одна выпадет из пальцев, закатится.
Марк Борисович продумывал все варианты. Если сердце после повторного приема лекарства не унималось, принимал третью таблетку, вызывал "скорую", а сам шел открыть дверь, чтобы врачи могли войти, если он потеряет сознание, присаживался в коридоре на стул и ждал медицинской помощи. К счастью, так бывало не часто, и в основном все обходилось одной таблеткой.
Последний сон стоил Марку Борисовичу недели в больничном стационаре - с сердцем шутки плохи. Дядя Адик появился в тот раз с золотым рогом в руке.

Едва дядя Адик протрубил в рог, как Марек очутился в дивном саду.
Через сад проложена дорога, вдоль которой возвышаются синагоги. Над входом висят какие-нибудь полезные надписи на иврите: "Как люди превосходят животных, так настолько же выше стоят евреи над всеми народами мира", - или: "Кто не изучает Талмуда, того можно пронзить насквозь или разорвать, как рыбу".
Дорога вымощена полированными булыжниками и на каждом выбиты буквы, так что если прыгать с камня на камень, то можно сложить молитву или фразу из Пятикнижия.
У синагог стоят раввины-големы. Это старики, сделанные из глины. Говорят они и двигаются как живые люди. Раввин протягивает Мареку свою в мелких трещинах руку, в которой зажата румяная выпечка - штрудель с яблоками. Марек отламывает кусочек штруделя, запихивает в рот - вкусно.
Возле одной синагоги суетятся раввины из особой черной глины. Дядя Адик называет черных големов бейлисами. Они готовят к закланию голубоглазого теленка Андрюшку. У теленка почти человеческое лицо, он радостно мычит, глядя на Марека. Бейлисам помогает дядя Адик. Вытащив из ножен гладкий клинок, он проворно колет теленка в шею, под сердце, в пах.
Марек подходит ближе и видит, что Андрюшка - выпечка. Из ран его льется в подставленные бутылки красный сироп, тот, из которого варит цукаты дядя Адик. Марек с наслаждением откусывает сладкие куски от Андрюшки, а раввины и дядя Адик кричат: "Кошер, кошер"! Что это был за праздник!
Вдруг показался смешной дядька со свиными ушами, у него пышные усы, одет он в форму немецких военных, но в советской пилотке с аляповато налепленной красной звездой. Уродец, как заводной, сердито пыхтит крючковатой трубкой и выкрикивает на немецком: "Einem Juden glaube nicht, wenn er sogar vom Himmel wäre!"
Невозможно, глядя на него, удержаться от смеха. Хохочут не только Марек, все дети, дядя Адик и глиняные раввины, но даже носатые птицы на ветках - и те смеются.
- Кто это? - спрашивает дядю Адика Марек.
- Его зовут Аман. Попробуй дернуть его за ухо, - советует дядя Адик.
Дети облепляют Амана и дергают за дурацкие уши. Те сразу обрываются. На их месте вырастают новые, но и эти уши постигает та же участь. Вскоре у каждого ребенка оказывается в руке по уху. Аман, ободранный как липка, лежит на траве.
Марек внимательно осматривает свой трофей и с удивлением восклицает: "Да это же пирожок!"
- Правильно, - подтверждает дядя Адик. - Он называется "ухо Амана". Перед тем как его съесть, нужно сказать: "Проклят Аман, благословен Мордехай".
Веселье идет своим чередом. Вот прилетел разноцветный картавый попугай и стал разучивать с детьми поговорку: "Еврей колет сахар на чужой голове".
Для наглядности обучения всем детям раздали тяжелые молоточки. Марек примостился возле головы поверженного Амана.
Подошли раввины-големы, ведя на привязи сахарных гоев. Это существа маленькие, безобразные и горбатые. У них на лицах только испуганные глаза, картошкой носы и совсем нет ртов.
Гой кладет свою руку на безухую голову Амана. Раввин подмигивает Мареку, и тот начинает колотить молотком по сахарным пальцам, разбивая их на куски. При каждом ударе молотка Аман смешно стонет: "Ой!" - а безротый гой уморительно гримасничает.
Другие дети окружили заколотого Андрюшку, используя его телячью голову как наковальню. Андрюшка, хоть и был мертв, при ударе выкрикивает тоненьким голосом по-русски: "Мамочки!" - и жмурит голубой глаз, чтобы в него не попали осколки сахарных пальцев и ногтей.
Наконец, гои съедены и всем становится понятно, что не хватает лишь музыки. На соседней поляне дядя Адик уже созывает детский оркестр. Марек бежит со всех ног и получает из рук дяди Адика чудесную скрипку. Правда, к ней нет смычка, но на помощь приходит глиняный бейлис, у которого из висков растут длиннющие пейсы. Он вырывает один пейс, прилаживает к палке - и смычок готов.
Марек водит смычком по струнам, и, хотя он раньше никогда не играл, скрипка в его руках звучит так замечательно, что ноги сами пускаются в пляс. Даже птицы и насекомые весело кружатся под веселые переливы.
Марек долго играл, потом устал и захотел пить. Он положил на землю скрипку и побежал туда, где раздавали прохладительные напитки в бутылочках в виде пупсов. Чтобы открыть бутылку, нужно открутить младенцу головку, и из горлышка льется шипучий красный лимонад с терпким, будто кровавым привкусом...
Кажется, празднику не будет конца. Но дядя Адик смотрит на часы и снова трубит в золотой рог, приложив его к губам обратной стороной. Дорога, сад, синагоги - все исчезает. Снова земляной пол и кирпичные стены барака.
Дядя Адик грустно улыбается: "Просто, настоящий золотой рог еще не вострубил. Это была, скажем так, репетиция".
От этих слов веет такой горечью, что у Марека разрывается сердце и он без сил падает на свою полку. Во рту еще недолго остается привкус красного лимонада...

Так случилось, что Марк Борисович задремал в трамвае. Было лето, и на жаре Марка Борисовича разморило. Во сне с ним и случился очередной сердечный приступ, он упал с сиденья и разбил вставной челюстью губу. Рот был полон крови. Очнулся Марк Борисович уже в больнице, и под капельницей вспоминал свой сон и ощупывал языком ранки под губой.
Через неделю Марк Борисович выписался из больницы. Врачи сказали, что опасность миновала, и он отделался довольно легко. Марк Борисович и сам это понимал. В то удушливое лето многие стали жертвами жары. Умерли даже несколько известных артистов - это передавали в новостях.
Жизнь вошла в обычную колею. Два раза в неделю Марка Борисовича посещала медсестра, делала уколы. Сам он решил сесть на диету, которая, впрочем, ограничилась тем, что после девяти вечера Марк Борисович больше двух бутербродов не ел.
По возвращении из больницы на четвертую ночь опять приснился дядя Адик.

Он присаживается на полку рядом с Мареком и говорит: "Сегодня я хочу пригласить тебя на экскурсию. Путь неблизкий".
Своды барака вмиг выгибаются пещерным известняковым горбом и обрастают искристыми сталактитами. Дядя Адик терпеливо ждет, когда Марек зашнурует свои башмаки. Наконец, Марек готов в поход, он берет дядю Адика за руку.
Вдвоем они выходят из пещеры. Снаружи царит солнечный день. Катит неподалеку серебряные воды бурлящий водопад. Склоны горы поросли кустами

можжевельника и кипарисами. Воздух душист и свеж.
С возвышения Мареку открывается восхитительный вид. Там, под горой, расстилается бескрайняя зеленая долина, а посреди нее высится огромный город, с башнями, дворцами, площадями, фонтанами. Он, как рождественский сувенир, заключен в сияющий прозрачный колпак.
Марек и дядя Адик спускаются к городу. Они осторожно идут по осыпающейся мелкими камешками тропинке, пока не ступают на травяной покров долины.
Из ниоткуда появляются два необычных существа. Одно похоже на гигантскую птицу, оно то тяжело перепархивает с места на место, то прыгает на двух тонких и сильных, как у страуса, лапах. Туловище странной птицы короткое и толстое, почти без шеи. Второе существо выглядит как обыкновенная домашняя свинья, но размером с крупного бегемота. Животное покрыто белой шерстью, а пятак голый и розовый. Дядя Адик поясняет:
- Это стражи долины: Пархатый Воробей и Кошерный Поросенок.
Мареку очень интересно поговорить с необычными существами, а у тех уже наготове интересные истории. Кошерный Поросенок выхрюкивает Мареку, что ангелы говорят только на иврите, и поэтому молитвы на других языках до них не доходят. Пархатый Воробей в это же время нашептывает Мареку сказку, как главу бесплотных сил Метатрона по приказу Иеговы выпороли огненными плетьми за то, что он не поприветствовал попавшего на небо раввина.
Так они достигли удивительного города. Он окружен высоким, упирающимся в небеса хрустальным сводом. За ним сразу начинаются мраморные арки, колонны в зарослях дикого винограда, витые лесенки, башни с ажурными балконами. Ворота не имеют створок. Это сплошной лист золота, похожий на заслонку для неимоверной печи. На воротах даже есть ручка.
Животные оставляют Марека и дядю Адика наедине. Тот говорит: - Присаживайся, Марек.
- А разве мы не зайдем в город? -

большой, чтобы Марек мог просунуть туда голову.
Он видит стеклянный тоннель, гладкий как бутылка. В конце тоннеля отсвечивает солнце, и отражения лучей пылают на стенах, как огонь в печи. Даже гул слышится, но это дует залетевший ветер.
Марек протягивает руку - пальцы будто упираются в невидимую стеклянную преграду.
На глаза наворачиваются слезы, но Марек не успевает заплакать, потому что дядя Адик кричит:
- Посмотри скорей, кто пришел к тебе!
Марек отводит взгляд от пылающих отражений солнца и видит, что с другой стороны к прозрачной стене прильнула женщина, похожая на счастливую рыбу. Марек вдруг понимает, что это мама. Она шлет воздушные поцелуи, смеется. Черты ее лица размыты, но Марек знает, что это она.
Слышится мамин голос: "Марек, я тебя каждый миг вспоминаю, жду, когда же смогу обнять тебя. Здесь вся наша семья, мы счастливы, только ты еще не с нами. Будь терпеливым, слушайся во всем дядю Адика, и когда придет твой черед, ты пройдешь в наш город. Да будет вовеки с тобой бог Израиля!"
Город медленно тускнеет, пока не становится продолжением ночи. Марек стоит возле своего барака. Дядя Адик рядом с ним.
Марек страшно взволнован, он теребит рукав дяди Адика:
- Когда же я попаду в этот город?
- Потерпи, пока не придет твоя очередь, - говорит дядя Адик. - Взгляни на свое запястье. Видишь там чернильный номер? Он не нарисован, а выколот. Никто не сможет его стереть или подделать и раньше тебя пройти в город. Я сам проследил, чтобы все было честно. Ты ведь не маленький и должен понимать, что, кроме тебя, есть другие дети и взрослые, которые тоже хотят в волшебный город. Подойдет и твоя очередь, а пока будь терпеливым. А то номер с твоей руки возьмет и испарится.
Марек знает, что дядя Адик шутит, но все равно послушно кивает...

Марк Борисович давно свыкся со своим номером, как с некрасивым родимым пятном, которое лучше прикрывать одеждой. Он даже летом носил рубахи с длинным рукавом, чтобы татуировки не было видно. Бывало неприятно, когда спрашивали, почему да отчего. Со временем чернила в коже выцвели. Только если Марку Борисовичу становилось плохо с сердцем и все тело его приобретало чуть синеватый оттенок, поблекший номер снова наливался краской.
В последнее время от частых сердечных приступов номер значительно почернел и даже как-то набух - цифры сделались не то чтобы выпуклыми, но слегка выделялись на кожном рельефе.
Марк Борисович за минувшие годы хорошо изучил свои сны и знал их цикличность. Скоро должен был присниться вход в волшебный город, а за этим сном следовал кошмар, о

добродушное лицо. Он напускает на себя строгость, и говорит заключенным с притворной суровостью:
- Los, los, verfluchte Schweine!
И солдатам, и заключенным понятно, что офицер - неважнецкий актер, и все его попытки казаться сердитым просто комичны. Добряк-эсэсовец беспомощно разводит руками, мол, делаю, что могу. Но формальность игры соблюдается, солдаты легко подталкивают заключенных дулами автоматов. Офицер улыбается и украдкой дружески похлопывает заключенных по спинам.
Оставаясь в тени бараков, дядя Адик и Марек крадутся следом за ними, прямо туда, где дымит труба.
- Вот она, наша Жаркая Эльза. Поздоровайся с ней, Марек, ей будет приятно.
Труба вырастает из большой печи, ощерившейся беззубым зевом.
- Здравствуй, Жаркая Эльза!
Закопченная заслонка прислонена к стене. Рядом с печью стоит еще один офицер СС. Он держит тетрадь.
- Гляди, Марек, - с гордостью произносит дядя Адик, указывая на жерло печи. - Вот он, настоящий вход в хрустальный город, это я нашел его.
Офицер с тетрадью приветливо оглядывает подошедших и одними губами произносит: "Шолом!" - а потом, повысив голос, добавляет рык театрального злодея:
- Ausziehen! Schnell, schnell, verdreckte Juden! - только глаза его сияют ласковой радостью.
Заключенные быстро раздеваются. Начальник конвоя смотрит на их упитанные, полные здоровья и силы тела, и с восхищением говорит:
- Мартин, в этой полосатой одежде они действительно выглядят худыми и изможденными!
Офицер, стоящий у печного зева, окунает в ведерко губку, и золотистая жидкость стекает на его китель, каплет на гравий. Заключенный протягивает руку, офицер проводит по ней губкой, и чернильные цифры исчезают.
Он делает пометку в тетради и, улыбаясь, отвечает начальнику конвоя:
- Просто полоски создают оптический эффект худобы!
Подручный солдат уже успел набить снятую одежду соломой. Быстрыми взмахами иголки он пришивает к воротнику полотняный мешок, в котором заключенный хранил свои вещи, так что создается полная иллюзия бездыханного туловища. Чучело солдаты грубо волокут для символического сожжения - неподалеку от Жаркой Эльзы коптит техническая печь, настолько обыкновенная, что у нее даже нет имени.
Наступает трогательный момент прощания.
- Viel Gluck! Bis bald, viel Spass, meine Lieben, - твердят наперебой офицеры и солдаты.
- Vergiss mich nicht, bitte, - шепчет юный блондин-конвоир заключенному. Тот уже поставил колено в печь, но оборачивается, его лицо мокро от слез.
Начальник конвоя тихо произносит:

בָּרוּךְ אַתָּה, יְיָ אֱלֹהֵינוּ, מֶלֶךְ הָעוֹלָם, שֶׁלֹּא עָשַׂנִי אִשָּׁה.

спрашивает Марек.
- Боюсь, это не получится. Туда так просто не попасть, - дядя Адик задумчиво срывает травяной стебель.
- Так вот же ворота - давайте постучим, - недоумевает Марек.
- Стучи сколько угодно. Этих ворот на самом деле нет. Одна видимость, отражение настоящего входа, только он находится не здесь, а там, откуда мы пришли, неподалеку от вашего барака, и выглядит, конечно, не так красиво. Но войти можно только там. И если честно, эти ворота не открываются, а отодвигаются. Они же, в конце концов, не ворота, а обыкновенная печная заслонка. Разве ты не заметил этого? - дядя Адик лукаво щурится.
- Ну, давайте хотя бы отодвинем заслонку, - предлагает Марек.
- Bitte schon, - кивает дядя Адик. Он призывно свистит волшебным животным, что пасутся неподалеку.
Пархатый Воробей машет короткими крыльями и тяжело взмывает в воздух. В исполинском клюве зажата толстая веревка с крюком. На другом конце веревки огромный хомут, в который уже впрягся Кошерный Поросенок. Воробей подцепляет крюком ручку заслонки. Поросенок тянет веревку, и заслонка отъезжает. Щель оказывается достаточно

котором и думать не хотелось. После него дольше всего болело сердце. Правда, затем наступала большая, до полугода пауза, и сны повторялись с начала с некоторыми вариациями...

Марек лежит на своей полке и прислушивается к орудийным громам, что грохочут где-то далеко-далеко, на окраине человеческого слуха, по ту сторону мира, за лагерем.
Часы на стене тревожно отбивают двенадцать. Марек не успевает заметить, когда появился дядя Адик.
- Куда мы пойдем сегодня? - спрашивает Марек. - Снова в долину?
- Хм... - задумывается дядя Адик. - А чего бы тебе хотелось?
- Дядя Адик, помнишь, ты сказал про настоящий вход. Можно, я на него посмотрю?
- Ладно, - соглашается дядя Адик, - только постарайся не шуметь.
- Я буду вести себя тихо, как мышка, - обещает Марек.
Дядя Адик чем-то расстроен. Он, так же как и Марек, прислушивается к далеким взрывам и тихо вздыхает.
Они идут мимо спящих бараков. Недавно прошел дождь. С крыш сбегают мелкие, дробящиеся на капли, струйки воды. Вокруг странная, полная шорохов тишина, словно еще кто-то тоже пытается не шуметь. Мягкий луч прожектора гаснет и снова вспыхивает, точно дружески подмигивает Мареку, а потом переползает дальше, на бетонный забор с колючей проволокой, обвитой плющом.
Приоткрылась дверь барака, во двор выходят несколько заключенных. Из темноты выступает конвой - солдаты молоды, красивы и безмятежны. Офицер СС, возглавляющий конвой, изо всех сил старается выглядеть суровым и серьезным, но улыбка то и дело растягивает его

- Пора, мой друг.
Заключенный торопливо лезет в жерло Эльзы. Офицер, по имени Мартин, подкладывает руку, чтобы тот не ушиб затылок, затем прикрывает вход заслонкой. Из щелей струится невыносимо яркий свет.
Когда заслонка перестает лучить, офицер снимает ее и кладет на землю. В печи уже никого нет.
Наступает очередь следующего заключенного, процедура прощания повторяется.
Дядя Адик и потрясенный Марек возвращаются к детскому бараку.
- Все, что ты видел, Марек, - великая тайна. О ней никому нельзя рассказывать. - Лицо дяди Адика мрачнеет. - Самое печальное для меня в волшебном городе - то, что туда могут попасть немногие. Увы, только избранный народ может войти в город, где нет печалей и болезней, где вечная жизнь. Когда о том, что я нашел его, узнали злые и жадные люди, они пришли ко мне и просили: "Отведи и нас в волшебный город, и мы хорошо заплатим тебе". Я спросил: "А что будет с теми, которые по праву рождения должны быть там?" Тогда они разозлились и пообещали отомстить мне. И эти люди стали придумывать обо мне гадости. Они уже сделали все, чтобы меня боялись и ненавидели. Но ведь ты никогда не поверишь им, правда, Марек? Что бы ни говорили, не поверишь? - дядя Адик испытывающе смотрит в детские глаза.
- Ну что ты, дядя Адик! Я люблю тебя, и буду любить всегда, - говорит Марек и доверчиво сжимает теплую ладонь дяди Адика. Марек не понимает, как такого доброго дядю Адика кто-то боится или ненавидит.
Дядя Адик мечтательно оглядывает звездное небо.
- О, это была большая работа, Марек. Не так уж просто

15-06-1999 13:16 FROM: 229-17-85 TO: 322550 P:01

построить лагеря и собрать для их обслуживания столько преданных моему делу людей, умеющих хранить тайну, готовых, как я, пожертвовать всем, чтобы спасти избранный народ. Мы опасаемся шпионов, и поэтому все приходится окружать игрой в жестокость. Можешь представить, как тяжело это дается моим верным друзьям из СС.
- Что означает СС? - спрашивает Марек.
- Солдаты Совести, Силы, Счастья. Выбирай, что тебе больше нравится.
За разговором Марек не замечает, как они оказываются в бараке. Кругом тишина, все дети спят со счастливыми улыбками. Им тоже снится дядя Адик...

Марк Борисович торопливо нашаривает на столике таблетки нитроглицерина. Сердце, будто игральные кости, трясет в стаканчике невидимая рука. То ли еще будет, когда приснится настоящий кошмар.
Придет ночь, и растянутое на долгие месяцы воспоминание завершит свой круговорот. Повторится извечный ужас погони, когда тело изнывает от спешки, а ноги вязнут в болотной поверхности сна. Начнется изнурительная борьба с этим топтанием на месте, и страх, что гонится по пятам, дохнет горелым жаром в спину.
Дядя Адик, крепко прижимая Марека к груди, побежит из барака к Жаркой Эльзе. Станут рваться снаряды, запылает оранжевым пламенем небо, взвоют самолеты. Упавший с неба фугасный смерч повалит трубу крематория.
Но самое страшное, что из-за грохота и самолетного гула сон насильственно оборвется, и проснувшийся Марк Борисович так и не узнает, успел ли дядя Адик с мальчиком добежать до печи, в ушах останется крик, слоящийся на эхо: "Я вернусь, Марек!.. Вернусь..." И наступит лютая боль пробуждения, словно Марка Борисовича взяли изнутри за сердце и вывернули наизнанку.
Марк Борисович выпьет таблетки, вызовет врача, и боль закончится...

Ночь стрекочет. Такой же безумный треск можно услышать летом на юге, когда обезумевшие легионы цикад отстреливаются в листве, до последнего патрона.
В небе слышится тяжелый надрывный гул самолетов. Падающие бомбы орут свое пронзительное младенческое уа-ааа. Взрыв ударяет где-то возле барака, так что от сотрясения слетают настенные часы. Грохнувшись об пол, они издают жалобные звоны. На двенадцатом появляется дядя Адик.
- Марек, сегодня твоя очередь подошла, пора в волшебный город. Нет времени на сборы. - Дядя Адик хватает сонного Марека на руки. - Скорее к нашей Жаркой Эльзе!
Небо вспыхивает оранжевыми языками пламени, словно мир подожгли со всех сторон. Марек чувствует, как колотится его сердце. Взрыв, еще один взрыв. Невидимая лопата смерти вскапывает землю в нескольких метрах от них, подбрасывает фонтаном черные комья, обрушивая на спины. Дядя Адик падает на колени, снова поднимается и бежит. Вот уже совсем рядом заветный крематорий.
- Скорее, мой фюрер, скорее! - кричит знакомый Мареку офицер Мартин, тот самый, что провожал ночью группу заключенных.
- Дядя Адик, а что такое фюрер? - успевает спросить Марек.
- Мои соратники называют меня проводником или фюрером, потому что я провожаю людей в счастье, - задыхаясь от бега, говорит дядя Адик.
- Можно я тоже буду звать тебя фюрером?!
- Это слишком официально, дружок. Для тебя я всегда останусь дядей Адиком.
Доносится гул летящей бомбы. Мгновение, и небесный грохот врезается в кирпичное тело Жаркой Эльзы. Башня переламывается, верхушка ее оседает, разваливаясь.
- Сволочи! - грозит дядя Адик самолетам. - Не троньте Эльзу!
Офицер СС лежит, придавленный кирпичными обломками.
- Бедный Мартин! - вскрикивает дядя Адик. Он осторожно ставит Марека на землю и бросается к поверженному товарищу. Вдвоем с Мареком они пытаются освободить Мартина из-под обломков Эльзы.
- Мой фюрер, уходите и уносите мальчика, - шепчет офицер.
- Все пропало, вход в город разрушен, - голос его дрожит.
- Нет, Мартин, это только труба пострадала, сама печь еще в порядке.
Ведро с золотистой водой опрокинуто и сплющено.
- Увы, Марек, я не могу стереть твой номер, полезай в печь так, - дядя Адик целует Марека в лоб.
Сзади подступают голоса, дикая оратория матерщины, воплей "ура!" и "За Родину! За Сталина!". Багряные сполохи взрывов выхватывают из темноты колонны солдат.
- Быстрее, Марек, малыш, они уже совсем близко, - торопит дядя Адик. - Чего ты ждешь?!
- Я задержу их, мой фюрер! - у Мартина пистолет с тонким стволом. Он устанавливает искалеченную руку на обломок трубы, стреляет. Черные призраки падают, но вместе с ними упавшие тени еще продолжают движение, удлиняясь после смерти.
Будто снежки из темноты вылетают гранаты. Вместе с обломками кирпича взрыв подкидывает в воздух бездыханное тело офицера, верного охранника Эльзы.
- Скорее, Марек! - кричит дядя Адик, в отчаянии поглядывая на грозные силуэты солдат.
Марек на прощание обнимает дядю Адика и лезет в печь. Вот он уже поставил колено на мелкое угольное крошево. Лаз достаточно просторный, Марек ползет вперед. Неожиданно его окутывает почти кромешная тьма. Он слышит, как дядя Адик гремит печной заслонкой.
- Не волнуйся, Марек, так надо, вход откроется через минуту... - Голос дяди Адика обрывает совсем близкий взрыв.
Страх переполняет душу Марека - вдруг дядя Адик ранен! Марек пятится, толкает ногой заслонку, выбираясь наружу. Первое, что он видит, - это лежащая на земле коробка с цукатами. Марек озирается в поисках дяди Адика. В кирпичной стене полуразрушенного барака уже появился световой контур потайной двери, в которую готовится скрыться дядя Адик.
Марек подбирает коробку:
- Ты забыл цукаты!
Лицо дяди Адика искажается мукой:
- Марек, что ты здесь делаешь? Бегом в печь!
- А как же цукаты? - кричит Марек.
- Брось их, они мне не нужны! Марек, немедленно в печь! - подволакивая перебитую ногу, дядя Адик спешит к Мареку, надрывает голос, чтобы перекрыть грохот взрывов. - В печь! В печь!
За спиной разрывается бомба. Горячая волна бросает Марека на камни. Он падает и совсем не чувствует боли. Жестянка раскрылась в его руках, Марек не удерживается от соблазна. Никому не удавалось получить больше одного цуката. Марек выхватывает из коробки несколько сладких комков и, запихнув их в рот, лезет в печь.
Странно, но что-то начинает удерживать его. Марек непонимающе оглядывается и, к своему удивлению, видит Амана. Только молодого, безусого, но в пилотке с красной звездой и автоматом ППШ в руке. Он тянет Марека из печи. Марек отчаянно сопротивляется, вонзая ногти в угольное крошево, но пальцы скользят, не находя выступов в кирпичной кладке. Цепкие руки советского солдата вытаскивают его из печи и одновременно из сна.
Солдат поворачивается к подбегающим Аманам и радостно сообщает по-русски:
- Спас! Вроде живой!
Марек еще успевает заметить, как в глубине печи брезжит огненный перелив открывающегося входа в волшебный город.
Марек трепыхается, как рыба. Солдат, продолжая держать его за ногу, достает гранату, подносит ее к лицу. Желтым клыком он отрывает предохранительное кольцо, потом бросает гранату в жерло печи.
Печь гулко кашляет и проседает. Входа в волшебный город больше нет.
Аман хохочет. Марека начинает рвать цукатами. Разноцветная липкая жижа заливает глаза.
Но даже в этом обморочном, рвотном забытьи ему слышится удаляющийся голос дяди Адика:
- Я вернусь за тобой, Марек! - кричит дядя Адик. - Обещаю тебе, я вернусь!

Марк Борисович просыпается.
Конвульсии недавнего кошмара сотрясают тело. Сердце прыгает, разрывает грудь, точно хочет вылупиться. Из живота вдруг подкатывает сладкая отрыжка. Марк Борисович понимает, что это не сгусток рвоты, а слипшиеся цукаты, и с наслаждением начинает жевать их. Рука его, машинально нащупывающая таблетки, опрокидывает пузырек. Таблетки сыплются на пол с дивным часовым звоном.
Стену комнаты прорезает желтый полуовал, через который входит дядя Адик. На появившейся двери нет петель, дядя Адик просто отставляет ее в сторону, как печную заслонку.
Дядя Адик одет в атласный бело-голубой китель, грудь его украшает наградной крест, такой же, как на броне грозных танков или крыльях сбитых Аманами самолетов. У дяди Адика маленькая шпага, на ногах черные сапожки с золотыми шпорами в виде шестиконечных звездочек. В руках ведерко.
Дядя Адик говорит: "Здравствуй, Марек".
Цукаты намертво сковали зубы Марка Борисовича, он только счастливо мычит, юркие слезы катятся по морщинистым щекам.
"Я вернулся!" - дядя Адик берет слабую руку Марка Борисовича и проводит влажной губкой, стирая черно-фиолетовый номер.
Потайная дверь, похожая на оскаленный печной рот, жарко пылает золотым пламенем волшебного города.

Михаил Елизаров

CONFIDENTIALITY NOTICE

...s information contained in this facsimile message is intended only for the use of the individual or entity to which it is addressed, and may contain information that is ...ally privileged, confidential and exempt from disclosure ... the intended recipient, or the employee or ...ponsible for delivering the message to the intended recipient, you are hereby notified that any disclosure, photocopying, distribution or the taking of any action in ...ance on the contents of this facsimile transmission is unauthorized and prohibited. If you have received this transmission in error, please immediately notify ...ephone so that we can arrange for the return of the facsimile message/documents to us at no cost to you. Thank you.

בָּרוּךְ אַתָּה, יְיָ אֱלֹהֵינוּ, מֶלֶךְ הָעוֹלָם, אֲשֶׁר יָצַר
אֶת הָאָדָם בְּחָכְמָה, וּבָרָא בוֹ נְקָבִים נְקָבִים
חֲלוּלִים חֲלוּלִים, גָּלוּי וְיָדוּעַ לִפְנֵי כִסֵּא כְבוֹדֶךָ, שֶׁאִם
יִפָּתֵחַ אֶחָד מֵהֶם אוֹ יִסָּתֵם אֶחָד מֵהֶם, אִי אֶפְשָׁר
לְהִתְקַיֵּם וְלַעֲמֹד לְפָנֶיךָ אֲפִלּוּ שָׁעָה אֶחָת. בָּרוּךְ

фото:макс афанасьев & елена афанасьева
<totem@public.kherson.ua>

В каждом из нас есть Ребёнок с Бензопилой. Причём Бензопила - это не игрушка, а средство познания мира. А игрушек всё равно хочется. И игрушки приходят. Они называются - Dead Chickens.
Они лязгают, но в этом лязге - их пение.
Они дребезжат, но в этом их танец.
Они грохочут, но в этом их жизнь.

Они из железа, но, ей-богу, где-то в этом металле спрятана душа.

Они извергают пламя, клацают зубами и живут в клетках. Но эти клетки защищают не мир от них, а их - от нас, Детей с Бензопилами.

Каждого из них создатели наградили сценическим псевдонимом, но настоящие имена существ скрыты в возгласах и слезах восторга Ребёнка с Бензопилой.

Я не знаю, кто придумал им такое имя - Dead Chickens. Это очень, очень несправедливо. Потому что они живее всех живых. Уж точно живее нас, посетителей. И, кажется, даже живее своих создателей - ко мне вышел один, весь в дрэдах, с коллапсом зрачков. Очень молодой. Слишком молодой, чтобы уважать ржавчину на коже этих созданий. Да, скорее всего, Dead Chickens - это подходящее название для группы художников, слишком бледных и заторможенных рядом со своими созданиями, художников, потерявших свои детские Бензопилы или сознательно променявших их на детские Сварочные Аппараты. А может, когда Аллах раздавал Бензопилы, им просто не хватило, и Аллах дал чего под руку подвернулось. И теперь они обречены производить своих железных галатей и каждой отдавать часть себя. Оттого и заторможенные такие - одна ж оболочка уже осталась, шутка ли - двадцать лет, десятки актов сотворений...

В 1986 году D.Ch. образовались в Берлине. И на следующий же год покатили по Европе и катались так три года. Показывались в "Ars Electronica" - самом крутом центре экспериментального медиа-арта, где каждая инсталляция стоит миллионы и никогда не окупится. D.Ch. стоили как железо с

помойки. Сейчас, на двадцатом году жизни и раскрутки, они стоят столько же. Писались для радио и кино. Вернулись знаменитыми и были приняты в берлинской Academy of Fine Arts. Сняли фильм на 16 мм. И понеслась...

В 92-м железные монстры попали в официальную программу берлинского феста Documenta. Прорвались на ТВ с двумя реалити-шоу. В 93-м полязгали во Франции и в Чикаго. В 95-м состыковались с японцами, произведя первый аудио-релиз "Wohlstand". Зашевелились в Интернете, существуя сегодня как www.deadchickens.de. В 96-м покорили Амстердам и покатились по клубам северной Италии. Италия их полюбила. В тот же год полюбила Польша. На следующий - Швеция. Не мудрено - нет, просто НЕТ такого человека, который бы не захотел или удержался бы от соблазна понажимать на кнопочки пультов, с которых управляются железные монстры в клетках, заставляя их громыхать, лязгать зубами, танцевать - ЖИТЬ. На каждом пультике кнопок штук

пять-шесть, и, в зависимости от нажимаемой комбинации, чудовище делает разные па. Комбинаций очень много (кто знает, что такое факториал, посчитайте быстренько, кто не знает - ну, извините), поэтому стоять возле каждой клетки можно бесконечно. Особенно поражает шоу трёхголового монстра: у каждой Головы свой голос - невероятно густой и по-своему мелодичный, они спорят между собой, а иногда басом ревёт Живот, или выезжает и раскрывает зонтик рта Кричалка. Создатели Dead Chickens знают Главные Комбинации и раз в день устраивают шоу, когда Головы разыгрывают целые спектакли...

Из последних проектов стоит упомянуть "Clash of the giants" (концерт и перформанс Dead Chickens vs. Puppetmastaz в Берлине, 2003) и проект "ChiMech: одиссея механических созданий" (Lille-2004, european cultural capital). Этим летом D.Ch. работают в своём берлинском доме - огромном ангаре, куда вход стоит 5 евро и откуда невозможно уйти. Поэтому вдоль стен стоят диванчики...

Однажды D.Ch. сделали перформанс в берлинском центре Tacheles, который назывался "Мы никогда не спим" - ну, это они масло масляное произвели на свет, потому что ни рядом с ними, ни под их музыку, ни вместе с ними заснуть невозможно. Но зато как интересно было бы остаться с ними ночью в их ангаре, где они отдыхают от своего дневного шоу, во время которого мерзкие карапузы жмут на кнопки, заставляя скрежетать суставы и обжигать пламенем металлические глотки. Наверное, это была бы незабываемая ночь... Ради этого я бы даже положила свою бензопилу под подушку - до утра.

Елена Афанасьева-Сиамская

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

...и сказал им: ...плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней.
Бытие, глава 9

фото александр яковлев<sanches@comtv.ru>

2 X 1 = 2	3 X 1 = 3	4 X 1 = 4	5 X 1 = 5	6 X 1 = 6	7 X 1 = 7	8 X 1 = 8	9 X 1 = 9
2 X 2 = 4	3 X 2 = 6	4 X 2 = 8	5 X 2 = 10	6 X 2 = 12	7 X 2 = 14	8 X 2 = 16	9 X 2 = 18
2 X 3 = 6	3 X 3 = 9	4 X 3 = 12	5 X 3 = 15	6 X 3 = 18	7 X 3 = 21	8 X 3 = 24	9 X 3 = 27
2 X 4 = 8	3 X 4 = 12	4 X 4 = 16	5 X 4 = 20	6 X 4 = 24	7 X 4 = 28	8 X 4 = 32	9 X 4 = 36
2 X 5 = 10	3 X 5 = 15	4 X 5 = 20	5 X 5 = 25	6 X 5 = 30	7 X 5 = 35	8 X 5 = 40	9 X 5 = 45
2 X 6 = 12	3 X 6 = 18	4 X 6 = 24	5 X 6 = 30	6 X 6 = 36	7 X 6 = 42	8 X 6 = 48	9 X 6 = 54
2 X 7 = 14	3 X 7 = 21	4 X 7 = 28	5 X 7 = 35	6 X 7 = 42	7 X 7 = 49	8 X 7 = 56	9 X 7 = 63
2 X 8 = 16	3 X 8 = 24	4 X 8 = 32	5 X 8 = 40	6 X 8 = 48	7 X 8 = 56	8 X 8 = 64	9 X 8 = 72
2 X 9 = 18	3 X 9 = 27	4 X 9 = 36	5 X 9 = 45	6 X 9 = 54	7 X 9 = 63	8 X 9 = 72	9 X 9 = 81
2 X 10=20	3 X 10=30	4 X 10=40	5 X 10=50	6 X 10=60	7 X 10=70	8 X 10=80	9 X 10=90

фото:ДенIS<kinger@bigmir.net>

6772

Ты выжил, говорит ему врач. Поздравляю, садись на кушетку, уже можно сидеть. Можешь и домой идти, если хочешь - ты выжил.
Ваня садится, трогая пальцами белые бедные простынки на каталке и резных жереб на коже тонкого черепа. Ему кажется, что уйти невозможно - как будто у него нету то ли ногтей, то ли корней волос (а как тогда волосы держатся в голове? - думает бедный Ваня), то ли еще какой-то глупой части астрального тела. Возможно, пока врач боролся с темнотой, чтобы Ваня выжил, пришел чорт-делец и купил у врача Ванину жизнь в обмен на Ванину улыбку (он читал такую книжку недавно) или корни волос.
Ваня пробует улыбнуться, проводит рукой по губам - фухххх, мягкая, смайл, работает.
А где мои игрушки, я их тоже заберу, вдруг вспоминает он. Мотоциклик, мягкий резиновый молоток, кукла Желюзями, свинцовый Петрушка.
Врач снимает очки, протирает их полой белого бедного халата, бедный халат, думает Ваня - измазан кем-то раздавленным, едой испачкан, некому обстирывать врача.
Ты выжил, повторяет врач. А они - нет. Мотоциклику вырезали печень и не успели вставить новенькую, мягкий молоток ухнул в пропасть, как будто специально, куклу Желюзями обманул капитан Мронский и она из-за этого покончила с собой, наглотавшись стеклянных трубочек для нюхательного табака, а со свинцовым Петрушкой случилось такое, что я не буду даже говорить, детям нельзя говорить про это.

Where is
my favourite
clown?

жыл

Так я зря получается выжил, смеется Ваня, все еще радуясь не купленной чортом улыбке.
Ну получается зря, подтверждает врач, зато мне возможно дадут премию. Врач хочет улыбнуться, но не может и не умеет - и когда Ваня смотрит в его грустные свинцовые глаза, он видит, что рот вышит серебряными ниточками, а на самом деле его нет - ни рта нет, ни невозможности улыбки, получается, нет, ни разговора никакого не вытечет из нитяной подушечки врача -
- выжил, думает Ваня, и даже не поговоришь об этом ни с кем. Хоть бы кукла Желюзями осталась - сидели бы с ней на подоконнике, жевали ирис и болтали о смерти, как это было миллионы недель сладчайшего прошлого назад. Или свинцовый Петрушка - пили бы чай из яичных скорлупок, словно новорожденные, и он бы опять рассказывал мне о настурциях и мастурбации: все, что он знает. А куда теперь ушли его знания? К Богу? Богу не нужны такие знания, еще чего. Он и без моего Петрушки все знал, морщится Ваня.

Ваня прощается с вышитым красными нитками врачом, еще раз улыбается, чтобы временно отогнать мысли о сделке, и уходит домой - в пустой красивый дом, где можно до утра думать о том, кому и как все же можно загнать эту идиотскую улыбку и корни вьющихся волос - суки, ну пускай бы Петрушку хотя б вернули.

Таня Замировская

Предыдущие 57 номеров журнала НАШ можно приобрести, позвонив в редакцию по т.0562/322580, 056/3704268, или заглянув на книжный рынок "Петровка" в Киеве, 35 ряд, 5 место; или в "Билингву"–"Проект ОГИ"–"Фаланстер" в Москве или разок позажигав с редакцией, после чего всё это бумажное искусство померкнет и рассыплется перед лицом Настоящей Реальной Жизни.

P.S.

6774

danke: егор ковальчук
<kaljaki_maljaki@t-online.de>

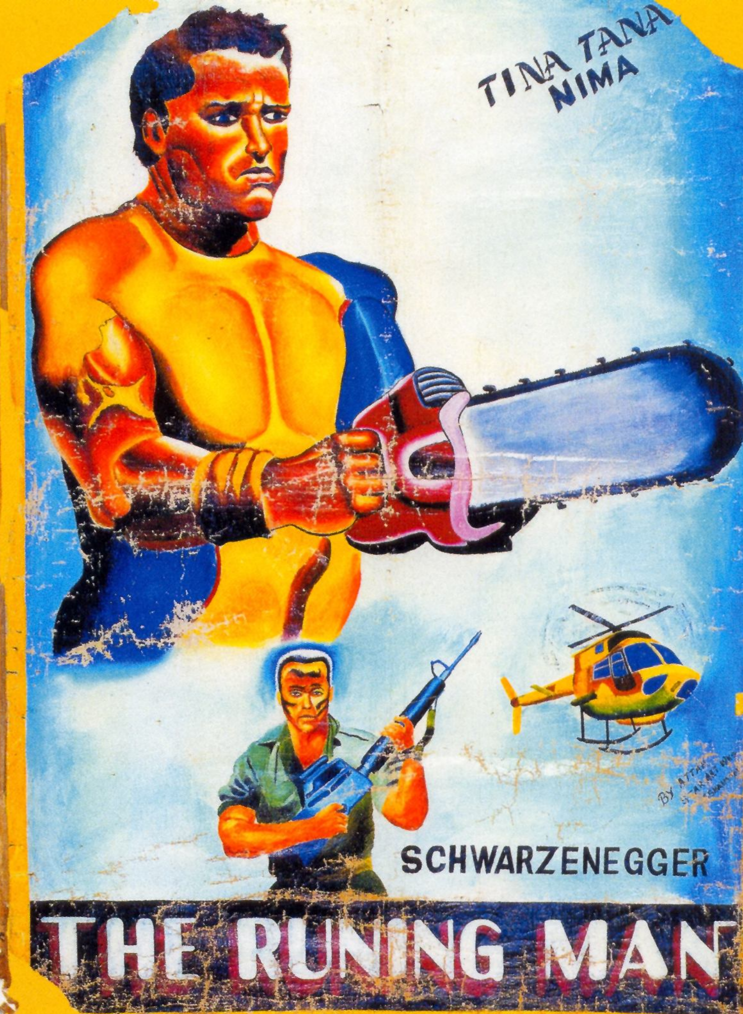
для мілой Ари
слухай, дітонька, казочку...
десь рік з половіной тому пойіхали раз ми з Ніколашей та Назарченком до сіла Ніколаевка, шо на західному узбережжі нашого улюбленного острова Крим, побухать до іх дружбана Плахотіна... набухалися як завжди - з утра та й у димяру - і Ніколаша почав тромбувать усіх - хочу дискотеку, тьолок та горілки!
тож відвів його Плахотін до місцевой дискотеки... а там - рогулі - мама рідненька! усі бикують по-децки, но еб@ла друг другу крошать серьозна. гарматне мясо, короче... дойіблися і до Ігоря - ти бля хто тут в нас такий та чому ти у такой косухе? тибляшо - рокер на#уй? Ніколаша відригнув шляхетно и вежливо так каже: так хлопці, рокер. справжнісенький. вони о#уели реально - а де твій байк? и шо за байк? він - та залишив на подвірйі, знав шо нажрусябля... потім питае мене - сли, хло, шо в мене за байк, а то нажрався, як #уйзнашо - не памйатаю! я кажу перше, шо в туманній голові е - Хонда в нього байк, хлопці. здоровенна така Хонда. вони - не гониш? Ігорь - не гоню, пацики, реально я рокер, бачите яка косуха крута? и Хонда - це вам не Верховіна! рогулі натовпичилися навколо і так і мацають пьянючого в жопу арт-ділехтора індіпендент-арт-мэгэзину... а ё#ла у всіх таки сурьёзні та восхищонние - діты, коротше...
і бачу я - зараз, через кілька хвилиночок вони зрозуміють, як іх жорстоко та вітіевато бля нае#алі. і почнеця куліковськое ізбіение художніков... спас ситуации був такой: один самий борзой підкатуе до Ігоря та питае, скіки в його моцику цуліндрів? Ніколаша смачно цикае зубом, потім повертаеця до мене і важнецьки так, звисока-звисока питае - скіки бля в моему байку цуліндрів нах? ГА??? я понемаю, шо зараз треба щось массивне, тому дзьобаю плечима та й ляпаю, як гімном: 20. Ігорь, нічтоже сумняшеся, перекладае рогулям з африканськой - "двад-цять". вони хором ЯК ЗАГУЛИ!... ааааааааааааааа!!!!!!!!
я тіко після повернення додому зрозумів, шо ми злиняли міраколо. шо стіко цуліндрів тока у челенджера... але ж я не знав!!
ото так, Аро... а ти кажеш - Ява...

(избранные места
из переписки с друзьями)

По Вашим прозьбам

Многие спрашивают: вы часто пишете про кино, нельзя ли напечатать портреты любимых известных актеров? Ответ: можно! Мы вас любим и всё для вас сделаем. Мы не какие-то элитные снобы из в муках сдохшего журнала ПРЕМЬЕР, мы вам не будем подсовывать восходящих звёзд филиппинского кино. Только клёвые тёлки и реальные пацаны.

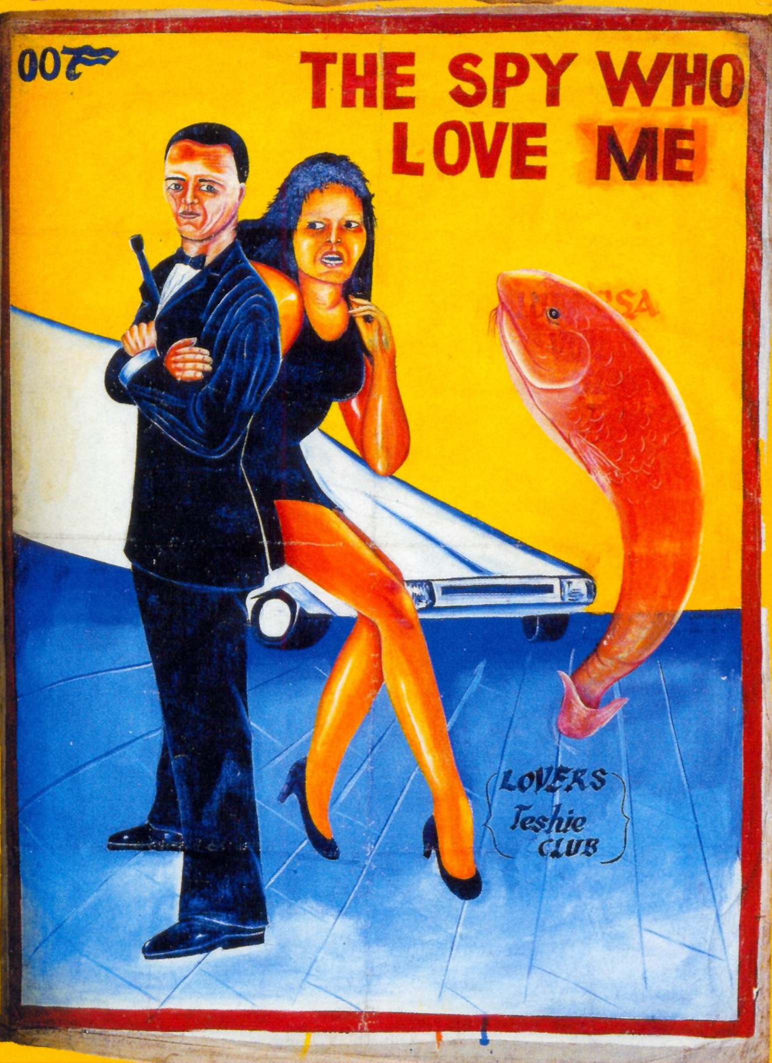

фото:стас волязловский

ОДЕССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО